

Научные статьи и доклады

- языкознание
- литературоведение

Научная хроника

Обзоры и рецензии

Редакционная коллегия

Васильев Л. Г., доктор филологических наук, профессор
(главный редактор)

Балашова Е. А., доктор филологических наук, профессор

Ерёмин А. Н., доктор филологических наук, профессор

Каргашин И. А., доктор филологических наук, профессор

Похаленков О. Е., доктор филологических наук, профессор

Салтыкова Е. А., кандидат филологических наук, доцент

Терехова С. С., кандидат филологических наук, доцент

Кулабухов Н. В. (ответственный секретарь)

Коненкова Н. В. (технический редактор)

Адрес редакции:

248023, г. Калуга, ул. Степана Разина, д. 22/48, комн. 605

Тел.: (4842) 50-30-21

E-mail: VKU2@tksu.ru

Учредитель:

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

© КГУ, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Григорьева В. С.

Особенности аргументации в дискурсивной практике «просьба»..... 5

Гринева М. С.

Варьирование прагматической аргументации в психологической консультации..... 13

Мельничук Н. В.

Прагматические аспекты анализа конструктивности / деструктивности в аргументативном дискурсе..... 20

Павленко А. И.

Практическое применение теории аргументации в развитии навыков письменной речи у студентов..... 26

Рыбалко С. А.

Особенности аргументации в легитимации ценностей в учебно-педагогическом дискурсе..... 31

Сорокина А. И.

Куртуазная личность: обоснование выбора к подходу анализа..... 38

Стрелкова Е. В., Васильев Л. Г., Васильева М. Л.

Риторические аспекты художественного текста и качество профессионального перевода..... 44

Фанян Н. Ю.

Вклад романской школы в развитие лингвоаргументологии..... 49

Филиппова М. П.

Реализация этоса как одного из компонентов риторического триединства в агрессивно маркированных интернет-комментариях..... 55

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Доманский Ю. В.

Соединение несоединимого в художественной интерпретации музыкальной субкультуры позднесоветского времени («Аркаша» Романа Сенчина)..... 64

Жиляков С. В.

Мнемонический потенциал внутрילитературного диалога – условие существования литературы..... 71

Лобков А. Е.

Легенды о Крыме в изложении Н.Л. Эрнста в контексте научной деятельности ученого и идеологических установок..... 76

Локтевич Е. В.

Субъектная организация рок-поэзии С. Калинина (на материале альбома «Дети телевизора»)..... 83

Хорева Л. Г.

Мотив оскорбления покойника в испанской литературе..... 92

Чевтаев А. А.

«Рыцарская» ипостась нового Адама в творчестве Н.С. Гумилева (о поэтике стихотворения «Рыцарь с цепью»)..... 98

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Артёмов С. Ю.

Что такое метабола. Рецензия на: Масалов А.Е. Морфология метабола в поэтическом языке метареализма: диссертация кандидата филологических наук: 10.01.08 – Теория литературы. Текстология. – Москва: РГГУ, 2022. – 290 с..... 105

Балашова Е. А., Каргашин И. А.

Рецензия на монографию Светланы Юрьевны Артемовой «Лирические жанры сегодня» // Тверь, Тверской государственный университет, 2020. – 191 с..... 108

Доманский Ю. В.

Географическая биография Андрея Тарковского: о книге Льва Наумова «Итальянские маршруты Андрея Тарковского» // Москва: Выргород, 2022. – 1024 с. + 48 с. цв. ил. 112

Кулабухов Н. В.

Рецензия на: Десятская С.В. Категория интенсивности как средство выразительности в современном английском художественном тексте (на материале семантического анализа имен прилагательных): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04 – Германские языки. – Москва, 2017. – 168 с. 116

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 119

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-139

В. С. Григорьева**ОСОБЕННОСТИ АРГУМЕНТАЦИИ В ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКЕ «ПРОСЬБА»**

Современная лингвистика в силу антропоцентричности своего характера уделяет особое внимание изучению правил и моделей общения, коммуникативной деятельности и влиянию на нее контекста ее осуществления, способам выражения соответствующих интенций и установок. Объектом исследования в данной статье явились дискурсивные практики, включающие аргументацию как элемент диалогового взаимодействия, в частности, дискурсивная практика «просьба». Результаты исследования позволяют расширить представление о природе и составляющих аргументативного дискурса, о механизмах и способах взаимосвязи в нем когнитивных и коммуникативных структур.

Ключевые слова: аргументация; когнитивная лингвистика; дискурсивная практика; знания; интегративность; когнитивный механизм.

V. S. Grigorieva**FEATURES OF ARGUMENTATION IN THE DISCOURSE PRACTICE «REQUEST»**

Modern linguistics, due to its anthropocentric character, pays special attention to the study of the rules and models of communication, communicative activity and the influence of the context of its implementation on it, ways of expressing the corresponding intentions and attitudes. The object of research in this article is discursive practices that include argumentation as an element of dialogue interaction, in particular, the discursive practice of «request». The results of the study allow us to expand our understanding of the nature and components of argumentative discourse, the mechanisms and ways of interconnection of cognitive and communicative structures in it.

Keywords: argumentation; cognitive linguistics; discursive practice; knowledge; integrativity; cognitive mechanism.

Эффективное ведение диалога в публичном коммуникативном пространстве предполагает не только знание логики аргументации, но и наличие знаний об организации коммуникативного процесса, который строится по определенным правилам и моделям. Применение логических постулатов в аргументативной дискурсивной практике не всегда может дать основание для качественного содержательного истинного аргументативного утверждения. Так, например, в аргументах типа «*Все люди смертны. Яков – человек. Итак, Яков смертен*» вывод определенно верен. В аргументах же типа «*В последние годы в июне всегда было мало дождей. Так что и в июне этого года дождей не будет*» формальный логический подход к рассуждению и применение закона логики не гарантирует адекватность вывода. Очевидно, что механизмы вывода нашего мозга работают иначе, чем правила логики. В то время как логика строго пытается помешать нам перейти от истинных предпосылок к ложным выводам, эволюция оборудовала наш мозг таким образом, что мы можем учиться на собственном опыте и воспринимать разумно вероятностные гипотезы и реагировать относительно адекватно. Человек, чей мозг даже в критических ситуациях пытается тщательно и кропотливо вычислить якобы достоверную истину, не смог бы выжить, потому что зачастую приходится справляться с бытовыми ситуациями путем принятия быстрых решений, а не в результате длительных размышлений и пространных рассуждений. Иначе говоря, между выученными и врожденными моделями поведения существует тесная связь, имеющая большое значение для наших рассуждений, обеспечивающая определенную надежность и сознательное понимание побудительных механизмов и регулятивных действий. Создание совершенной теории аргументации требует комплексного подхода с привлечением всех типов знаний, которые задействуют коммуниканты при осуществлении речевого взаимодействия, в том числе и лингвистических (об истоках лингвистической аргументологии см.: [7]). Такая возможность появилась с возникновением такой отрасли языкознания как когнитивная лингвистика. По мнению Н. Н. Болдырева, когнитивная лингвистика является одним из главных участников мультидисциплинарного исследования человеческой когниции. К этому выводу приводит «осознание настоятельной потребности в системном изучении механизмов человеческого сознания и понимание того, что единственно надежный доступ к сознанию обеспечивает только язык» [3, с. 25–26].

Познавательные процессы, находящиеся в фокусе исследования когнитивной лингвистики, непосредственно связаны с процессами получения, обработки, фиксации и хранения информации, что открывает новые перспективы перед изучением семантики аргументативного дискурса, который может трактоваться как совокупность интенций и пропозициональных установок в общении. Процесс коммуникации не может быть адекватно описан без понимания когнитивных процессов, имеющих место в сознании участников общения при порождении и восприятии речи. Еще в конце прошлого века языковеды акцентировали внимание на наличие у коммуникантов общего семантического поля, представляющего собой «область конвенциональных, т.е. приведенных к некоторому общему знаменателю, знаний говорящего и слушающего как членов определенного языкового коллектива» [6, с. 30].

Общение между коммуникантами характеризуется направленностью на воздействие с целью внесения возможных изменений в убеждения оппонента и установления консенсуса между участниками коммуникации посредством убеждающего дискурса или воздействия с целью совершить или не совершать какое-либо действие физического или интеллектуального характера. Общение между говорящими происходит в определенном коммуникативном пространстве, которое характеризуется набором определенных объективных и субъективных характеристик. К объективным характеристикам относится место осуществления речевых действий, диапазон которых может включать интерактивные зоны самого разнообразного плана. Это могут быть школа, классное помещение, общественный транспорт, столовая, кафе, магазин, спортивные учреждения и другие общественные и социальные пространства. Субъективные параметры речевого пространства обуславливаются человеческим фактором, личностными характеристиками участвующих в диалоге, которые верифицируются с помощью определенных когнитивных механизмов. В первую очередь сюда относится «механизм восприятия». Если, например, адресат слышит вопрос, он понимает, что от него ожидается ответ. Механизм восприятия сопровождается категоризацией услышанного. И здесь, как правило, задействуются знания коммуниканта как вторая детерминирующая сторона субъективного коммуникативного пространства, именуемая «механизмом активизации знаний». Приведение знаний в активную фазу знаменует наступление «механизма размышления» или обдумывания действий. Адресат не просто воспринимает информацию и перерабатывает ее, а вырабатывает свою точку зрения по обсуждаемому вопросу. Принятие определенной точки зрения осуществляется с помощью «механизма оценки». Для совершения речевого или авербального действия должен быть запущен еще один механизм, именуемый «механизмом мотивации». Данный механизм привносит в состояние адресата такие изменения, которые выводят его из состояния покоя и стимулируют определенные речевые или неречевые действия с его стороны. Он свидетельствует о том, что адресат не только оценил ситуацию, но и готов ее изменить. Мотивацию, однако, можно реконструировать и понять, только проанализировав предшествующие обстоятельства. Функция механизма мотивации тесно связана с объективной категорией коммуникативного пространства, с категорией «*потребность*», ибо с помощью механизма мотивации потребность преобразуется в действие. Потребности, которые предшествуют какому-либо действию, образуют целую систему, созданную социумом, и коммуникант как социальное существо является участником этой системы. Следует упомянуть еще одну субъективную категорию «*способности*», или «*умения*» которую должны иметь или развивать коммуниканты, чтобы выполнять действия в коммуникативном пространстве. Понятия, которые здесь были названы, указывают на те действия, которые входят в коммуникативное пространство и детерминируют его. Они с полным правом могут именоваться как детерминанты речевого действия.

Речевое взаимодействие, понимаемое как интегративное концептуальное взаимодействие знаний коммуникантов разного типа, открывает возможность изучения специальных способов и средств, воздействующих на информационную среду собеседника, описания конкретных стратегий и тактик реализации создаваемых речевых продуктов. Многоаспектность дискурсивной деятельности предполагает матричный формат ее организации, включающей все концептуальные структуры, участвующие в порождении того или иного типа дискурса. Когнитивный контекст, включающий ментальные, психолингвистические, социально-культурные характеристики речевой коммуникации, свидетельствует о распределении когниции на все названные уровни. Интегративный подход к изучению закономерностей речевого взаимодействия позволяет также выявить детерминирующие средства аргументации и когнитивные механизмы, обусловленные в значительной степени совокупностью знаний адресанта и адресата о теме общения, личности собеседника, о правилах организации диалога в определенном месте и в определенное время, интеракциональных, социокультурных, этнокультурных, языковых знаний. Таким образом, объектом исследования становится не комбинация

посылок и выводов, сформулированных с помощью формальных символов, значение которых четко определено заранее, а группы произведенных носителями языка утверждений.

Решение проблемы в аргументативном дискурсе состоит в поиске комплексных номинативных, интерактивных и регулятивных средств, способных изменить исходное когнитивное состояние собеседника. Творческая деятельность человека в данном случае направлена на преобразование мира и социума. Существующие в сознании коммуникантов знания о том, как попросить, как сделать предложение, как предупредить и т.п., обуславливают выбор стереотипных моделей достижения поставленных целей общения. Организация диалогов по трафаретному образцу не требует от коммуникантов дополнительных креативных изысканий. Организующим фактором речевой коммуникации выступают целеполагание и стратегии, обуславливающие определенную последовательность речевых действий. Попробуем проанализировать модели речевых дискурсивных практик, маркированных побуждением к действию. Такие речевые практики индексированы модусом императивности, они, как правило, вплетены в ткань бытовых диалогов, поскольку коммуниканты находятся в отношениях кооперации и должны координировать свои действия. Сюда относятся: 1) высказывания поддержки (предложение, совет, рекомендация и т.п.); 2) регулятивные высказывания, характеризующиеся тем, что говорящий управляет процессом действий слушающего (предупреждение, угроза, одобрение и т.п.); 3) высказывания, инициирующие действия, с помощью которых говорящий побуждает слушающего выполнить какое-либо действие или не совершать его (просьба, приказ, требование и т.п.). Рассмотрим некоторые из названных дискурсивных практик с точки зрения их аргументирования.

Пропозициональная структура речевого жанра «просьба» представлена следующей речевой ситуацией. Адресант находится в ситуации, в которой он располагает планом определенного действия, но не способностью его осуществить. Адресат в состоянии это действие выполнить, т.е. он обладает спектром возможностей его осуществления. Говорящий и слушающий находятся в отношениях кооперации. Квалификация этих отношений зависит от социальных ролей и того пространственно-временного континуума, в которые эти отношения вплетены. Высказывание адресанта воспринимается как передача плана действий адресату и, тем самым, как призыв взять исполнение этого действия на себя. Побуждение к адресату содержит, таким образом, когнитивный элемент, посредством которого сообщается план действий. Этот элемент соответствует пропозициональному содержанию побуждения.

Характерным для языковых побудительных действий в широком смысле слова является, прежде всего, то, что они в значительной степени связаны с конкретной ситуацией, вплетены в конкретные кооперативные процессы социокультурной практики. При просьбе говорящий практически никогда не стоит выше по своему социальному положению, чем слушающий. При приказе, наоборот, отчетливо прослеживается начальственное положение или руководящая роль говорящего по сравнению с ролью подчиненного, в которой выступает слушающий.

В зависимости от того, сколько общих знаний содержится у коммуникантов в ситуации совместных действий, какова их интегративность, находится информативный объем побудительного дискурса. В случае наличия большого сектора общих знаний адресанту нужно только назвать конкретный предмет или указать на него и назвать действие, которое необходимо совершить с этим предметом. Если же речь идет об инициации действия, план которого существует лишь в голове говорящего, адресант должен эксплицировать этот план. У слушающего побудительное высказывание вызывает процесс размышления (в том случае, конечно, если оба партнера равны по социальному статусу). Вследствие этого передача плана действий должна быть мотивирована. Данный факт обуславливает, как правило, необходимость обоснования побуждения. Например: «*Gib mir noch eine Bockwurst*», sagte ich, «*ich habe so eine Lust am Leben*» [17, с. 88]. В диалоге используется когнитивный механизм каузации. Выполнение слушающим плана действий говорящего может соответствовать или не соответствовать изначальной цели высказывания и, вследствие этого, вызывать признание или непризнание осуществленного акта.

Верный выбор координат обеспечивает согласие адресата выполнить просьбу. Так, социокультурные знания в следующих примерах гарантируют успех речевого действия «просьба»: «*Не успел отбиться от пристающего антрепренера – налетел дядюшка Жорж. Хвать за локоть, и на ухо: – Лешка, выручай, я опять... Тысячи на полторы подсел. <...> В преферанс? На целых полторы тыщи? – изумился Романов. – Вы, дядя, уникам. – Чего ж ты хочешь? Дважды сгорел на мизере. А сейчас Ланге назначил, при тройной бомбе. Не выловим – игре конец. Я сказал, племянничек за меня посидит, а у меня срочный телефон. Спасай, Лешик. Они тебя не знают*» [1, с. 36–37]; «*Können Sie*

mir wenigstens noch einen Kognak bringen?» knurrte ich den Kellner an. «Sehr wohl, mein Herr. Wieder einen großen?» «Ja». «Bitte sehr» [17, с. 30]. Алексей Романов находится на содержании дяди, и поэтому обращение с просьбой к такому родственнику обречено на успех. Выполнение просьбы во втором случае обусловлено социальным статусом адресата и местом протекания разговора.

Базовая модель убеждения, содержащая просьбу, характеризуется наличием побудительных высказываний, предшествующих тексту-обоснованию. Например: *«Не ешь снег в Москве! – всегда кричала на нее мама. – В нем соли тяжелых металлов!» [10, с. 94]; «Баба, я слышал скрипку. – А-а, – отозвалась бабушка, – Вася-поляк чужое, батюшко, играет, непонятное. От его музыки бабы плачут, а мужики напиваются и буйствуют... – А кто он? – Вася-то? Да кто? – зевнула бабушка. – Человек. Спал бы ты. Мне рано к корове подыматься. – Но она знала, что я все равно не отстану: – Иди ко мне, лезь под одеяло. Я прижался к бабушке. – Студеный-то какой! И ноги мокрущие! Опять болеть будут. – Бабушка подоткнула под меня одеяло, погладила по голове. – Вася – человек без роду-племени. Отец и мать у него были из далекой державы – Польши. Люди там говорят не по-нашему, молятся не как мы. Царь у них королем называется. Землю польскую захватил русский царь, чего-то они с королем не поделили... Ты спишь? – Не-е. – Спал бы. Мне ведь вставать с петухами» [2, с. 16–17].*

В отрывке из романа Г. Манна «Der Untertan» просьба Дидериха не бить его по спине сопровождается ссылкой на коллективные знания о том, что это нездорово: *«Höchstens bat er den Kameraden: «Nicht auf den Rücken, das ist ungesund» [16, с. 9].* В данном случае обоснование просьбы содержит один аргумент. Приведем еще один пример: *«Настя, брось телефон и подойди ко мне. – Зачем-е-ем? Пауза. Слово она там, внизу, оглохла! – Зачем-е-ем, спрашиваю?! – Зачем-е-ем! ...Ни за что не пойду. Вот ни за что! Пусть она хоть сколько там орет. У меня дела, что тут непонятного? Важные, настоящие дела: перепостить кота, такой прикольный, а разослать не успела, отвлеклась на Соню. У кота та-акой бант и спит прям, как человек. А Соню лайкнуть надо? Надо! Она фотки завтрака выложила, все так красиво-красиво, а лайков всего семнадцать, обидится еще. Нельзя, чтоб обиделась, она кул, иногда зовет в свою тусу, а туса у нее что надо. Еще к Марьяне зайти, говорят, она Рустама из друзей удалила, нужно проверить» [12, с. 5].*

Приведенные в качестве примера дискурсивные аргументативные конструкции могут рассматриваться как канонический прототип каузативной аргументации. Такая модель «работает» в том случае, если разница в «картине мира» участников диалога минимальная. Новые сведения, сообщаемые говорящим, встраиваются в уже имеющиеся у слушающего когнитивные структуры коммуникации. В некоторых случаях эти знания уже существуют, достаточно активизировать их.

Однако осуществление названных когнитивных операций не всегда гарантирует успешность репрезентирующих их в дискурсе высказываний. В когнитивном багаже адресанта должны, как правило, содержаться знания об индивидуальных особенностях мировосприятия и когнитивной деятельности, обусловленных спецификой адресата. В том случае, если каузация просьбы недостаточна, адресант применяет дополнительные когнитивные механизмы. Такое дополнение базовой модели мы рассматриваем как проявление креативности адресанта. При этом степень креативности тем выше, чем оригинальнее аргументирующая модель и чем эффективнее результат убеждения. Так, в следующем примере, видя, что адресат не спешит выполнять просьбу, адресант применяет когнитивные механизмы оценки, положительной перспективизации: *«Послушайте, – произнес директор дрожащим голосом, – на вашей совести много зла. Но, если вы спасете хотя бы ни в чем не повинную девочку, вам простится многое из того, что вы сделали. – Не вам судить, что я сделал. Позаботьтесь лучше о собственных грехах. – Я знаю, что они никогда не простятся. Но дело ведь не во мне. – Как же это не в вас? Без вас история Бухары не смогла б завершиться. – Спасите девочку! – За нее не беспокойтесь, – сказал Люппо, и бровь над его выпуклым глазом дернулась. – Ей будет уготована особая роль. Я принесу ее в жертву Хозяину, ибо она слишком напоминает мне ту, из-за которой я претерпел когда-то боль» [5, с. 400].*

В некоторых случаях согласие на исполнение просьбы сопровождается запросами со стороны адресата, желающего получить дополнительные сведения об адресанте и условиях выполнения просьбы. Например: *«Ich kletterte über das Sofa zu Köster hinüber. Mir war plötzlich etwas eingefallen. «Otto, du musst mir mal einen Gefallen tun. Ich brauche morgen Abend den Cadillac». Braumüller unterbrach das intensive Studium einer wenig bekleideten kreolischen Tänzerin. «Kannst du denn schon Kurven fahren?» erkundigte er sich. «Ich dachte bis jetzt, du könntest nur geradeaus fahren, wenn ein anderer für dich steuert». «Sei du ruhig, Theo», erwiderte ich, «aus dir werden wir beim Rennen am Sechsten schon Hackfleisch machen». Braumüller gluckste vor Lachen. «Also wie ist das, Otto?» fragte ich gespannt. «Der*

Wagen ist nicht versichert, Robby», sagte Köster. «Ich werde wie eine Schnecke schleichen und wie ein Omnibus hupen. Nur ein paar Kilometer in der Stadt». Otto schloß die Augen bis auf einen kleinen Spalt und lächelte». «Gut, Robby; meinetwegen» [17, с. 56].

Рассмотрим еще один русскоязычный текст, в котором используются дополнительные речевые тактики. *«Вы не поняли, Игорь Валентинович, – строго произнесла Женья. – Я же рассказала вам о папе, а вы ничего не поняли. Если я скажу, что должна завтра поехать в уголовный розыск именно к вам, папа спокойно меня отпустит, потому что мы оба с ним теперь все знаем. Если же я поеду к совершенно незнакомым людям, он начнет настаивать на том, чтобы непременно ехать вместе со мной, потому что он-то как раз будет бояться, как бы меня там не обидели. – И что в этом плохого? Приезжайте вдвоем – предложил Игорь. – Я предупрежу, что вас будет двое, вам обоим выпишут пропуска. – У папы завтра ответственные деловые встречи, ему придется их отменить. Это во-первых. – А во-вторых? – А во-вторых, мне будет очень трудно общаться с вашими сотрудниками в папином присутствии. Они будут смотреть на меня и не понимать, почему я веду себя как маленькая, почему приехала с папой, как будто мне десять лет, и почему этот папа контролирует каждое мое слово. И если ваши сотрудники начнут задавать мне вопросы, я не смогу быть с ними откровенно. – Игорь немного подумал, потом кивнул. – Что ж, это аргументы весомые. Хорошо, давайте скажем вашему отцу, что вы приедете лично ко мне» [11, с. 162–163].* В приведенном фрагменте скрытое желание Жени встретиться на Петровке именно с Игорем, а не с другими сотрудниками, выражается с помощью аргументативного дискурса. Адресант использует поэтапную каузацию, когнитивные механизмы положительной и негативной перспективизации, сравнения своего поведения в присутствии папы и без него. Адресантом выбираются такие грамматические и лексические средства, как придаточные условные предложения, придаточные причины, частица *же*. О фатических знаниях говорящего свидетельствуют используемые в речи порядковые числительные *во-первых, во-вторых*.

Полиаргументная модель дискурса «просьбы» может быть расширена за счет дополнительных указаний по ее осуществлению и предостережений со стороны адресата. Например: *«(Шаманов берет со стола салфетку, достает ручку, быстро пишет и складывает салфетку вчетверо.) Дед, у меня к тебе просьба. Будь добр, передай эту бумагу Валентине. Знаешь Валентину? Еремеев кивает. Шаманов отдает ему записку. <...> Отдашь ей. Только сразу, как она придет. Договорились? – Еремеев кивает. – Да смотри, другому кому не отдай. ЕРЕМЕЕВ. Хорошо, хорошо. ШАМАНОВ (себе). Ну вот... (Еремееву.) Спасибо, дед. (Быстро сходит с крыльца, исчезает)» [4, с. 356–357].* Дискурс «просьбы» в данном случае характеризуется использованием метакоммуникативных высказываний, устанавливающих прагматический характер беседы (*у меня к тебе просьба*), апелляцией к моральным качествам адресата (*Будь добр*), непосредственно просьбой, дополнительными инструкциями по акту выполнения просьбы (*только сразу, как она придет; Да смотри, другому кому не отдай*), запросом о согласии адресата (*Договорились?*), высказыванием благодарности (*Спасибо, дед*).

Структура дискурса «просьбы» может иметь и перевернутую форму, т.е. вначале описывается затруднительное положение, в которое попал адресант, затем следует высказывание просьбы. Такая структура «убеждающих» текстов в основном предопределена тем, что убеждение, в сущности, является особым информационным процессом, состоящим в передаче соответствующих знаний. Стержнем текстов такого содержания является, главным образом, информация о фактах или их интерпретация, являющаяся, следовательно, информацией о других фактах, прямо или косвенно связанных с данным известием. Поэтому в анализируемых текстах побудительные высказывания, смысл которых сводится к фразам: *«Делай так»* или *«Не делай так»*, *«Поступай так»* или *«Не поступай так»*, следуют за текстом описательного характера, который манифестируется утвердительными высказываниями, содержащими языковые оценочные единицы. Модель такого дискурса выглядит несколько иначе, чем модель дискурса, где просьба занимает интродуктивную позицию. Вначале описываются неудовлетворительные фактические события и, как следствие этого, коммуникантом озвучивается просьба, т.е. отношения между высказываниями в таком дискурсе носят конзеквативный характер, а модель получила соответствующее название – конзеквативная модель.

Развитие дискурса «просьбы» в случае отказа адресата ее выполнить предусматривает несколько вариантов. Адресант может смириться с отказом и не возобновлять попыток влияния на адресата. Однако зачастую коммуникант не оставляет своих намерений, и тогда дискурс «просьбы» трансформируется в уговаривание, настаивание, требование или выпрашивание. Рассмотрим следующий пример: *«Christa wollte dazu unbedingt ihr bestes blaues Kleid aus reinem Wollstoff anziehen.*

Mutter Lensch meinte aber, es sei zu schade für den abendlichen Tanz in ihrer Turnhalle. Christa wider setzte sich störrisch und beharrte auf dem blauen. Schließlich verlor die Frau die Geduld. "Schluss!" – schalt sie. "Wenn du's nicht einsehen willst, gehorchen musst du. Denn schließlich bin ich die Mutter!" Da trieb Christa ihren bösen Trotz so weit, dass sie halblaut murrte: "Aber nicht meine". Mutter Lensch ver stand es, beugte tief betroffen den Kopf und murmelte: "Von mir aus darfst du das blaue Kleid anziehen. Nur", sie richtete sich auf, und eine jähe Zornröte überflog ihr altes, gütiges Gesicht, "ich habe deine Mutter nicht gekannt, aber trotzdem weiss ich, dass sie dir jetzt eins auf deinen bösen, losen Mund geben würde". Sie ging hinaus und machte sich in der Küche zu schaffen. Christa, die, am Tisch stehend, den weißen Pikeekragen ihres Kleides aufbügelte, starrte blind vor plötzlichen Tränen auf das Krägelchen, zog langsam die Bügelschnur aus dem Kontakt, räumte wie abwesend alles vom Tisch und schlich mit dem halbgebügel ten Kragen in ihr Stübchen hinauf. Am Schrank hing das blaue Kleid. Christa hängt es sorgsam hinein, packte den Kragen in das Kommodenfach und warf sich über das Bett» [13, с. 41]. В приведенном примере Криста в ответ на просьбу к приемной матери надеть новое голубое платье на праздник получает отказ, который мотивируется тем, что такое платье слишком хорошее для танцев в спортивном зале. Криста использует тактику настаивания. На повторную просьбу госпожа Ленш отвечает тактикой дистанцирования и самопрезентации, в конце концов, она ее мать, и Криста должна быть послушной. Повторный отказ вызывает у Кристи чувство обиды, и она прибегает к оскорблению, отказывая гос поже Ленш в материнстве, не признавая ее своей матерью. Модель данного дискурса, характеризу ющаяся настаиванием, названа нами моделью дискурса «настоятельной просьбы».

Определенный интерес представляют случаи использование дискурса «просьбы» не в прямых целях, т.е. те случаи, когда с помощью данного речевого действия адресант преследует совсем дру гие интенции. Зачастую такие диалоги осуществляются в рамках терциарного дискурса. Рассмотрим следующий пример: «КАШКИНА (поднимается на веранду). Добрый вечер. (Пашке о рябчиках.) Ах, какая роскошь! Молодцом, молодцом. Поздравляю... Это куропатки? ПАШКА. Рябчики. КАШКИНА. Рябчики? Ах, какая роскошь! И они что, прямо в лесу... летают? ПАШКА. Эти свое уже отлетали. КАШКИНА. Ужасно... У-у, какие брови! Вы посмотрите, какие красные. ПАШКА. Самец. КАШКИНА. А ведь я никогда не ела рябчиков. ПАШКА (протягивает ей рябчиков). Ну вот попробуйте. КАШКИНА. Ну что вы, я не для того сказала. ПАШКА. Берите, берите. КАШКИНА. Нет, нет. Вас ждут с добычей. ПАШКА (перебивает). Держите, нас много, нам все равно не хватит, а одной вам в самый раз. КАШКИНА. Нет, нет. (Со значением.) Я ужинаю не одна, у меня будет гость, так что... ПАШКА. Берите, вам говорят. На двоих, по штуке на каждого – тоже ничего. (Сует Кашкиной рябчиков.) Во время разговора Валентина стоит перед палисадником, глядя прямо перед собой. КАШКИНА (принимает рябчиков). Спасибо. Но я за них заплачу. (Роется в сумочке). ПАШКА. Это вы бросьте. Или так берите, или... КАШКИНА. Ну спасибо... А ведь я шла за этими дрянными котлетами. (С восторгом.) Ах, какой у меня сегодня будет ужин! Настоящий сюрприз. Мужчины любят рябчиков, не правда ли? ПАШКА. А как же. Особенно если... (Жестом обозначает выпивку.) КАШКИНА. Да! Сегодня это просто необходимо. Валентина, что там у вас есть, какое вино? Валентина не отвечает. По-моему, вермут. (Поморщилась.) Нет! Не годится. Иду в магазин» [4, с. 371–372]. В приведенном примере Кашкина, перехватив записку Шаманова к Валентине, хочет удержать его около себя. Главная цель ее – убедить Валентину не встречаться со следователем Шамановым, показать ей, что он принадлежит ей, что вечер будет проводить у нее, поэтому все ее слова в первую очередь адресованы не Пашке, а молча слушающей Валентине. Просьба о рябчиках тоже выражена имплицитно, с помощью комплиментарной речевой тактики, а также высказывания о том, что она не ела рябчиков, Кашкина, расхваливая рябчиков и сообщая о том, что никогда не ела их, эксплицирует скрытое желание попробовать эту птицу, подталкивая, таким образом, адресата предложить ей обсуждаемых рябчиков. Модель такого дискурса креативна. Просьба в представленной модели скрыта, она имплицитна. Модель такой просьбы включает положительную оценку предмета или действия со стороны адресанта, вследствие чего адресат сам чувствует себя обязанным предложить адресанту обсуждаемый предмет.

Таким образом, базовыми моделями дискурса «просьбы» выступают следующие: 1) каузативная модель: «просьба» – описание положения вещей, не удовлетворяющих адресанта, как каузация просьбы; 2) конзекутивная модель: описание неудовлетворительного фактического состояния – «просьба» как следственный фактор. В зависимости от реакции адресата используются дополнительные когнитивные механизмы, позволяющие произвести изменения в картине мира адресата с помощью таких речевых тактик интеракциональной оси координат, как поэтапная каузация, тактика комплимента, тактика проведения аналогии, сравнения, описания негативной перспективы для

говорящего в случае неисполнения просьбы, тактика благодарности в случае согласия адресата выполнить просьбу. Такой вид просьбы представлен полиаргументной моделью. Деликатная (неуместная просьба) сопровождается тактикой оговорки. В случае успешного аргументирования просьба может быть выполнена полностью, или частично. При частичном согласии выполнить просьбу реципиент прибегает к тактике уступки, ставя при этом дополнительное условие. При нежелании или невозможности выполнить просьбу адресат использует тактику прямого или косвенного отказа, прибегая к дополнительным речевым тактикам. При настойчивой просьбе развитие дискурса происходит в режиме уговаривания, «канючения», мольбы. Такой вид просьбы репрезентируется моделью «просьба – уговаривание». Уговаривание и выпрашивание характеризуются неоднократным повтором просьбы и дополнительными аргументами, предложением компромисса, как со стороны адресанта, так и со стороны адресата. Настойчивая просьба, репрезентируемая моделью «просьба – настаивание», может также способствовать трансформированию дискурса «просьбы» в дискурс «требования». Отказ выполнить просьбу может закончиться оскорблением адресата, что, в свою очередь, вызывает ответное оскорбление и не приводит к желаемому результату.

Для репрезентирования названных речевых действий коммуникантами избираются определенные языковые средства, наиболее полно воплощающие их интенции. Рассмотрим, например, письмо Клары к Натанаэлю из романа Э. Т. Хофмана «Der Sandmann», структура которого обусловлена макроинтенцией автора убедить Натанаэля в том, что все ужасное, о чем он пишет, произошло лишь в его сознании. Вслед за повествовательными высказываниями, описывающими состояние Клары, следуют экспрессивные, выражающие возражение, несогласие с размышлениями Натанаэля. Субъективная убежденность Клары, базирующаяся на ее мнении, аргументируется экстралингвистическими знаниями соседа-аптекаря о том, что «*bei chemischen Versuchen eine solche augenblicklich tödende Explosion möglich sei*» [14, с. 141]. Для аргументации убеждений Клары используется целый арсенал языковых средств: конъюнктив со значением предположения, модальные слова *gewiss, wohl*, модальные глаголы, конъюнктив для передачи чужой речи, придаточные и сложносочиненные причинные предложения, лексические единицы: *glauben, sei überzeugt*, риторические вопросы и др. Наличие перформативных глаголов усиливает характер убеждений, просьб в высказывании «*Ich bitte Dich, schlage Dir den hässlichen Advokaten Coppelius und den Wetterglasman Giuseppe Coppola ganz aus dem Sinn! Sei überzeugt, dass diese fremden Gestalten nichts über dich vermögen*» [14, с. 142]. Языковая координата формата дискурсивного жанра «просьба» представлена в основном такими языковыми синтаксическими средствами, как императив, вопрос-побуждение и вопрос-разрешение. Например: «*Nun aber sollte Tee gekocht werden, und Lindley rief: "Allan, wollen Sie das Feuer anmachen?"*» [15, с. 13]. При этом использование императива доминирует в русском языке по сравнению с немецким языком. Частотность употребления вопроса-разрешения в русском языке значительно ниже. В немецком языке активно используются в данном случае модальные глаголы в конъюнктивной форме, в русском языке модальные глаголы в сослагательном наклонении (о языковых средствах аргументации см. также: [8]).

Таким образом, в процессе аргументирования говорящий реализует себя как языковая личность, демонстрируя свою экстралингвистическую, лингвистическую и коммуникативную компетенцию. Задействованными оказываются его знания, представления, его эпистемическое, эмоциональное состояние, а также его социальный статус и его социальные роли. Аргументация может быть охарактеризована как один из ментальных процессов, сопровождающийся вызовом из памяти, из базы знаний обобщающих фреймов. В результате активизируется тезаурусная часть информации. Аргументация, таким образом, часть общей модели деятельности человека, а аргументативный процесс – способ обработки убеждений в когнитивной системе индивидуума. Посылки в виде комплексных социальных представлений, понятий при аргументации остаются в импликациях, но определяют стратегию и тактику общения, «руководят» выбором языковых средств, лексических, грамматических, стилистических. Когнитивный подход к исследованию речевого взаимодействия позволяет показать, как в лексике и синтаксисе репрезентируются различные типы знаний и, в частности, как устанавливается соотношение между структурой «некоторого положения дел» в реальной действительности (события) и структурой предложения-высказывания, а также какие принципы и механизмы в этом процессе задействованы (о когнитивных механизмах в аргументативном дискурсе см. подробнее: [9]). Причиной аргументации можно считать когнитивный или аксиологический диссонанс между участниками коммуникативного акта, конфликтность в широком смысле слова, понимаемую как несоответствие между объемом пропозиций, знаний, которыми они обладают. Несогласие, эксплицитно выражаемое одним из них, становится вызовом, стартовой точкой аргументации. При

этом если конфликтность является средой аргументации, то возможность достижения согласия ее условием. Взаимное признание возможности договориться – это когнитивная универсалия, встроенная в аргументацию. Динамическое соотношение конфликтности и согласия является движущей силой аргументации.

Список литературы:

1. Акунин Б. Смерть на брудершафт: роман-кино. Младенец и черт: фильма первая. М.: АСТ МОСКВА, 2008.
2. Астафьев В. П. Последний поклон // Астафьев В.П. Собр. соч. в 6-ти т. Т. 3: Кн. 2 2. М.: Мол. Гвардия, 1992.
3. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.
4. Вампилов А. В. Прошлым летом в Чулимске // Вампилов А.В. Избранное. М.: Согласие, 1999. С. 317–387.
5. Варламов А. Н. Затонувший ковчег. М.: Молодая гвардия, 2002.
6. Васильев Л. Г. Некоторые аспекты языковой деятельности // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса: Сб. науч. трудов. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1985. С. 28–35.
7. Васильев Л. Г., Васильева М. Л. К истокам лингвистической аргументологии // Науч. тр. Калужского гос. ун-та им. К. Э. Циолковского. Сер. «Гуманитарные науки», 2017. С. 373–378.
8. Григорьева В. С. Языковые особенности репрезентативных высказываний в аргументативном дискурсе // Известия РГПУ им. А.И. Герцена: Общественные и гуманитарные науки, 2007. № 9 (50). С. 33–38.
9. Григорьева В. С. Когнитивные механизмы коммуникации в речевых жанрах аргументативного дискурса // Когнитивные исследования языка, 2014. Вып. XVI. С. 18–29.
10. Литвинова А. В. Над пропастью жизнь ярче. М.: Издательство «Э», 2016.
11. Маринина А. Б. Когда боги смеются. М.: ЭКСМО ПРЕСС, 2000.
12. Устинова Т. В. Серьга Артемиды. М.: Эксмо, 2020.
13. Brëzan Ju. Christa. Berlin: Neues Leben, 1957.
14. Hoffmann E. T. Der Sandmann // Hoffmann E. T. Märchen und Erzählungen. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1986. – P. 131–166.
15. Kellermann B. Der Tunnel. Berlin: Verlag Volk und Welt, 1972.
16. Mann H. Der Untertan. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1968.
17. Remarque E. Drei Kameraden. Moskau: Jupiter-Inter, 2005.

Тамбовский государственный технический университет, Тамбов

УДК 81'42

М. С. Гринева
ВАРЬИРОВАННИЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ
В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОНСУЛЬТАЦИИ

Статья посвящена изучению вариантных представлений прагматической аргументации как одной из прототипических аргументативных схем психологической консультации. Рассматривается модель прагматического аргумента в прагматодialeктике, и даётся оценка возможности её применения к анализу аргументативного дискурса в контексте психологической консультации. Автором предлагается базовая модель мотивационно-ценностного прагматического аргумента, используемого практикующим психологом с целью оказания помощи клиенту в осуществлении выбора, принятии решения или решении проблемы. Модель базируется на интеграции структурно-функционального метода анализа аргументативного дискурса и теории аргументативных фреймов Дэниела О'Кифа. Предлагаемая модель репрезентирует прагматический аргумент как сложную инференционную структуру, в которой акциональный тезис подкрепляется доводами, указывающими на благоприятные или неблагоприятные последствия действия или бездействия, и одним из четырех видов мотивационного основания: получение выгоды, избегание убытков, наступление убытков, упущение выгоды. Выбор основания аргумента зависит от ценности клиента, к которой апеллирует психолог.

Ключевые слова: аргументативная схема; прагматическая аргументация; мотивационно-ценностная аргументация; аргументативный фрейм; психологическая консультация; принятие решения; решение проблем; расширение возможностей; аргументативный шаг; мотивационное основание.

M. S. Grineva
VARIATIONS OF PRAGMATIC ARGUMENTATION IN THERAPY SESSION

This paper studies variants of pragmatic argumentation as one of the prototypical argumentative patterns of the counselling session. The pragma-dialectical model of pragmatic argument is discussed and the possibility of applying this model to the analysis of argumentative discourse in the context of a therapy session is evaluated. The author proposes a new basic model of motive and value-based pragmatic argument that the counselling psychologist advances in order to help the client in making a choice, making a decision or solving a problem. The model is based on the integration of the structural and functional method of argumentative discourse analysis and Daniel O'Keefe's theory of argument frames. The proposed model represents the pragmatic argument as a complex inferential structure, in which an action claim is supported by premises citing favourable or unfavourable consequences of an action or inaction. The following types of motivational warrant are identified: achieving gain, avoiding losses, incurring losses, forfeiting gain. The warrant is grounded in the values of the client which the counselling psychologist appeals to.

Key words: argumentative scheme; pragmatic argumentation; motive and value-based argumentation; argument frame; counselling session; decision-making; problem-solving; empowerment; argumentative step; motivational warrant.

Цель настоящего исследования заключается в изучении и описании структурно-содержательных особенностей прагматического аргумента как прототипической схемы аргументации в психологической консультации. Основная задача исследования – построить базовую модель прагматического аргумента как сложной инференционной структуры, апеллирующей к мотивам и ценностям клиента, за счет интеграции структурно-функционального подхода Калужской школы лингвоаргументологии и теории аргументативных фреймов американского аргументолога Дэниела О'Кифа; сопутствующая задача – продемонстрировать на примере фрагмента аутентичной англоязычной психологической консультации возможности применения модели при анализе аргументативного дискурса (далее – АД) и при реконструировании имплицитных посылок аргумента.

Прагматическая аргументация представляет собой обоснование необходимости совершения или несоблюдения определенного действия. Данный вид аргументации широко используется в политическом, юридическом и медицинском контекстах. Известно, что она играет ключевую роль в обсуждении, переговорах, медиации, рекомендации в различных жанрах речи, таких как парламентские слушания и политические дебаты [3; 6; 7], судебные решения [5], медицинская реклама [14], медицинские консультации [4; 12], здравоохранительные кампании [11; 13], медицинские брошюры [18].

В изучении АД в области здравоохранения основное внимание уделяется взаимодействию врача и пациента, в то время как аргументация в сфере психического здоровья не получила должного освещения. В данном исследовании исследуется роль прагматической аргументации в жанре психологической консультации.

В своем широком определении психологическое консультирование – это «целенаправленная, частная беседа, возникающая из намерения одного человека (клиента) осознать и решить жизненную проблему, а также готовность другого человека (практикующего психолога) оказать квалифицированную помощь в этом» [9, с. 7] (*здесь и далее перевод мой – М. Г.*). Клиент обращается к психологу по ряду причин, одна из которых – трудность в принятии решений. Данная проблема возникает из-за противоречивых ценностей в ценностной иерархии клиента, которые могут помешать клиенту сделать выгодный для себя выбор или совершить выгодное для себя действие (см.: [8]).

В наиболее обобщенном виде практической целью психолога является расширение возможностей и повышение качества жизни клиента за счет преодоления внутренних конфликтов (психологических проблем). Потенциальным результатом консультирования является решение жизненной проблемы, которое может включать в себя выработку новой точки зрения или взгляда на проблему, принятие проблемы или принятие мер по изменению ситуации, в которой возникла проблема [9, с. 9]. Следовательно, во время психологической консультации психолог использует прагматическую аргументацию, чтобы помочь клиенту: а) сделать выбор, б) принять осознанное и взвешенное решение в конкретной жизненной ситуации. Психолог также преследует глобальную цель формирования и развития у клиента критического мышления и расширения возможностей клиента.

Таким образом, психологическая консультация представляет собой речевой жанр, в котором институциональная цель психолога состоит в том, чтобы способствовать критическому принятию решений и решению проблем посредством создания мотивации у клиента действовать в своих интересах и / или воздерживаться от действий, противоречащих интересам клиента. В аргументативном диалоге с клиентом во время психологической консультации психологу важно «говорить на языке ценностей клиента», т.е. апеллировать к ним, не пытаясь их кардинально изменить, поскольку именно ценности послужат базой для формирования мотива к модификации поведения.

Следует отметить, что в психологической консультации на аргументацию психолога накладываются институциональные ограничения. Психологи-консультанты должны соблюдать институциональные принципы и правила, изложенные в этических кодексах психолога, разработанных Американской психологической ассоциацией, Российским психологическим обществом и др. национальными профессиональными организациями. Практикующие психологи и психотерапевты в своей работе обязаны придерживаться принципов современной клиентоориентированной психотерапии, а именно принципа недирективности, рациональности, безусловного принятия, эпистемологического плюрализма и избегать патерналистских оценочных суждений.

Психолог не может давать клиенту прямые рекомендации, однако должен мотивировать клиента совершать действия, имеющие потенциально благоприятные для него последствия. В качестве профессиональных советов и рекомендаций клиент может услышать предложение попробовать действовать тем или иным образом, подумать над предлагаемым решением. Таким образом, клиенту транслируется уважение к его способности самостоятельно сделать разумный выбор, принимать оптимальные решения. Такое отношение психолога постепенно интериоризируется клиентом, т.е. клиент учится уважать самого себя и доверять собственному выбору.

В прагматической диалектике, согласно Францу ван Емерену, основной целью изучения аргументации в институциональных контекстах является выявление прототипических аргументативных моделей, которые «способствуют достижению институциональной цели речевого жанра в соответствии с его институциональными предпосылками» [17, с. 15].

Прагматическая аргументация является одной из прототипических аргументативных схем психологического консультирования, поскольку она играет важную роль в достижении одной из институциональных целей терапевтического дискурса, а именно создании мотивации выполнить благоприятное действие или воздержаться от выполнения неблагоприятного действия. В психологической консультации используется мотивационно-ценностная разновидность прагматической аргументации, апеллирующая к мотивам клиента, в основе которых лежат определенные ценности. Основным доводом прагматического аргумента являются прогнозируемые последствия выполнения или невыполнения действия (см. Рис. 1).

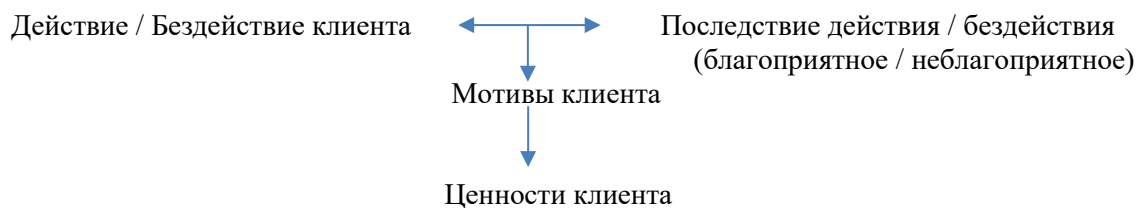

Рис 1. Общая схема прагматического аргумента в психологической консультации

В прагматической аргументации считается разновидностью каузальной (причинно-следственной) аргументативной схемы, которая используется для обоснования желательности или нежелательности совершения определенного действия посредством указания на его благоприятные или неблагоприятные последствия. Базовый прагматический аргумент состоит из трёх посылок: 1) тезиса (действие X (не) следует совершить); 2) материальной посылки (действие X приводит к (не)желательным последствиям Y); 3) связующей имплицитной посылки (если действие X приводит к (не)желательным последствиям Y, то действие X (не) следует совершить) [7, с. 146; 17, с. 17]. Однако данная модель плохо применима к контексту психологической консультации, поскольку, во-первых, она не учитывает предпочтения, цели, мотивы и ценности адресата. Иными словами, то, что является отрицательным результатом для одного человека, может оказаться благоприятным для другого. Во-вторых, она не учитывает бездействие адресата, которое также может иметь положительные или отрицательные последствия. Для преодоления данных ограничений предлагается использовать теорию аргументативных фреймов.

Фрейминг определяет то, как аргумент будет воспринят адресатом. По мнению Д. О'Кифа, аргумент, указывающий на преимущества следования рекомендации говорящего, основан на фрейме «Выгода» (Gain-frame); аргумент, указывающий на неблагоприятные последствия, возникающие в результате невыполнения рекомендации говорящего, основан на фрейме «Убыток» (Loss-frame) [10]. При этом аргументативный фрейм не является исключительно презентационным приемом, а связан с семантикой аргумента – в прагматическом аргументе фрейм функционирует в качестве связующей посылки, или основания аргумента.

Каждый фрейм имеет два варианта представления в зависимости от доминирующего мотива адресата (достижение/избегание) и оценки результата действия (положительная/отрицательная). Таким образом, аргументация, основанная на фрейме «Выгода», указывает либо на достижение/увеличение вероятности достижения положительного результата, либо на предотвращение/снижение вероятности отрицательного результата. Аргументация, основанная на фрейме «Убыток», может либо указывать на достижение/увеличение вероятности достижения отрицательного результата, либо на упущение/увеличение вероятности упущения положительного результата [11, с. 298]. Таким образом, можно выделить четыре вида мотивационных Оснований прагматического аргумента: «Получение выгоды», «Избегание убытков», «Наступление убытков», «Упущение выгоды».

Построим полную модель базового прагматического аргумента с опорой на прагматическую теорию, теорию аргументативных фреймов и структурно-функциональный метод анализа АД, принятый в Калужской школе лингвоаргументологии. В основе последнего лежит многоуровневый подход к анализу АД, который заключается в выявлении основных единиц АД: аргументативных шагов и ходов. Каждый аргументативный шаг далее описывается в терминах его конститутивных аргументативных элементов [1, с. 98–101].

Функция каждого элемента в рамках аргументативного шага анализируется с помощью модели С. Тулмина, которая включает в себя шесть компонентов: 1) Тезис (Claim), 2) Данные (Data), 3) Основание (Warrant), 4) Свидетельство (Backing), 5) Ограничитель (Qualifier), 6) Оговорку (Rebuttal) [16]. В рамках данной модели тезисы далее классифицируются на декларативные, классификационные, оценочные и акциональные. Данные делятся на факты и мнения. Основания могут быть пяти видов: каузации, группировки, сопоставления, авторитета, мотивации [2]. С точки зрения количества данных и их соотношения между собой аргумент может быть простым, сочинительным, подчинительным, множественным [1].

Базовая модель прагматического аргумента в психологической консультации содержит один аргументативный ход, который состоит из двух аргументативных шагов (см. Рис. 2). Тезис является акциональным и может быть как прескриптивным (Клиенту (вероятно) следует сделать X), так и прохибитивным (Клиенту (вероятно) не следует делать X). Основной макро-тезис, как правило,

имплицитный, поскольку психолог обязан соблюдать институциональный принцип недирективности (на схеме эксплицитные посылки обозначены сплошной линией; посылки, которые могут быть как эксплицитными, так и имплицитными обозначены точкой и тире; имплицитные посылки аргумента обозначены прерывистой линией). Тезис подкрепляется данными мнения (X является (не)желательным для K), которые всегда подразумеваются и принимаются обеими сторонами. Тезис и данные связаны мотивационным основанием, которое воплощает мотивацию достижения / избегания (K хочет достичь / избежать положения дел Y). Обычно основание имплицитно, но может быть эксплицитно для усиления речевоздействующего эффекта аргумента. Психолог делает обоснованное предположение о том, что лучше мотивирует клиента. Основание поддерживается свидетельством, которое представляет собой ценность, приписываемую клиенту (Y транслирует / не транслирует ценность K). Обычно свидетельство также имплицитно, но может быть эксплицитно.

На втором уровне аргумента данные мнения трансформируются в оценочный тезис, который подкрепляется двумя сочинительными посылками: фактическими данными (X (возможно) приведет к Y) и данными мнения (Y является благоприятным/неблагоприятным для K). Основание здесь является каузативным, т.е. оценка результата действия переносится на его причину (положительный / отрицательный результат Y делает причину X (не)желательной).

Базовая модель аргумента может быть расширена, если причинно-следственная связь между X и Y не очевидна или если психолог хочет привести более веские аргументы, предвосхищая критические реакции и сопротивление клиента. Оговорка для макро-тезиса и квалификаторы являются необязательными элементами, но часто используются консультантом, чтобы избежать менторской тональности общения. Таким образом, наиболее часто эксплицитными являются только фактические данные и тезис, но в некоторых случаях прагматический аргумент может быть представлен только фактическими данными, описывающими последствия действия / бездействия.

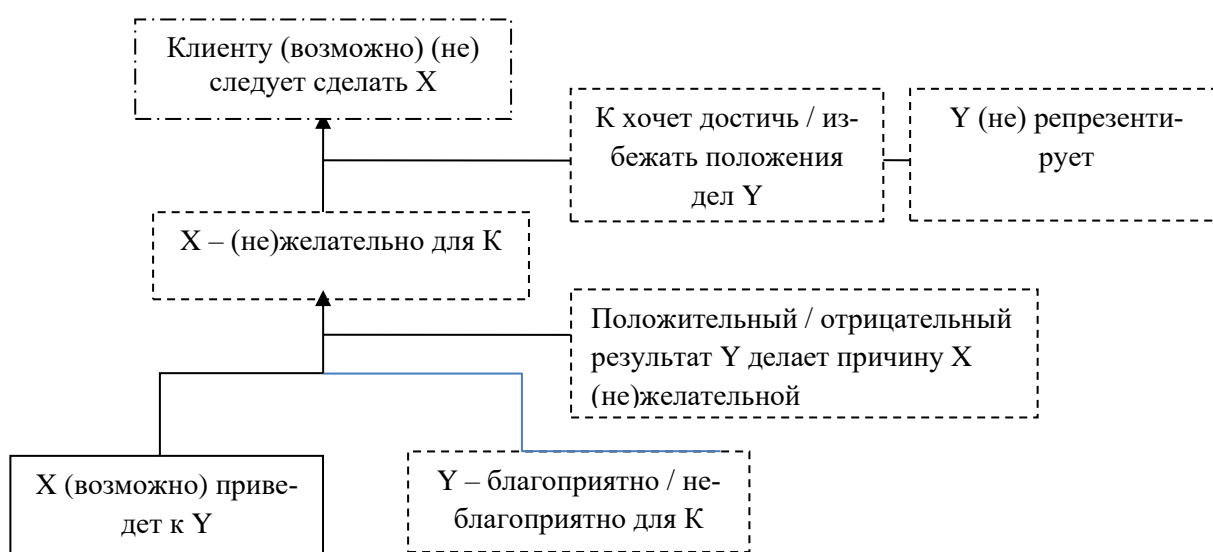

Рис. 2. Базовая модель мотивационно-ценностного прагматического аргумента

Инвариантная модель аргумента может иметь несколько вариантов за счет варьирования переменных элементов, а именно вида акционального тезиса (прескриптивный / прохибитивный) и вида мотивационного основания (получение выгоды, избегание убытков, наступление убытков, упущение выгоды). Варьируется, безусловно, и ценность, к которой апеллирует психолог. В одном аргументе психолог может сочетать различные мотивы и апеллировать к нескольким ценностям клиента.

Следующий этап исследования состоит в том, чтобы продемонстрировать на конкретном примере возможность применения базовой модели мотивационно-ценностного прагматического аргумента при анализе АД в контексте психологической консультации. В общей сложности было обработано 150 полных стенограмм аутентичных психологических консультаций, проведенных американскими и российскими психологами и психотерапевтами. Стенограммы были опубликованы на веб-сайтах на условиях ограниченного доступа. Конфиденциальная информация клиентов была анонимизирована.

Рассмотрим фрагмент АД психолога в рамках психологической консультации [15]. Клиент, мужчина 41–50 лет, испытывает сложности с отстаиванием личных границ на рабочем месте и нахождением баланса между работой и личной жизнью.

You need to set some limits. Making yourself valuable and essential in a workplace is adaptive, smart, good business sense, but you don't want to do that at the expense of all your other relationships and time and hobbies.

Схема аргументации, содержащейся в данном примере, представлена на Рисунке 3.

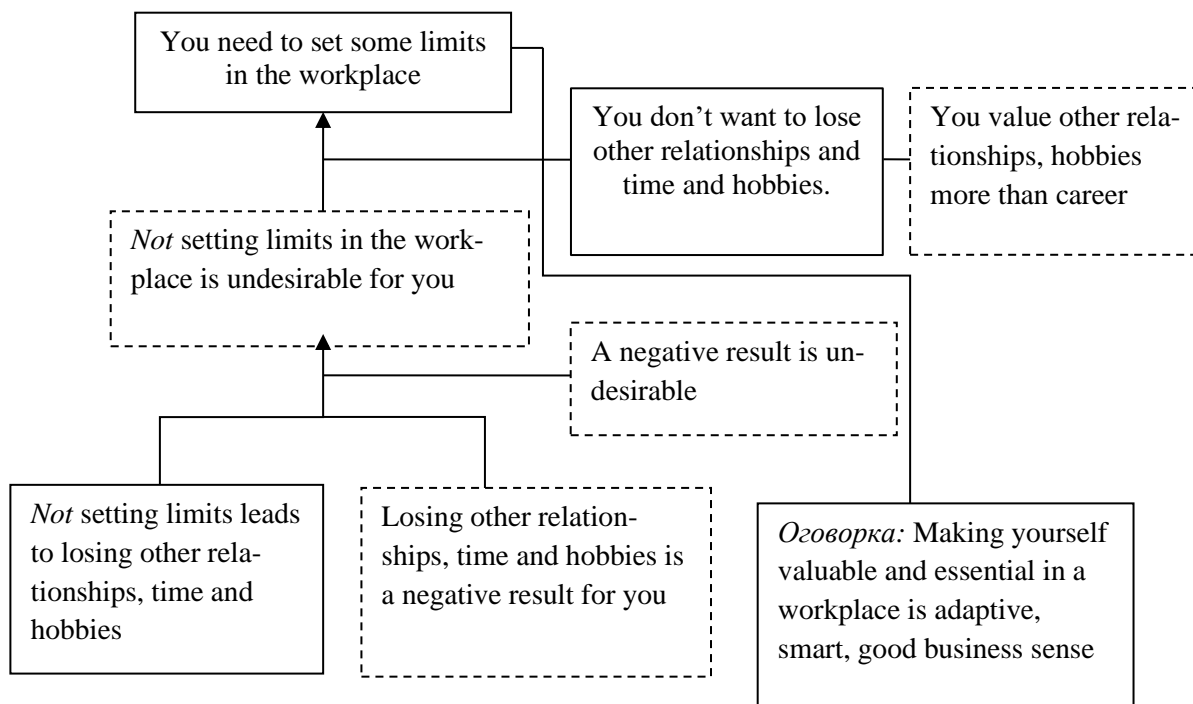

Рис. 3. Схема прагматического аргумента с мотивационным основанием «Упущение выгоды» (прескриптивный акциональный тезис)

В данном примере психолог выдвигает прагматическую аргументацию в поддержку эксплицитного прескриптивного акционального макро-тезиса: *You need to set some limits in the workplace / Вам нужно обозначить личные границы на рабочем месте.* Данный тезис непосредственно подкрепляется имплицитными данными мнения: *Not setting limits in the workplace is undesirable for you / Отсутствие личных границ на рабочем месте нежелательно для Вас.* Данные подкрепляют тезис с помощью эксплицитированного мотивационного основания «Упущение выгоды» *You don't want to do that (devote all you time to your career – М. Г.) at the expense of all your other relationships and time and hobbies / Вы не хотите жертвовать отношениями с близкими, свободным временем, увлечениями.* Психолог апеллирует сразу к трем ценностям клиента. Клиент ценит отношения с друзьями и близкими, свободное время, которое можно потратить на саморазвитие, а также приносящие радость увлечения выше потенциальных карьерных перспектив. Потеря этого является нежелательным положением дел для клиента, которое он стремится избежать. Таким образом, психолог использует аргументативный фрейм «Убытки» и апеллирует к мотивации упущения выгоды. Маркером данного вида мотивационного основания на экспонентном уровне АД служит словосочетание *at the expense.*

Сообразно принципам неимпозитивности и эпистемического плюрализма современной психотерапии, психолог делает оговорку, относящуюся к акциональному макро-тезису, перечисляя благоприятные последствия альтернативного действия: *Making yourself valuable and essential in a workplace is adaptive, smart, good business sense / Быть ценным и незаменимым сотрудником – разумное и эффективное карьерное решение.*

Количественный анализ прагматической аргументации в психологических консультациях (см. таблицу 1) показал, что прагматическая аргументация в основном используется для обоснования прескриптивного акционального тезиса (71,8%). В целом фрейм «Выгода» чаще выступает основанием прагматического аргумента по сравнению с фреймом «Убытки» (64% к 36%). Мотивационное

основание «Получение выгоды» используется психологом чаще, чем «Избегание убытков» (40% к 23,8%). В прагматических аргументах, основанных на фрейме «Убытки», мотивационные основания «Упущение выгоды» и «Наступление убытков» представлены с примерно одинаковой частотностью (16% и 19,8% соответственно).

Таблица 1 – Средняя частотность использования аргументативных фреймов в прагматической аргументации в психологической консультации

Тип аргументативного фрейма	Фрейм «Убытки» (36%)				Фрейм «Выгода» (64%)			
	Упущение выгоды		Наступление убытков		Избегание убытков		Получение выгоды	
Вид мотив. основания	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
Вид акц. тезиса								
Прескриптивный (+)	51	5,7	60	6,6	198	22	338	37,5
Прохибитивный (-)	96	10,6	119	13,2	16	1,8	23	2,5
Итого:		16,3		19,8		23,8		40

Таким образом, в соответствии с принципами современной психотерапии основная цель прагматической аргументации, используемой практическим психологом в психологической консультации, состоит в предоставлении клиенту возможности принять рациональное решение и сделать оптимальный выбор в интересах клиента. Аргументация строится с опорой на ценности и мотивы клиента. Интеграция структурно-функционального анализа и теории фрейминга позволила выявить восемь основных вариантов прагматического аргумента в зависимости от вида мотивационного основания и вида обосновываемого акционального тезиса.

Список литературы:

1. Васильев Л. Г. Проблема речевого воздействия: отечественные и зарубежные подходы: монография. Калуга: Калужский гос. ун-т, 2016.
2. Васильев Л. Г., Назарчук Ю. И. Лингвистическая аргументология: структурно-семантический подход: монография. Калуга, Тирасполь: Калужский гос. ун-т; Приднестровский гос. ун-т, 2013.
3. Andone C. Pragmatic Argumentation in European Practices of Political Accountability // Argumentation. 2015. № 29 (1). P. 1–18.
4. Bigi S. The role of argumentative practices within advice-seeking activity types. The case of the medical consultation // Rivista italiana di Filosofia del Linguaggio. 2018. №12/1. P. 42–52.
5. Feteris E. T. Prototypical argumentative patterns in a legal context: The Role of pragmatic argumentation in the justification of judicial decisions // Argumentation. 2016. № 30 (1). P. 61–79.
6. Garssen B. Problem-solving argumentative patterns in plenary debates of the European Parliament // Argumentation. 2016. № 30 (1). P. 25–43.
7. Ihnen C. Instruments to evaluate pragmatic argumentation: A pragma-dialectical perspective // Topical Themes in Argumentation Theory: Twenty Exploratory Studies. Berlin: Springer, 2012. P. 143–159.
8. Kock C. E. J. Types of Warrant in Practical Reasoning // The Uses of Argument: Proceedings of a conference at McMaster University 18–21 May 2005. Hamilton, Canada, 2005. P. 269–278.
9. McLeod J. An Introduction to Counselling. 5th edition. Open University Press, 2013.
10. O’Keefe, D. J. The argumentative structure of some persuasive appeal variations // Topical themes in argumentation: Twenty exploratory studies. Berlin: Springer, 2012. P. 291–306.
11. O’Keefe D. J., Jensen J. D. The relative persuasiveness of gain-framed and loss-framed messages for encouraging disease detection behaviors: A meta-analytic review // Journal of Communication. 2009. №59. P. 296–316.
12. Pilgram R. Argumentation in doctor-patient interaction: Medical consultation as a pragma-dialectical communicative activity type // Studies in Communication Sciences. 2009. № 9 (2). P. 153–169.
13. Schulz P., Meuffels B. «It is about our body, our own body!»: On the difficulty of telling Dutch women under 50 that mammography is not for them // Argumentation and Health. Edited by Sara Rubinelli and A. Francisca Snoeck Henkemans. John Benjamins Publishing Company, 2014. P. 129–141.

14. Snoeck Henkemans A. F. The role of pragmatic argumentation in over-the-counter medicine advertisements // Prototypical argumentative patterns. Exploring the relationship between argumentative discourse and institutional context. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2017. P. 93–108.
15. Therapist Caryn Bello, Client «М» Session January 14 2014: Client discusses his most recent psychiatrist appointment and how he's changing some of his medication. Client discusses his weekend away and how he feels about making new friends // Integrative Psychotherapy Collection by Caryn Bello, Psy.D. Alexandria, VA: Alexander Street, 2014. URL: https://search.alexanderstreet.com/preview/work/bibliographic_entity%7Cbibliographic_details%7C2561849 (дата обращения 02.08.2022).
16. Toulmin S. E. The Uses of Argument. Cambridge University Press, 2003.
17. van Eemeren F. H. Identifying argumentative patterns: A vital step in the development of pragma-dialectics // Argumentation. 2016. № 30 (1). P. 1–23.
18. van Poppel L. The strategic function of variants of pragmatic argumentation in health brochures // Argumentation and Health. Edited by Sara Rubinelli and A. Francisca Snoeck Henkemans. John Benjamins Publishing Company, 2014. P. 97–111.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга

УДК 81'42

Н. В. Мельничук
ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
АНАЛИЗА КОНСТРУКТИВНОСТИ / ДЕСТРУКТИВНОСТИ
В АРГУМЕНТАТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Данная статья посвящена проблеме конструктивности / деструктивности речевого воздействия в аргументативном дискурсе. Исследование базируется на прагматических аспектах анализа представленных типов дискурса. Представлена иерархия ценностей немецкой культуры и выделены коммуникативные установки участников коммуникации.

Ключевые слова: прагматические аспекты, конструктивность, деструктивность, дискурс.

N. V. Melnichuk
PRAGMATIC ASPECTS
OF THE ANALYSIS OF CONSTRUCTIVENESS / DESTRUCTIVENESS
IN ARGUMENTATIVE DISCOURSE

This article is devoted to the problem of constructiveness / destructiveness of linguistic manipulation in the argumentative discourse. The study is based on the pragmatic aspects of the analysis on the types of discourse presented. The hierarchy of values within German culture is presented and communicative attitudes of communication participants are given.

Key words: pragmatic aspects, constructiveness, destructiveness, discourse.

Вопрос конструктивного и деструктивного речевого взаимодействия в аргументативном дискурсе привлекает внимание отечественных и зарубежных лингвистов на протяжении многих лет, так как изучение межличностного общения в современном мире приобретает статус одного из ведущих направлений в лингвистике. Анализ конструктивного/деструктивного типов дискурса (на примере парламентских дебатов в Бундестаге) относится именно к данному виду межличностного общения, ориентированному на лингвистическую персонологию.

Конструктивное и деструктивное речевого взаимодействие является объектом изучения концептологии. Концепт «деструктивность» становится предметом исследования ученых разных отраслей науки.

Интересным представляется подход М. М. Кононова [7, с. 38], в котором двусторонний характер речевоздействующей деятельности обосновывается аксиоматическим принятием идеи о его деструктивной составляющей. Информационное воздействие в современном мире действует по признаку манипуляции и затрагивает не только психологические, но и политические аспекты воздействия с применением интенсивной информационной насыщенности, экспрессии, направления потоков негативной информации. Такие методы сопоставимы с методами спецпропаганды: носят системный характер, упорядоченность и целенаправленность их структуры, обработка и распространение специальной информации. Объектами такого информационного воздействия являются коллективные адресаты – политическая элита и народ, его целью – скорректировать вектор их информационно-психологического и политического состояния, а именно не допустить самостоятельно сформировать образ реальной политической картины. Методам речевого воздействия служат информационно-политические технологии, которые способствуют формированию в сознании адресата запрограммированных кластеров планируемого восприятия, в необходимом русле сформированной информации, которая в дальнейшем будет способствовать спланированной заранее деятельности как ответной реакции на установки, получаемые в результате информационного воздействия. Методы информационно-психологические воздействия классифицируются автором по следующим пяти принципам: характера информационно-политического воздействия на сознание коллективного адресата; степени достоверности информации; интенсивности воздействия на сознание адресата; скорости передачи информации; процент актуальной информации в коммуникативных каналах информационно-политического воздействия на сознание российского электората и представителей политической элиты. Деструктивное речевое воздействия может повлечь за собой блокировку и разрушение у адресатов основных механизмов мышления, объективного восприятия и адекватной реакции на реальную политическую ситуацию. Результатом такого воздействия становится невозможность адресата осуществлять объективное политическое волеизъявление. Еще одним результатом такого воздействия

признается постепенная нейтрализация, а затем и ликвидация способности адресата доверять власти, разрушение веры в справедливость, в нравственность и возможность самосовершенствования.

Процесс длительного информационного воздействия и его результат представлен автором на основе исследования политической ситуации в России в период 1999 – 2008 гг., когда на начальном этапе воздействие на целевую аудиторию имело целью достижение кланом Ельцина победы на выборах, а далее – комплексная пост-электоральная информационно-психологическая обработка общества. На последующих этапах воздействие выстраивалось с соблюдением следующих принципов: задействование административного ресурса при отведении на задний план принципа деструктивности; чередование деструктивной составляющей с конструктивной; переход от деструктивного к конструктивному воздействию с отведением в тень административного ресурса. Следует отметить, что приведенный автором в качестве примера временной период с его положительной динамикой с преобладанием конструктивной составляющей на последних этапах, на наш взгляд, не в полной мере соответствует реальной политической картине, так как политический дискурс наряду с конструктивной стороной изобилует деструктивными моментами – в качестве примера можно вспомнить активную кампанию 2016 г. по дискредитации президента Турции, которая быстро подстроилась под политическую ситуацию и сменилась конструктивными оценками в сторону возобновления межгосударственных отношений.

Концепт «конструктивность» в исследовании Д. Н. Сторожиловой [10, с. 56] представлен в рамках социального диалога с выявлением диалогических оснований конструктивного взаимодействия конкурирующих субъектов в социо-коммуникативном пространстве. Социальный диалог исследуется с коммуникативно-конструктивной точки зрения, и социальность связывается с понятием социализации, что предполагает равноправие коммуникантов. Таким образом создаются благоприятные условия для развития интеракции информационно-коммуникативных систем, которыми выступают общающиеся, что, на наш взгляд, несколько технократизирует существо личности. Сам по себе конструктивный диалог определяется как решение социально значимых проблем и не является целью коммуникации. В рамках такого диалога возможна рефлексии проблемных ситуаций, открытого разъяснения позиций коммуникантов и совместного поиска оптимального разрешения проблемы; что способствует консолидации общества и помогает избегать противоречий между людьми.

С точки зрения лингвистики интересной представляется идея автора о социально-семантическом уровне информационного понимания социального диалога, которая определяет зависимость монологических и диалогических процессов, таких как обмен информацией и возникновение коммуникации между субъектами социального диалога, от используемых ими знаково-языковых форм. Отдельного внимания заслуживает идея о существовании инфлуентарного уровня социального диалога, в рамках которого объясняется то, как информация влияет на человеческое сознание, определяя условия интенсивности воздействия предлагаемых ценностей и идей получателей информации. Такая точка зрения, на наш взгляд, логически вписывается в послыйную семиотическую триаду Ч. Морриса, где семантический уровень находится ниже прагматического, формируя его основу. При такой структуре прагматический уровень не утрачивает свою значимость, так как именно он связан с собственно диалогической интеракцией. Тем не менее, семантический уровень триады представляется превалирующим в анализируемой концепции, поскольку для конструктивного социального диалога необходимой считается коммуникативная оппозиция, которую формируют личностные моменты, включающие в себя когнитивный и ценностный диссонансы наряду с диссонансом прагматическим.

Коммуникативная оппозиция затрагивает сразу несколько аспектов: неинституционализованные и институционализованные формы; организованные и стихийные, в рамках которых выделяются субъекты с критически-конструктивным, деструктивным или пассивным отношением к социальным проблемам; конструктивные и деструктивные; системные и внесистемные; легальные, полуполегалынные и нелегальные; парламентские и непарламентские. Но следует отметить, что подобное деление строится на разных классифицирующих признаках, которые автором не раскрываются, что, безусловно, снижает ценность таксономии и свою остроту.

О. Н. Князева [6, с. 67] описывает проблему конструктивности общения в тетрахомическом интервале видов взаимодействия – конструктивного, поддерживающего, рестриктивного и деструктивного.

Основные результаты исследования отражают специфику конструктивного взаимодействия и представлены в виде эксперимента в вузовской среде. Выявлено, что на начальном этапе – без применения специальных педагогических методик – у студентов преобладают личностно ориентированные тенденции (направленности на себя и на взаимодействие) в ущерб акциональным

(направленности на обретение профессиональных навыков), что свидетельствует о низком уровне конструктивности взаимодействия студентов с преподавателями. В ходе обучения с применением методов, способствующих повышению когнитивно-коммуникативного, ценностно-мотивационного и рефлексивного компонентов увеличивается уровень коммуникативной и профессиональной компетентности, и как следствие конструктивность взаимодействия возрастает. В ходе обучения у обучающихся возрастает готовность к принятию будущей профессии, которая выражается в осознанном процессе перехода от внешней мотивации к принятию внутренней личностно-профессиональной мотивации. Процесс субъективного отражения интеракции с преподавателем побуждает обучающихся осваивать новые формы поведения и способы действий в будущей профессии, при использовании данного механизма необходимым условием является замер и увеличение уровня притязаний, целенаправленности и действенности.

Представленная модель лежит в общем русле тенденций отечественной педагогики профессионального образования и содержит вполне продуктивные, хотя и теоретически/инновационно малоинтересные основания: общепедагогическое – организацию деловых игр и разбор проблемных ситуаций; создание условий для преобразования студентов из объектов педагогического воздействия в субъектов; самоанализ педагогической деятельности преподавателя во взаимодействии со студентами; фатическое – установление контакта со студентами; эмоциональную поддержку обучающихся; организацию обратной связи; (б) методическое – разработку УМК дисциплин; составление методических рекомендаций для практических занятий для преподавателей студентов.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает принцип рефлексивной разработки формирования, развития и реализации содержания компонентов деятельности продуктивного общения.

В подходе Т. В. Левковой [8, с. 65] деструктивность описана как одна из сторон проявления неассертивной агрессии. Этот подход лежит в русле принятых зарубежных коммуникативных исследований. Построение конструктивного поведения связано с принятыми в теории профессионального образования и социального научения идеями формирования личностной готовности к такому поведению. Само агрессивно-ассертивное поведение является условием адекватного самоутверждения и самореализации педагога. Особенности ассертивного общения считаются направленность, интенсивность, качество преобразования активности человека.

Основные результаты исследования представлены в связанной логической последовательности, которая, на наш взгляд, нуждается в уточнении ее составных компонентов. Такая последовательность представляется нам более системной: дать определение понятия дуалистичность агрессии, конструктивная педагогическая позиция в ситуациях агрессии; ввести понятие ассертивная педагогическая позиция; обосновать необходимость реализации системы ассертивной позиции субъектов; определить предпосылки и условия формирования ассертивной педагогической позиции у студентов вуза; установить особенности проявления агрессии в педагогическом дискурсе; отразить механизмы развития конструктивной педагогической позиции в ситуациях агрессии; разработать модель конструктивной педагогической позиции в ситуациях агрессии.

Интересной представляется экспериментальная часть исследования, которая строится на корреляционном анализе с обработкой статистических результатов по формуле Пирсона. Психодиагностика показала обратную пропорциональность уровней деструктивности (враждебности) VS. уверенности и самооценки. Проведенный констатирующий эксперимент подтвердил значимость важнейших направлений в формировании и развитии конструктивной (ассертивной) позиции в общении – снижение уровня враждебности, развитие адекватности самооценивания и стимулирование уверенности в собственных возможностях. Эти направления успешно развиваются и реализуются посредством групповых методов подготовки и переподготовки специалистов.

Следует отметить и перспективность разработанной автором модели развития ассертивности будущего педагога, включающую в себя три ориентационных модуля – на личностную сферу, на общение и на деятельность. Эта модель, судя по формулировкам модулей, предназначена для самостоятельного использования. Эффективность данной модели определяется наличием ряда педагогических условий: усвоение знаний о природе агрессии; наличие установки (настроенности) на адекватную и позитивную самооценку; рефлексия собственных возможностей для самоизменения; формирование рефлексии и эмпатии; осознанное овладение навыками ассертивного общения.

Заслуживающей отдельного внимания представляется идея о неоднозначности понятия «агрессия» и о возможности осознанного и самостоятельного формирования конструктивной позиции в общении на основе выработки действенных методик.

В фокусе нашего исследования базируется прагматическом аспекте анализа парламентских дебатов в Бундестаге, что определенно предполагает изучение с одной стороны иерархии ценностей немецкой культуры, на которые ориентированы конструктивное и деструктивное речевое общение, а с другой – субъекта деятельности в коммуникативно-прагматическом поле, т.е. Актора.

Обратимся к термину «прагматика». Прагматика – это наука, которая изучает поведение знаков в реальных коммуникативных процессах, анализ речевой деятельности происходит в контексте социального поведения. Определенные обстоятельства оказывают воздействие на явления и объекты окружающего мира, формируют идентичность / неидентичность их значения. Согласно теории дискурса все объекты действительности имеют дискурсивный характер: каждое явление определяется контекстом, который и наполняет его смыслом, поэтому дискурс представляет собой способ упорядочения реальности, инструмент, способствующий правильности определения ценности и значения не только индивида, но и предметов окружающего мира.

Согласно мнению Манаенко Г. Н., язык и дискурс неразделимые понятия [9]. При этом исходят из того, что дискурсивная деятельность может осуществляться только благодаря сложнейшему механизму взаимодействия языка и речи. Действительно, дискурсивное пространство определенным образом регламентировано и находится во взаимодействии с системой языка: язык перетекает в дискурс, дискурс – обратно в язык. Аргументативный дискурс выступает как языковая реализация процесса аргументации.

Парламентские дебаты представляют собой особую разновидность устно-письменной формы аргументативного политического дискурса, диалого-монологическую коммуникацию оратора и аудитории Парламента.

Аргументация как важная составляющая дискурса парламентских дебатов формирует его прагматическую направленность посредством установки именно на *рациональное* убеждение, т.е. обоснование правильности своей позиции (точки зрения, мнения, выбора, действия и т.д.) или ложности позиции своего оппонента, которая формирует его прагматическую направленность.

Тем самым, эти понятия находятся в отношении не подчинения, а перекрещивания: аргументация может касаться, но может и не касаться дебатов; дебаты могут осуществляться аргументативными средствами, но могут реализоваться и иными, хотя и тоже речевоздействующим.

Анализ иерархии ценностей немецкой культуры предполагает разделение и дефиницию смежных понятий. Лингвокультура – это часть культуры народа, представляющая собой совокупность взаимосвязанных явлений культуры и явлений языка, отраженных в сознании отдельной личности. Культурные ценности – это стандарты, отталкиваясь от которых люди определяют благо, добродетель и красоту, и которые в широком смысле являются нормативами жизни в обществе. Это также убеждение в том, что нечто является хорошим и желаемым.

Ценности – это то, что важно, к чему стоит стремиться, *социальные установки*. Культурные концепты – это коллективные содержательные сложные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры. В каждой языковой картине мира существует совокупность семантически нагруженных слов (культурные концепты, ключевые слова), называющих узловые точки в картине мира. В структуре концепта отображаются признаки, функционально значимые, *но не обязательно позитивные*, для соответствующей культуры (например, культурный концепт «Плюшкин»). Отличие ценностей от концептов в том, что первые задают *положительные* социальные ориентации, а вторые – не обязательно.

Изучение культуру другой страны происходит путем ее восприятия сквозь призму собственной культуры, что влечет за собой недопонимание ее «темных мест» [2, с. 124]. Наряду с терминами «фондовая лексика» и «реалии» особый интерес для исследований представляет понятие «лакуна», которое используют для обозначения не только языковых, но и культурных феноменов.

Представлена классификация культурологических лакун в инокультурном тексте [1, с. 89]:

- субъектные лакуны (отвечают за стереотипные представления о другой культуре: немцы акkuratны и пунктуальны);
- деятельно-коммуникативные лакуны (отвечают за специфические особенности поведения в той или иной деятельности);
- лакуны культурного пространства (отражают отличие знаний представителей разных культур);
- текстовые лакуны представляют собой языковые особенности инокультурного текста.

Л. И. Гришаева условно разделяет механизмы вербализации на лексико-семантические, словообразовательные, грамматические и текстограмматические. Механизмы вербализации у

представителей конкретной лингвокультуры активизируют разнородные сведения о мире, предоставляя возможность в зависимости от дискурсивных условий выбирать определенную номинативную или же дискурсивную стратегию. Номинативные стратегии дают возможность интерактантам в полной мере доносить друг другу результаты познания, они объединяют все возможные средства именованности элементов внеязыковой реальности. Использование дискурсивных стратегий позволяет перенести номинативные средства на определенные дискурсивные условия, адаптируя, таким образом, результаты речемыслительной деятельности к различным обстоятельствам коммуникативного взаимодействия. Осознанность выбора номинативных и дискурсивных стратегий у коммуникантов различна и подчинена множеству факторов, в частности сфере их профессиональной занятости. Но влияние этих факторов на выбор стратегий не является статичным, это результат рефлексивной деятельности и основная составляющая языковой личности. Содержание и стратегии реализации дискурсивного события культурно обусловлены и в разных языковых культурах схожие события реализуются по-разному и в интерактивном, и в языковом планах [4, с. 14]

Построение моделей конструктивности и деструктивности в аргументативном дискурсе парламентских дебатов в Бундестаге происходит под воздействием процессов внутрикультурной и межкультурной коммуникации, построение синтаксических конструкций и выбор лексических средств отображают сложный образ национальной немецкой культуры. Иерархия ценностей немецкой культуры наполняет процесс коммуникации в условиях конструктивного и деструктивного типов дискурса парламентских дебатов определенным эмоциональным содержанием, придавая отдельным фразам позицию авторитета говорящего, правды и т.д. Таким образом, лингвистические средства, в частности аксиологические высказывания, отражающие фундаментальные ценности немецкой культуры – *Ordnung* (порядок), *Pflicht* (долг), *Disziplin* (дисциплина), *Gehorsam* (послушание), *Recht* (право), *Sicherheit* (безопасность, гарантия) – являются некой культурной идентификацией дискурса немецкой культуры в условиях конструктивности и деструктивности общения.

Andreas Scheuer (CDU/CSU):*Die Bevölkerung – da gebe ich Kollegen Bosbach absolut **recht** – muss wissen, wer zu uns kommt, wer bei uns lebt, wer sich bei uns aufhält. Deswegen müssen wir auch über die Behörden in den einzelnen Bundesländern dafür sorgen, dass die, die zu uns kommen, **ordentlich** registriert werden. Das ist schon allein dem Anspruch auf **Sicherheit**, auf **Recht und Ordnung** geschuldet, den die einheimische Bevölkerung hat [11].*

Данный пример из выступления Андреаса Шойера, генерального секретаря Христианско-социалистического союза (ХСС), наглядно демонстрирует аксиологичность высказывания при построении модели конфронтационности в деструктивном дискурсе. Генеральный секретарь ХСС использует стратегию дискредитации, тактику упрека в адрес правительства (...*местное население вправе требовать безопасность, соблюдения их прав и порядка...*)

Таким образом, аксиологичность высказываний политиков Бундестага транслирует культурные особенности и базовые ценности немцев посредством лингвистических средств, используемых в конструктивных и деструктивных высказываниях. Анализ показывает, что использование аксиологичности окрашенных высказываний в деструктивном типе дискурса выше, чем в конструктивном.

Принципы коммуникативного взаимодействия участников политической коммуникации лежат в основе любой политической деятельности. Принцип кооперативности является определяющим при выборе коммуникативных установок, целей и коммуникативных стратегий и тактик. Л. Г. Васильев и Н. Н. Черкасская полагают, что речевые стратегии реализуются посредством тактик, в соответствии с этим стратегия рассматривается как нечто целое, тактика – как часть [3, с. 49]. В своем анализе парламентских дебатов Бундестага мы выделяем стратегии, которые относятся только к деструктивному типу общения: стратегии дискредитации и манипуляции; стратегию с конструктивной составляющей: стратегия компромисса; стратегию самопрезентации, которая может быть реализована в рамках обоих типов дискурса.

Коммуникативные стратегии, взаимодействуя и усиливая друг друга, являются инструментом речевого взаимодействия, могут быть использованы Актором при выборе различных целей и коммуникативных установок в обоих типах дискурса (конструктивном/деструктивном) парламентских дебатов.

В исследовании конструктивного и деструктивного типов дискурса, взяв за основу диалогический подход, мы придерживались принципов интерактивной социолингвистики и, соответственно, различали *текст*, написанный автором, и *дискурс* как интерактивный способ взаимодействия, так как дискурс, по мнению Т. ван Дейка, не ограничен ни рамками текста, ни рамками самого диалога,

а несет в себе когнитивные и социально-психологические составляющие, среди которых *адресант, адресат, цель, намерения, коммуникативные установки* и т. д. [5].

Речевая деятельность есть активный, целенаправленный процесс создания и восприятия высказываний. Высказывание (речевой акт) всегда имеет эффект: конструктивные высказывания выражают коммуникативную установку на разрешение проблемы, деструктивные – предполагают столкновение, противоборство оппонентов, где каждый из участников коммуникации имеет коммуникативную установку на одержание победы над соперником.

Аргумент – это семантический комплекс, содержащий как Тезис, так и его обоснование, что выявляет особенность аргументативного дискурса: он состоит из более, чем одного высказывания. Дискуссия – это общее понятие, которое можно объяснить как совместное обсуждение вопроса, проблемы или совместное нахождение решения. Дебаты – это вид конфликтных дискуссий, где обсуждение совмещено со спором. Таким образом, отличие дискуссии от дебатов в том, в дискуссии точки зрения могут быть как различны, так и очень близки; в дебатах же позиции сторон заведомо разные, и цель – это доказательство правоты своей позиции.

Аргументы в дискуссиях и в дебатах суть средства, с помощью которых идут дискуссия или дебатирование: то есть с точки зрения организации аргумента как структурно-семантического комплекса разницы между этими разновидностями нет: есть лишь разница в целях их применения, а именно чисто прагматическая. Собственно семантическая разница будет тогда подчинена прагматическим целям, т.е. содержание аргументов в дискуссии и дебатах может различаться.

Список литературы:

1. Антипов Г. А., Донских О. А., Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Текст как явление культуры. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1989.
2. Будагов Р. А. Что такое развитие и совершенствование языка? М.: Наука, 1977.
3. Васильев Л. Г., Черкасская Н. Н. Речевые стратегии и апеллятивный дискурс. Калуга: Калужский гос. ун-т, 2012.
4. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. уч. пособие. 4-е изд. М.: Академия, 2007.
5. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
6. Князева О. Н. Формы агрессивного поведения учащихся общеобразовательных школ: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04. Н. Новгород: НГГТУ, 2001.
7. Кононов М. М. Современные информационно-политические технологии в российском избирательном процессе: деструктивная составляющая: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М.: МГОУ, 2009.
8. Левкова Т. В. Конструктивная агрессия в педагогических взаимоотношениях: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Биробиджан: БГПУ, 2003.
9. Манаенко Г. Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // Язык. Текст. Дискурс: Межвуз. сб. науч. ст. Ставрополь: Пятигор. гос. лингв. ун-т, 2003. С. 26–40.
10. Сторожилова Д. Н. Социальный диалог: анализ конструктивного коммуникативного взаимодействия: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Р/Д: РГУ, 2006.
11. Стенографический отчет Немецкого Бундестага [Электронный ресурс] № 18/148 от 13 января 2016. 28 с. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18148.pdf> (дата обращения: 25.07.2022).

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Тирасполь, Молдавия

УДК 81

А. И. Павленко
ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ТЕОРИИ АРГУМЕНТАЦИИ
В РАЗВИТИИ НАВЫКОВ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ У СТУДЕНТОВ

В статье рассматривается аргументация как интеллектуально-коммуникативная деятельность человека; изучаются прикладные возможности теории аргументации в развитии навыков академического письма у студентов; на примерах сочинений-рассуждений оценивается степень сформированности аргументативных навыков у студентов специальности «Перевод и переводоведение».

Ключевые слова: письменная речь; академическое письмо; сочинение-рассуждение; схемы аргументации; ошибки аргументации.

A. I. Pavlenko
PRACTICAL APPLICATION OF THE ARGUMENTATION THEORY
IN THE DEVELOPMENT OF STUDENTS' WRITTEN SPEECH SKILLS

The article deals with argumentation as an intellectual and communicative activity of a person; the applications of the argumentation theory in the development of students' academic writing skills are studied; on the examples of argumentative essays, the degree of formation of the argumentative skills of the «Translation and translation studies» specialty students is assessed.

Key words: written speech; academic writing; argumentative essay; argumentation schemes; argumentation errors.

Развитие навыков письменной речи у студентов-переводчиков является одной из первоочередных задач, решаемых в рамках курса по изучению первого иностранного (английского) языка. С уверенностью можно утверждать, что работа, направленная на формирование академической грамотности у студентов, обучающихся по специальности «Перевод и переводоведение», приобретает особую важность в условиях современной образовательной ситуации. Перед преподавателем, в свою очередь, ставятся задачи по развитию у студентов таких метаязыковых компетенций как умение осуществлять логическое построение текста, структурировать и оформлять тезисы, аргументацию и опровержение, критически анализировать и обобщать информацию различного характера.

Термин «аргументация» происходит от латинских слов «argumentum», «arguo», означающих «пояснение», «проясняю». Возникновение искусства аргументации относят к I тыс. до н. э. и связывают со становлением логико-вербального мышления [9, с. 10]. Аргументация как интеллектуально-коммуникативная деятельность человека является едва ли не самой древней и, по существу, неотделима от развития общества. «Человек, как мыслящее существо, всегда пытался обосновать выдвинутые им положения, показать их целесообразность, доказать их истинность, сделать собеседника, партнера по спору, полемике своим единомышленником в поступках и действиях; мыслящее существо всегда пыталось аргументировать. Вполне естественно, что теоретическое осмысление этого процесса отставало от самого процесса» [1, с. 7]. Значение умения аргументировать осознавалось с давних времен, хотя эксплицитно данные умения терминологически не были обозначены подобным образом.

В настоящее время жизненный контекст и исследования ученых убедительно свидетельствуют о том, что аргументация является неотъемлемой частью человеческой коммуникации: она присутствует во всем, она «вездесуща» [12, с. 7]. «Аргументация, – пишет Г. Джонстон, – есть всепроникающая черта человеческой жизни» [16, р. 1–2]. Нельзя не согласиться с Г. А. Брутяном в том, что не существует сферы «межчеловеческого интеллектуального общения, где человек не аргументировал бы» [5, с. 4]. В этой связи обращает на себя внимание тезис, выдвигаемый некоторыми учеными, об универсальности аргументативности как неотъемлемого свойства любого речевого действия [12]. Аргументируя, человек реализует себя как языковая личность и задействует свои знания и представления, систему ценностей и здравый смысл, коммуникативные навыки и логическую культуру, свои эпистемическое и эмоциональное состояния, социальные параметры аргументативной ситуации. Все это свидетельствует о сложной природе аргументации как процесса и объясняет интегральный характер теории аргументации.

Наиболее полно и детально, на наш взгляд, аргументация была определена Г. А. Брутяном: «Аргументация – это способ рассуждения, в процессе которого выдвигаются некоторые положения

в качестве доказываемого тезиса; рассматриваются доводы в пользу его системности и возможные противоположные доводы; дается оценка основаниям и тезису доказательства, равно как и основаниям к тезису опровержения; опровергается антитезис, т.е. тезис оппонента, доказывается тезис, создается убеждение в истинности тезиса и ложности антитезиса как у самого доказывающего, так и у оппонентов: обосновывается целесообразность принятия тезиса с целью выработки активной жизненной позиции и реализации определенной программы действия, вытекающих из доказанного положения» [5, с. 9].

Особое значение обучение аргументативному процессу приобретает применительно к иностранным языкам. Выработка аргументативной компетенции в процессе обучения иностранному языку является основополагающей в русле приоритетного коммуникативного подхода. Крайне важной для полного выражения «себя» является возможность показать свою аргументативную компетенцию на изучаемом языке с активизацией нюансов речевых форм, готовых речевых «аргументативных клише». При достаточно высокой степени овладения техникой употребления необходимых вербальных форм повышается аргументативная компетенция, обеспечивающая большую свободу в речевом взаимодействии на иностранном языке.

Формирование и развитие аргументативных умений обязательно должны быть включены в содержание преподавания иностранному языку в вузе при работе над всеми видами речевой деятельности: 1) продуктивными видами, например в говорении (выступления с докладами и презентациями полемического характера с доказательством спорной выдвигаемой точки зрения или организация дискуссий и дебатов по актуальным темам) или на письменном уровне (продуцирование аргументативных письменных работ – научных статей, проектных заявок, научно-исследовательских проектов); 2) при овладении рецептивными видами речевой деятельности: чтении (развитие навыков критического мышления при чтении и аудировании, обучение студентов критическому восприятию информации, её анализу и оценке).

В рамках данной статьи, в первую очередь, осуществляется попытка анализа методологического потенциала теории аргументации применительно к развитию навыков академического письма у студентов-переводчиков. Во-вторых, производится разбор сочинений-рассуждений студентов с точки зрения успешности применения в них аргументативных схем. В-третьих, рассматриваются недостатки рабочих программ по дисциплине.

Пока эксперты дискутируют о целесообразности практики обучения академическому письму, о статусе соответствующих курсов в университетском образовании и о трактовке самого термина «академическое письмо» [2; 10; 11; 13], можно констатировать, что формирование указанного навыка является безусловным трендом в современной образовательной ситуации. Причиной тому является активный процесс интеграции высших учебных заведений в национальное и международное образовательное пространство, а также грантовая деятельность вузов и транснациональная академическая мобильность как система стратегического развития университетского образования и науки.

Известно, что академическая грамотность представляет собой ряд навыков, из которых самым трудоёмким и самым очевидным с точки зрения коммуникативной языковой компетенции является академическое письмо.

Отметим, что не все жанры научного письма характеризуются аргументативностью. Так, обзор, резюме, информирование, отчёт имеют нарративный способ организации дискурса, а инструкции и указания носят директивный характер. Поэтому далее речь пойдёт о текстах, в которых в той или иной степени требуется представить доводы так, чтобы они вели к новому заключению, что и является признаком аргументации.

Считаем, что теория аргументации должна стать предметом более тщательной научной рефлексии в аспекте образовательных возможностей развития навыков письменной речи у студентов-переводчиков. Теория аргументации сама по себе является междисциплинарной и объединяет данные таких важных для научного письма областей, как критическое мышление, лингвистика, логика, риторика.

Анализ программ курсов и методических рекомендаций по написанию эссе позволил сделать вывод о том, что логический аспект теории аргументации используется в обучении культуре письменной речи. Однако эта область знания не применяется в обучении в полном объеме. Логический аспект теоретической аргументации представлен лишь сведениями о её понятийном аппарате (тезис, аргумент, логическая связь, заключение), требованиями к логической последовательности. В основном рассматриваются примеры дедуктивных умозаключений, тогда как индуктивные и абдуктивные

умозаключения являются важным способом рассуждения и проверки научных гипотез. Сведения о косвенном виде обоснований, модусах силлогизмов и опровержений, схемах и ошибках аргументации представлены фрагментарно и без связи с логическими стратегиями доказательства в академическом письме. При этом теория аргументации обладает таким методологическим аппаратом, который с успехом может и должен быть применен в качестве инструмента в академическом письме. Речь идёт, прежде всего, о схемах аргументации. Известно, что «схема аргументации представляет собой наиболее общие и абстрактные модели рассуждений, которые имеют бесконечное количество вариантов подстановки элементов» [8, с. 119]. В имеющемся разнообразии классификаций аргументативных схем можно выявить следующие основные схемы:

- причинно-следственная аргументация;
- сравнительная аргументация (когда что-либо спорное представляется как имеющее сходство с чем-либо, что не является спорным);
- аргументация, основанная на авторитетном мнении.

Обоснование какого-либо тезиса с использованием даже одной из этих схем требует от автора обращения к различным статистическим данным, фактам, законам и мнениям ученых, а также сравнения различных позиций. Это обеспечивает текстовое наполнение статьи. Осведомленность о структурах аргументации (единичная, множественная, сочинительная, подчинительная) поможет пишущему структурировать текст, располагать и группировать аргументы в соответствии с целями статьи. Таким образом, обучение приёмам логической аргументации позволит автору, с одной стороны, логично оформлять изложение, а с другой стороны, даст возможность выработать собственный алгоритм написания текста научной работы и обеспечит всестороннее рассмотрение темы.

Представленные возможности логической аргументации далеко не исчерпывают того потенциала теории аргументации, который может быть использован в обучении навыкам письменной речи. Так, создание интересных, способствующих полемике текстов невозможно без риторической аргументации и реализующихся в ней на уровне этоса и пафоса аргументов.

Парадигма языковой аргументации представляет собой благодатную почву с точки зрения разработки обучающих стратегий. Так, лингвистическое направление, известное под названием «радикальный аргументативизм», основоположниками которого являются французские ученые Ж.-К. Анскомбр и О. Дюкро, демонстрирует, как различные явления аргументации представлены в языковой системе. В основе этого направления лежит идея «полифонии», в соответствии с которой, по мысли ученых, всякая форма использования языка имеет аргументативный аспект, поскольку любая часть дискурса содержит эксплицитный или имплицитный диалог [15]. Другая разработка этого направления связана с аргументативными коннекторами. Речь идёт о так называемых «словах-аргументаторах», выступающих своего рода маркерами аргументации. Существуют, например, речевые показатели точки зрения («I believe that», «I'm inclined to think that»), индикаторы сложной, добавочной, сочинительной аргументации («even though», «in addition to», «though»). Языковой аспект аргументации необходимо рассматривать и в связи с риторикой. Важным внелогическим приемом в аргументации считается использование таких речевых средств, как риторические фигуры речи [3].

Говоря об интеграции данных из разных областей научного знания в обучении академическому письму в проекции на теорию аргументации нельзя не упомянуть и дискурсивное направление, в котором представлены сведения об аргументативных стратегиях в таких контекстах, как политика [4], юриспруденция [6], наука [14]. Составление научных текстов должно осуществляться с учетом типа дискурса, так как виды аргументации в большой степени зависят от поля, где она применяется.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- существует вполне определенная потребность в формировании аргументативных компетенций учащихся;
- присутствуют определенные навыки и приемы аргументации, и учащихся можно научить распознавать и должным образом использовать такие навыки при написании текстов аргументативного характера.

В результате анализа сочинений-рассуждений, написанных студентами первого курса специальности «Перевод и переводоведение», выяснилось, что все письменные работы содержат тезис и 1–2 аргумента. На представленном ниже примере можно проследить реализацию двух схем аргументации – основанной на авторитетном мнении и причинно-следственной:

Drinking water while exercising is something you must do to improve your training experience. Such world-famous athletes as Arnold Schwarzenegger and Ronnie Coleman recommend staying hydrated during

your training session. Moreover, there is no doubt that in case of dehydration you will surely start feeling bad or might even fall unconscious.

В текстах сочинений студентов реже представлены аргументы, основанные на собственном знании или опыте:

Personally, I tend to believe that reading classical literature has little to no effect in terms of improving your writing skills. One should learn the basics of the academy writing first. After you've finished with it, you can go on with adding new words and phrases to your vocabulary.

В результате анализа также было выявлено нечастое использование языковых маркеров аргументации («on one hand», «on the other hand», «even though», «so», «argument for», «argument against» и т.д.). Говоря об ошибках аргументации, в первую очередь необходимо отметить то, что такие аргументы, где в качестве оснований приводится мнение авторитетного лица или текст авторитетного источника, не являются логическими аргументами в строгом смысле. В традиционной логике принято делить аргументы на аргументы «ad rem» («к существу дела») и аргументы «ad hominem» («к человеку»). Аргументы первого типа имеют отношение к обсуждаемому вопросу и направлены на обоснование истинности доказываемого положения. Аргументы к человеку не относятся к предмету обсуждения, а используются для того, чтобы создать видимость доказанности тезиса. Такие аргументы считаются некорректными, логическими ошибками. Аргумент, основанный на авторитетном мнении, является разновидностью аргументов к человеку.

Аргумент к авторитету отличается от логического аргумента тем, что в качестве основания приводится высказывание или поступок авторитетного лица или текст авторитетного источника. Однако не все высказывания авторитетных людей истинны даже в их собственной профессиональной области. Поэтому такие аргументы рекомендуется использовать лишь как дополнительный приём.

Как утверждает в аналитическом отчёте М. В. Вербицкой, наблюдается недостаток аргументов в поддержку собственной точки зрения, а также неумение найти контраргументы в споре со сторонниками иной точки зрения. При этом типичными ошибками в работе над письменным высказыванием с элементами рассуждения являются несоответствие аргументации заявленному тезису (мнению), повтор аргументации при высказывании своего и чужого мнений, отсутствие развёрнутой аргументации, неправильное формирование контраргументов, логические ошибки, неверное использование средств логической связи [7, с. 7–12].

Как показал анализ текстов сочинений студентов-переводчиков, основными способами аргументации являются цитирование и примеры с опорой на читательский опыт. Наиболее часто используется схема аргументации, основанная на авторитетном мнении, и причинно-следственная схема. Употребляются одиночные структуры аргументации в виде 1–2 обособленных аргументов в поддержку тезиса. Среди ошибок аргументации наиболее частыми являются использование аргументов к авторитету в качестве основных доводов в поддержку тезиса, подмена аргументации расплывчатым комментарием; нередко аргументы приводятся к аргументам, а не к тезису, таким образом, что нарушается логическая цепочка рассуждения.

Рассмотренные программы курсов по развитию навыков письменной речи у студентов переводчиков позволяют сделать вывод о том, что методологический потенциал теории аргументации не задействован в полной мере. Ознакомление с основными понятиями этой теории без отработки соответствующих навыков свидетельствует о том, что данные логической аргументации представлены на микроуровне, без связи со стратегиями доказательства. Сведения о других аспектах теории аргументации, например риторическом аспекте, представлены в программах фрагментарно.

Выходом из сложившейся ситуации может явиться разработка специализированных учебных пособий и практикумов для развития навыков аргументации не только для студентов и магистрантов, но и для преподавательского состава университетов. Посредством овладения англоязычной аргументативной компетенцией на занятиях по иностранному языку в вузе можно интегрироваться в новую образовательную среду, научиться чётко и ясно излагать мысли, критически оценивать воспринимаемую информацию.

Список литературы:

1. Алексеев А. П. Аргументация. Познание. Общение. М.: Изд-во МГУ, 1991.
2. Андрианова Ю. В. Формирование академических языковых навыков как один из ведущих факторов развития академической мобильности // Материалы VII международной конференции «International Cooperation in Engineering Education», 2–4 июля 2012. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2012. С. 43–49.

3. Барбина Н. С. Языковая аргументация в развитии технологий обучений // Вестник Мининского университета. 2013. № 4. URL: http://www.mininuniver.ru/mediafiles/u/files/Nauch_deyat/Vestnik/2013-12%204/Barebina.pdf. (дата обращения: 31.07.2022).
4. Бокмельдер Д. А. Стратегии убеждения в политике: анализ дискурса на материале современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иркутск, 2000.
5. Брутян Г. А. Аргументация. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1984.
6. Васильянова И. М. Особенности аргументации в судебном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Калуга, 2007.
7. Вербицкая М. В. Методические рекомендации по некоторым аспектам совершенствования преподавания английского языка (на основе анализа типичных затруднений выпускников при выполнении заданий ЕГЭ) / М. В. Вербицкая, К. С. Махмурян, В. Н. Симкин. М.: ФИПИ, 2014.
8. Гарссен Б. Схемы аргументации. Точки зрения // Важнейшие концепции теории аргументации / пер. с англ. В. Ю. Голубева, С. А. Чахоян, В. К. Гудковой; науч. ред. А. И. Мигунов. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 99–121.
9. Герасимова И. А., Новоселов М. М. Искусство убеждения // Мысль и искусство аргументации. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 9–43.
10. Роботова А. С. Надо ли учить академической работе и академическому письму? // Высшее образование в России. 2011. № 10. С. 47–54.
11. Степанов Б. Е. Ещё раз об «академическом письме»: критика академической критики // Высшее образование в России. 2012. № 7. С. 130–138.
12. Фанян Н. Ю. Многомерность аргументации: проекция на лингвистическую область. Краснодар: Куб. гос. ун-т, 2000.
13. Шестак В. П. Формирование научно-исследовательской компетентности и «академическое письмо» // Высшее образование в России. 2011. № 12. С. 115–119.
14. Яскевич Я. С. Аргументация в науке. Минск: Университетское издательство, 1992.
15. Anscombe J.-C. Argumentativity and Informativity // From Metaphysics to Rhetoric / ed. M. Meyer. Dordrecht: Kluwer, 1989. P. 71–87.
16. Johnstone H. W. Some Reflections on Argumentation // Philosophy, Rhetoric and Argumentation. Pennsylvania, 1965. P. 1–9.

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Тирасполь, Молдавия

УДК 81

С. А. Рыбалко
ОСОБЕННОСТИ АРГУМЕНТАЦИИ В ЛЕГИТИМАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ
В УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье дан анализ категорий легитимации, изложенных в работе ученых Т. ван Леувена и Р. Водак [7; 6] с позиций аргументативного анализа. Легитимные формулы, представленные в институциональном учебно-педагогическом дискурсе, находят воплощение в определённых лингвистических образованиях и дискурсивных инструментах, которые подчинены в том числе аргументативному способу организации учебно-педагогического дискурса.

Ключевые слова: учебно-педагогический дискурс; легитимные формулы; особенности аргументации; категории легитимации.

S. A. Rybalko
FEATURES OF ARGUMENTATION IN LEGITIMATION OF VALUES IN EDUCATIONAL
AND PEDAGOGICAL DISCOURSE

The article analyzed the categories of legitimation outlined in the work of scientists T. van Leeuwen and R. Wodak [7; 6] from the standpoint of argumentative analysis. Legitimate formulas presented in the institutional educational and pedagogical discourse are embodied in certain linguistic formations and discursive tools, which are subject, among other things, to the argumentative method of organizing educational and pedagogical discourse.

Key words: educational and pedagogical discourse; legitimate formulas; features of the argument; categories of legitimation.

Логика аргументации как направление современных аргументологических исследований представляет собой проект, в котором рассуждение анализируется не с позиций строгих синтактико-логических систем, а с позиций приемлемости аргументации и ее локальной оценки адресатом [5; 2; 4]. Мы предлагаем рассмотреть возможности имплементации данного направления в дискурсивной практике образования, модусом бытования которой, как известно, является аргументативный дискурс. Задачей статьи является рассмотреть реализацию аргументативных стратегий в процессе легитимации ценностей.

Система принципов легитимации укоренена в языке и дискурсе. Легитимные формулы, представленные в институциональном учебно-педагогическом дискурсе, находят воплощение в определённых лингвистических образованиях и дискурсивных инструментах, которые подчинены в том числе аргументативному способу организации учебно-педагогического дискурса.

В ходе усвоения этих формул осуществляется процесс социализации новых членов общества в существующий социальный порядок, что включает в себя и передачу комплекса основных ценностей данного социального института. Одной из фундаментальных работ, рассматривающих процесс институализации и легитимации, является работа П. Бергера и Т. Лукмана [1]. Исследователи считали, что все действия, и прежде всего коммуникация, повторяющаяся в определённых социальных ситуациях и включающая в себя более чем двух человек, становятся приобретёнными и закреплёнными шаблонами поведения, что и составляет основу формирования социального института, объективно существующего феномена социальной реальности. По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, социальный порядок как объективно существующий мир может быть передан следующему поколению. Институциональный мир общества переживается нами как объективная реальность [1, с. 77]. Социальные институты, например, институт здравоохранения, образования, права и т.д., противостоят индивидам как непоколебимые объекты реальной социальной действительности; школа являет собой исторический институт общества, который «сопротивляется» изменениям и имеет силу принуждения над членами общества, которые проходят через данный институт. Передача социального порядка последующему поколению происходит за счёт интернализации, т.е. принятии элементов поведения членами общества в процессе социализации. Любой социальный институт предстаёт перед новым поколением как традиция, поскольку его представители не участвовали в его институализации, становлении его как института [1, с. 78–80]. И вот здесь, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, на сцену выходит понятие легитимации, которое связано с процессом институализации и является очень важным в понимании процесса становления, поддержания и передачи социального порядка,

социальной объективной реальности, и, в частности, социальных институтов. Учёные считали, что институциональному миру необходима легитимация, которая определялась ими как способ, которым он будет объяснён и оправдан [1, с. 80].

По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, для нового поколения институциональный порядок предстаёт в виде традиции, первоначальное значение которой может быть им недоступно, и именно поэтому возникает необходимость интерпретации, объяснения этого значения с помощью различных легитимных формул [1, с. 80; 5]. В процессе усвоения этих формул осуществляется процесс социализации новых членов общества в существующий социальный порядок. Социальный порядок интернализируются, то есть усваивается новыми членами общества в процессе социализации, который также осуществляется с помощью языка и в дискурсе.

Сама фундаментальная функция легитимации, то есть объяснения, уже заложена в языке и реализуется в дискурсе [1, с. 112]. Ученые также отмечали то, что ни одну объективную социальную реальность нельзя воспринимать как данность, поскольку социализация новых членов общества никогда не бывает полностью успешной [1, с. 124]. Существование альтернативных объективных социальных реальностей представляет определённую угрозу другим реальностям. Очевидно, что для поддержания социальной реальности требуется наличие концептуального аппарата. По мнению исследователей, те, кто управляет этим аппаратом имеют власть. Идея связи власти и дискурса изучалась и другими учёными (кто владеет дискурсом – имеет власть). Итак, фундаментальная работа П. Бергера и Т. Лукмана определяет основную логику процесса институализации социального порядка и роль системы принципов легитимации, заложенных в языке и дискурсе, используемых в процессе передачи социального порядка следующему поколению.

Среди целого ряда работ, посвящённых изучению дискурсивных практик и легитимации в образовательной среде [3; 9 и др.], особый интерес представляет разработка дискурс-аналитика Т. ван Леувена совместно с Р. Водак «грамматики легитимации», которая представляет собой основные группы категорий, являющимися стратегиями, с помощью которых осуществляется легитимация в рамках тех или иных социальных практик [7].

Рассмотрим основные стратегии легитимации, предложенные Т. ван Леуеном, а также приведём примеры использования некоторых из них в рамках учебных программ России и США. В анализе были использованы следующие материалы: 1) учебник Виноградовой Н. Ф. и др. Основы духовно-нравственной культуры народов России: 5 класс: учебник/ Н. Ф. Виноградова и др. – М.: Вентана-Граф, 2012. – 156 с. (вопросы и задания) и книга для учителя, части, которые содержатся в варианте учебника для учеников средней школы, 2) Yes, Pa Материалы Американского учебного курса Yes Pa Foundation (Yes PA Foundation <http://www.yespa.org/index.html>). Teacher Resource Guide – содержит текст учебника, который предназначен для учащихся, а также комментарии к рабочей программе, задания, проверочные работы, идеи для сопутствующих проектов, например, сбор различных артефактов по одной из изучаемой теме курса и тесты для использования педагогами, менторами и родителями – в объёме 150 страниц. Учебник доступен для бесплатного скачивания с сайта Фонда.

Стратегия апелляции к авторитету. По мнению исследователя, существует несколько субстратегий, с помощью которых реализуется данная стратегия.

Апелляция к личному авторитету. Личный авторитет принадлежит непосредственно индивиду, занимающему определённую роль и статус в социальном институте, например, учителя или родители. В данном случае им не нужно представлять какие-то объяснения, им достаточно сказать, «потому что я так сказал» [6, с. 106], хотя, как отмечает Т. ван Леуен они могут и аргументировать свои суждения. Субстратегия апелляция к личному авторитету обычно выражается в форме глагольной конструкции с содержанием модальных или облигаторных конструкций, например:

Magnus sat down. Because the teacher said they had to [6, с. 106].

Магнус сел. Потому что учитель сказал, они должны это сделать.

Одним из способов выражения субстратегии апелляции к личному авторитету может быть использование в тексте цитат, прямого обращения автора или другого авторитетного источника непосредственно к аудитории. Например, в учебном пособии Yes Pa, основой которого является автобиография автора, мы находим множество примеров обращения к личному авторитету, в данном случае к авторитету Д. Р. Смит заслуженному профессору, Ерлам колледж, Ричмонд, штат Индиана. Автор делится с учениками личным опытом, рассказывает о том, как он преодолевал трудности и достигал успеха. Знакомя читателей со своей жизнью, автор призывает усиленно работать, ставить реалистичные цели и быть терпеливыми в их достижении.

At age 12, I changed my attitude. I let my light shine. I set goals. I won my freedom. So, I yell from the rooftops: – At any age, if you put your mind to it and work hard, you can achieve any realistic goals that you set. † Sometimes it is one «mini-goal» at a time and lots of patience and practice in between (3, с. 9).

Учебное пособие для российских школ практически не содержит примеры использования данной стратегии, поскольку авторы-составители программы повествуют не о своей жизни, а о жизни известных деятелей российской культуры, науки, государственности и др.

Апелляция к авторитету эксперта. В данной субстратегии авторитет связан не столько со статусом, сколько с экспертностью субъекта. В языке это находит выражение в виде придаточных предложений с глаголами, отражающими мыслительную деятельность с экспертом в позиции субъекта предложения.

Professor so-and-so believes... [6, с. 107]

Профессор такой-то считает, что...

Сведения о профессиональной квалификации могут быть представлены в виде визуального материала, подтверждённого цитатами из научных трудов, лабораторных экспериментов, книгами и т.д. [6, с. 107]. Исследования Т. ван Леувена показывают, что высказывания экспертов часто выражаются утвердительным предложением, имеют элементы рекомендации, что какое-то действие является «хорошей идеей», потому что такой эксперт сказал это. Как отмечает Т. ван Леууен, в данной ситуации не должны быть предложены какие-то причины или ответ на вопрос, почему я должен это сделать, достаточно просто отметить, что профессор такой-то сказал это.

В учебном пособии «Основы духовно-нравственной культуры народов России» для 5 класса мы находим многочисленные примеры использования данной субстратегии. Обратимся к одному из них: знакомя учащихся с ценностью окружающей среды, необходимости её защиты и бережливого к ней отношения, составители учебника обращаются к мнению учёных. В рамках текста не указываются конкретные имена и фамилии исследователей-экологов, а используется общее обращение к учёным в целом:

Учёные доказали, что относится к природе бережно обязан каждый человек, ведь от этого зависит жизнь будущих поколений (1, с. 51)

Данное высказывание выступает одним из аргументов для тезиса «Люди должны бережно относиться к окружающей природе» с восстановленной нами инференцией «граждане России обязаны бережно относиться к окружающей природе», что в целом демонстрирует тот факт, что данные стратегии являются аргументативными.

По сравнению с учебным пособием «Основы духовно-нравственной культуры народов России» в «Yes, Ра» практически не используется субстратегия обращение к авторитету эксперта. Это связано с тем, что учебник является в своей основе автобиографической историей, главным героем которой является простой мальчик и члены его семьи. Атмосфера повествования отличается личностным характером: всё о чём пишет автор было пережито им самим и не имеет никакого отношения к высказываниям экспертов или каких-то других профессионалов.

В субстратегии **авторитет примера для подражания** источником авторитета могут являться представители какой-то группы людей, например, более опытные коллеги, чьё поведение является образцом для подражания, представители элиты, известные и влиятельные люди в обществе, представители поп культуры и др.

Российское учебное пособие имеет большое количество примеров использования данной субстратегии. Составители учебника делают акцент на значение вклада писателей, ученых, лидеров государства, героев войны и труда в развитие культуры, экономики и истории России на протяжении различных временных периодов. В главе, посвящённой труду и трудовому подвигу, главным тезисом является – «Если хочешь быть достойным гражданином своей страны – подражай самоотверженному труду наших соотечественников» аргументами:

A1: Достойный человек – это тот, кто заботится о других, а не только о своем благополучии

A2 а: Многие соотечественники трудились не для себя

A2б: Таким людям надо подражать (1)

В рамках данного раздела составители учебника приводят разнообразные примеры жизни учёных, исследователей, художников, основателей научных институтов (ученый Цыбиков, исследователь Харитон Лаптев, основоположник космонавтики – Циолковский и др.) (1, с. 40–47), жизнь которых несомненно может являться ярким образцом для подражания.

В учебном пособии Yes, Pa также используется данная стратегия, хотя и в меньшей степени, чем в российской программе. В главе, посвящённой трём урокам, которые преподнес отец сыну, главный герой описывает свои бесконечные трудовые часы, проведённые в овощном грузовике. Отец обращается к сыну, говоря ему, как он может более эффективно использовать своё время, читая и познавая что-то новое, приводя в пример Абрама Линкольна:

During the summer, you can study during the day while I am waiting on customers. You can study under the streetlights while I am calling on the men at Hedges. In the winter, you can study by the light of the kerosene lamp in the back of the truck. Abraham Lincoln used to study and read at night using candles and kerosene lamps, and he became President of the United States. If you don't want to be a huckster for the rest of your life, you have to study. You need an education to succeed in life. (2, с. 38).

Апелляция к безличному авторитету предполагает обращение к правилам, законам и инструкциям. В языке это будет выражено в виде глагольных придаточных конструкций с «законом», «правилом» в позиции субъекта. В дополнение к этому предложения могут содержать наречия и прилагательные – «обязательно, необходимо» для усиления авторитетности высказывания [6, с. 108].

Субстратегия авторитета традиции, по мнению исследователя, продолжает терять свою ведущую позицию во многих дискурсах, но в тех случаях когда она используется, в языке она выражается с помощью таких ключевых слов, как «традиция», «устой», «практика», «привычка» [6, с. 108] и на вопрос «почему» отвечает не «потому, что это обязательно», а потому что «мы всегда так делали» «because this is what we have always done» [6, с. 108], что, по мнению учёного, уже само по себе является достаточно веским утверждением, которое не нуждается в доказательстве или объяснении. В ситуации апелляции к традиции, вопрос о том, почему мы это делаем задаётся ещё реже, правилам традиции следует большинство представителей социума, а не просто отдельные личности (эксперты, лидеры мнений и др.).

В обеих учебных программах мы находим примеры использования субстратегии авторитета традиции, в частности религиозной традиции. Так, в Yes, Pa, главный герой повествования размышляет о том, как Иисус Христос завещал своим апостолам быть позитивными в общении с людьми, он решает следовать этой практике.

During church, I had learned how Jesus encouraged his disciples to be positive instead of negative. They were skeptical and afraid, but they took His advice and told people everywhere about His teachings. Nearly 2,000 years later, Christianity is a foundational religion that has spread throughout the world. Like the disciples, I changed from being shy and timid to being enthusiastic and unafraid in everything I did and said (2, с. 39).

В российском учебном пособии авторы обращаются не только к религиозным традициям, но и к народным устоям различных конфессий. Например, аргументами тезиса «семья – первый трудовой коллектив» являются следующие положения:

Испокон веков члены семьи воспитывались на убеждении, что от совместного труда зависит благополучие и отношение к ним окружающих. С давних времен на Руси сложились определённые правила трудового воспитания детей. Дети смотрели, как трудились взрослые, как велось домашнее хозяйство, постепенно сами включались в домашний труд» (1, с. 68).

В данном примере авторы программы говорят о месте труда в семье и обществе, повествуя о традиции, устоях, которые сложились на Руси испокон веков.

Субстратегия апелляция к существующим догмам (конформизм). Как отмечает Т. ван Леувен, в данном виде легитимации на вопрос почему мы это делаем, ответ будет – «потому что это то, что большинство людей это делают» или «потому что все остальные это делают». В данном случае не ожидаются и не требуются никакие аргументы. Достаточно часто данный вид легитимации выражается в виде модальности частотности: «большинство учителей в школе ведут журнал» или

Many schools now adopt this practice [6, с. 122].

«Многие школы перенимают эту практику» [6, с. 122].

Т. ван Леувен указывает на возможную ошибку, которую многие из современных профессионалов совершают, а именно, использование статистических данных, которые указывают на то, что большинство людей совершают какие-то действия: тот факт, что большинство это делает, не всегда означает, что это правильное действие и нуждается в легитимации.

Стратегия моральной оценки. Чаще всего, моральная оценка каких-то событий, действий и т.д. связана с определённым дискурсом, который явно не обозначен, автор может только указывать на них такими словами, как «нормальный», «здоровый», «полезный» и т.д. Данные прилагательные

запускают процесс актуализации морального концепта, с прилагательными как «вершинами айсберга моральных ценностей» [6, с.110]. В то же время данные моральные концепты отделены от системы её интерпретации, основ и происхождения данных ценностей. По мнению Т. ван Леувена, в данной ситуации у лингвиста-исследователя нет необходимого лингвистического дискурсивного метода для определения данных моральных ценностей. Как утверждает исследователь, мы можем только признать их наличие, используя свои знания культуры и отнести их к категории общепринятых ценностей. Только историк культуры может проследить происхождение данных моральных ценностей и определить их статус [6, с.110]. Например, существование такой ценности, как преданность своему хозяину (феодалу), военному лидеру являлась одной из основополагающих в отношениях между вассалом и феодалом в англо-саксонском обществе. Увидеть и подтвердить существование этой ценности возможно только при прочтении и анализе древнейшего памятника англо-саксонской литературы «Беовульфа».

Стратегия моральной оценки может быть выражена с помощью трёх субстратегий:

- оценка;
- абстракция;
- аналогия.

Оценочная стратегия реализуется с помощью оценочных прилагательных.

It is perfectly normal to be anxious about starting school [6, с. 111]

Это абсолютно нормально – беспокоиться перед началом обучения в школе.

В данном примере реакция родителей – беспокойство по поводу начала обучения в школе показывается как нормальная реакция, то есть происходит её легитимация. В некоторых случаях используется «натурализация», а именно, какое-то действие представлено не как норма морали, а как выражение естественного порядка природы, как смена дня и ночи.

Soon Autumn would be here and Mark and Mandy would have to start school [6, с.110].

Скоро наступит осень, и Марк и Мнди пойдут в школу.

Mary Kate was five. She had been five for a whole week and tomorrow she would be going to school.

Мэри Кейт исполнилось пять лет неделю тому назад и завтра она пойдёт в школу.

В данных примерах, по мнению Т. ван Леувена, факт начала обучения в школе представлен детям не как определённая политика образовательных органов, а как жизненный факт, который невозможно изменить так же, как смену дня и ночи. Таким образом, «натурализация» или представление чего-то как естественное, является особой формой моральной оценки, которая по сути отрицает моральность и замещает её понятием естественного порядка «natural order». Как отмечает исследователь, переплетение морали и природы достаточно сложно будет вычленишь с помощью дискурсивных лингвистических методов [6, с. 112].

Следующим способом реализации моральной оценки является абстракция, которая предполагает использование абстрактных слов и выражений. Например, вместо выражения «посещать родительские встречи» мы можем использовать более абстрактное выражение «строить отношения со школой», которое выводит на передний план желаемые и легитимные качества сотрудничества и вовлечённости [6, с. 111].

Аналогия как субстратегия моральной оценки выражается в виде сравнений, которые выполняют легитимную и делегитимную функцию. Иногда сравнения могут носить имплицитный характер: так, если действие, принадлежащее одной социальной практике, описать термином, который относится к другой социальной практике, то и ценности, существующие в социокультурном контексте этого термина, будут перенесены на описываемое первоначальное действие [6, с. 111–112]. Например, действия некоторых учителей сравниваются с социальными тюремными практиками, а именно:

«drilling pupils», «incarcerating pupils» [6, с. 112].

Муштра учеников, ученики, находящиеся в заточении

Стратегия рационализации. Т. ван Леуен отмечает, что при использовании стратегии моральной оценки стратегия рационализации уходит на второй план, в то время как при использовании стратегии рационализации, стратегия моральной оценки уходит на второй план, но без неё невозможно функционирование рационализации как способа легитимации [6, с. 113].

Т. ван Леуен выделяет два вида субстратегии рационализации: теоретической и практической (инструментальной). Практическая рационализация включает в себя целевую рационализацию, инструментальную.

His mother joins the queue to pay his dinner money to the teacher.

Его мама встала в очередь, чтобы заплатить учителю за ужин [6, с. 112].

Предложения с целевой рационализацией всегда содержат три элемента: действие (вставить в очередь), предлог с указанием на цель (чтобы «сделать что-то») и действие или состояние, которое выражает цель («заплатить за ужин») [6, с. 114].

Инструментальная форма рационализации во главу угла ставит способ достижения цели и строится по формуле: «я достигаю/становлюсь/получаю Y с помощью/благодаря использованию X». В предложениях с инструментальной формой рационализации могут быть использованы конструкции «с использованием чего-л.», «через что-л.» или деепричастный оборот (ing-форма глагола в случае английского языка) [6, с. 114].

Children cope with these difficulties by keeping the two worlds apart and never talking about home at school or mentioning school at home.

Дети справляются с этими трудностями, разделяя два мира и никогда не говоря о доме в школе или не упоминая школу дома [6, с. 115].

Т. ван Леувен выделяет высказывания с ориентацией на эффект, которые направлены на результат действия [6, с. 115].

Your child has to learn to control aggressiveness, so as to be accepted by others.

Вашему ребенку нужно научиться контролировать агрессивность, чтобы его приняли другие [6, с. 115].

То есть результатом научения ребенком контролировать свои эмоции (агрессивность) будет являться его принятие другими детьми.

Во второй субкатегории ориентации на эффект, эффект выступает инициатором действия:

Sending children away from home at an early age builds character.

Отправка детей из дома в раннем возрасте укрепляет характер.

В данном примере эффект – укрепление характера детей – является инициатором действия – отправка детей из дома [6, с. 115].

Теоретическая субстратегия рационализации основана не на понимании, является ли действие справедливым с точки зрения морали или нет, а на том, лежит ли в его основе какая-либо истина или естественный ход вещей [6, с. 115–116]. Теоретическая рационализация может выражаться в трёх формах, первая из которых дефинитивная. В ней одно действие определяется через другое, морализованное, оба действия являются объективированными и общими, связь между ними осуществляется с помощью глаголов связки «это значит, это составляет», либо «это значит, это символизирует» [6, с. 115].

School signals that her children are growing up.

Школа сигнализирует о том, что ее дети растут.

В данном примере дефинитивная легитимация реализуется через определение одного действия (состояния) – дети растут – через другое действие – поступление и обучение в школе. Объясняющая форма теоретической легитимации объясняет определённые действия, описывая характеристики привычных действий тех, кто их выполняет.

Parents use the same route to school each day because «small children thrive on routine».

Родители ходят в школу по одному и тому же маршруту каждый день, потому что «маленькие дети преуспевают в рутине».

В данном высказывании описываются привычные действия родителей (они ходят по одному и тому же маршруту), объясняя их тем, что детям полезно наличие рутины.

Прогнозирующая форма рационализации принимает форму предсказаний, которые должны быть основаны не столько на авторитете власти, сколько на авторитете эксперта [6, с. 117].

Don't worry if you or your child cries. It won't last long [6, с. 117].

Не беспокойтесь, если вы или ваш ребенок плачет. Это не продлится долго.

В данном высказывании представлено мнение эксперта психолога, который предсказывает определённое развитие событий в будущем (ребёнок будет плакать) и советует родителям не беспокоиться, так как это продлится не долго.

Мифопоэтическая стратегия. Т. ван Леувен отмечает, что легитимация может осуществляться и с помощью повествования.

А) в поучительном рассказе герои всегда получают награду за участие в принятых социальных практиках или тогда, когда они способствуют восстановлению принятого социального порядка [8, с. 117].

Б) *предостерегающий рассказ*, в котором показывается то, что может произойти в случае, если герой нарушит общепринятые правила [8, с. 118].

В) *сверхдетерминация*, в рамках которой социальные акторы репрезентируются как участники более чем одной социальной практики одновременно [8, с. 100]. Эта категория представлена символическим повествованием (символизация) и инвертированным повествованием (инверсия). Примером инвертированного повествования являются, например, рассказы о том, как животные (маленькая собачка, котик) должны выполнить домашнее задание. В данном случае общепринятая социальная практика выполнения домашнего задания осуществляется не ребёнком-школьником, а животным. В символическом повествовании автор может использовать символические действия, которые могут представлять собой более чем одну институциональную практику для демонстрации «мифической модели социального действия» [8, с. 119].

Мифы и сказки способствуют легитимации устоев и социальных практик того или иного общества и показывают, как вслед за девиантным поведением персонажа следует кризис, который не разрешится, пока не будет установлен социальный порядок [8, с. 101].

Анализируя предлагаемые Т. ван Леуvenом данные разновидности стратегий легитимации, можно отметить следующее: а) данная модель раскрывает основные принципы легитимации, заложенные в языке и дискурсе, и используемых в процессе передачи социального порядка следующему поколению, соответственно все они носят институциональный характер; б) данная модель была разработана прежде всего на корпусе материалов педагогического дискурса, как устного, так и письменного; в) она может включать в себя всё многообразие жанров; г) рассмотренные стратегии в общем входят в круг ошибочных приёмов аргументации, что не позволяет рассматривать их как соответствующие строгим правилам заключения. Апелляция к авторитету считается ошибкой аргументации: то, что кто-то делает или считает ещё не является основанием для того, чтобы так делать. Однако, как показывает эмпирический материал, эти стратегии вполне применимы в учебно-педагогическом дискурсе.

Список литературы:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
2. Amgoud L., Ben-Naim J. Evaluation of Arguments in Weighted Bipolar Graphs // International Journal of Approximate Reasoning. 2018. Vol. 99. P. 39–55.
3. Bernstein B. On Pedagogic Discourse // Handbook for Theory and Research in the Sociology of Education Westport. CT: Greenwood, 1986. P. 205–290.
4. Grossi D., Modgil S. On the graded acceptability of arguments in abstract and instantiated argumentation // Artificial Intelligence. 2019. Vol. 275. P. 138–173.
5. Krause P., Ambler S. J., Elvang-Gøransson M., Fox J. A logic of argumentation for uncertain reasoning // Computational Intelligence. 1995. Iss. 11. P. 113–131.
6. Leeuwen T. Discourse and Practice: New tools for critical discourse analysis. Oxford: Oxford University Press, 2008.
7. Leeuwen T., Wodak R. Legitimizing immigration control: A discourse-historical analysis // Discourse Studies, 1999. Vol. 1. P. 83–118.
8. Leeuwen T. Representing social action // Discourse & Society, 1995. Vol. 6. No. 1. P. 81–106.
9. Toh G. Critical Analysis of Discourse in Educational Settings // The Encyclopedia of Applied Linguistics; edited by Carol A. Chapelle. Iowa State University, USA: Blackwell Publishing Ltd., 2013. P. 1–9.

Список источников:

1. Виноградова Н. Ф. и др. Основы духовно-нравственной культуры народов России: 5 класс: учебник М.: Вентана-Граф, 2012 (вопросы и задания).
2. Материалы Американского учебного курса Yes Pa Foundation. Книга для учителя YesPAFoundation <http://www.yespa.org/index.html> (дата обращения: 25.07.2022)

Байкальский государственный университет, Иркутск

УДК 81

А. И. Сорокина**КУРТУАЗНАЯ ЛИЧНОСТЬ: ОБОСНОВАНИЕ ВЫБОРА К ПОДХОДУ АНАЛИЗА**

Статья посвящена основным вопросам, связанным с исследованием языковой личности, выделением куртуазного типа языковой личности как объекта исследования, особенностям ее анализа и типологии. Обосновывается выбор концепции, на которой базируется исследование. Представляется краткое изложение трехуровневой модели Ю. Н. Караулова, и выделяются ее преимущества в рамках проводимого исследования.

Ключевые слова: куртуазная языковая личность; типология; трехуровневая модель Ю. Н. Караулова; речевой этикет.

A. I. Sorokina**COURTLEY LINGUISTIC IDENTITY: JUSTIFICATION OF THE CHOICE TO THE APPROACH OF THE ANALYSIS**

The article is devoted to the main points, connected with the research of linguistic personality, determination of courtly linguistic personality as the object of the research, investigation of the peculiarities of its analysis and typology. It justifies the concept that is basic for the study. It gives a summary of three-level model of Yu. N. Karaulov and distinguishes its advantages within the framework of the research.

Key words: courtly linguistic personality; typology; three-level model of Yu. N. Karaulov; speech etiquette.

Активное становление антропоцентризма как одного из ведущих направлений в рамках лингвистических и междисциплинарных исследований XXI века обусловило повышенный интерес к определению места человека в системе научных парадигм. Антропоцентрическая парадигма несет идею о языке, как о важнейшем элементе, составляющим целое понятие – человек. Связь языка и человека исследуется значительным количеством научных дисциплин: лингвистикой, социологией, психологией, культурологией и т.д. В связи с все возрастающим интересом к изучению языка через его носителя, образовалась новая область науки – лингвоперсонология, в рамках которой, внимание ученых концентрируется на понятии «языковая личность», представляющее сложный, вариативный и многоаспектный феномен, порождающий множество дискуссий научного сообщества. Согласно взглядам В. П. Нерознак – многоаспектное изучение языка находится на стыке персонологии, лингвистики и персонализма, что обуславливает необходимость создания отдельной, современной области научного познания [13]. Разработкой концепций, методов и задач лингвоперсонологии занимаются значительное количество современных лингвистов: Е. В. Иванцова, Н. Д. Голев, М. Г. Цуциева, С. Г. Воркачев и т.д. Ввиду отсутствия самостоятельной методологической базы и немногочисленные работы по тематике, изучение языковой личности представляется важным вкладом в развитие новой научной парадигмы.

В современных исследованиях традиционные вопросы языкознания рассматриваются с позиций изучения речемыслительных процессов индивида, учитывается прагматическая тональность высказываний, рассматривается деятельностный подход в изучении языка, решаются вопросы связи языка и мышления, изучается устройство внутренней речи, проводится стилистический анализ речи с выделением экспрессивных и эмотивных свойств языка, текст изучается через свою структуру, механизмы его восприятия, понимания и воздействия. И единым, организующим все это оплотом, выступает языковая личность [3, с. 28]. Впервые понятие «языковая личность» упоминается в работах Й. Л. Вайсберга и отечественного ученого В. В. Виноградова, который определял индивидуальный речевой опыт как основной способ раскрытия природы языковой личности. Используя в своих трудах термин «языковая личность», ни один из ученых не дает точное определение данному понятию. Лишь спустя годы, в 80-х годах XX века это понятие приобретает статус термина и становится предметом научных исследований. В современном отечественном языкознании наработан значительный опыт теоретических и практических исследований разных аспектов языковой личности. Современные лингвисты выделяют когнитивный аспект (Г. И. Голованова, Ю. Н. Караулов, В. И. Карасик, Г. И. Берестнев, В. З. Демьянков и др.), коммуникативно-деятельностный (Е. И. Иванцова, Г. И. Богин, А. А. Леонтьев), лингвокультурологический (В. И. Тхорик, В. Г. Гак, М. Л. Ковшова и др.), лингводидактический (Г. И. Богин, Л. П. Клобукова и др.). В настоящее время ученые

занимаются разработкой теории языковой личности, выстраиваются модели языковой личности (Ю. Н. Караулов, В. И. Карасик, Г. И. Богин, И. П. Сусов), создаются типологии, которые, через анализ порождаемых текстов, раскрывают разные грани языка, отражают, сложившуюся картину мира той или иной языковой личности (С. С. Сухих, Э. Берн, К. Ф. Седов, О. Клапп, Л. П. Крысин). Языковая личность – активный участник социальной жизни языкового сообщества, она отражает и подчиняется действующим социальным законам и, одновременно, является результатом исторической и естественно-биологической эволюции. Она способна осветить психическую сферу личности и ее сознание, является как создателем, так и потребителем структурно-системных знаковых элементов языка. Все это многообразие отражает одну из важнейших характеристик языковой личности – способность вмещать базовые свойства языка [2]. Несмотря на значительное количество разного рода концепций, термин «языковая личность» (далее ЯЛ), являясь сложным и многоуровневым понятием, все еще не получил единого определения. Так, мы можем говорить о существовании нескольких разных подходов к пониманию ЯЛ. Представители саратовской лингвистической школы, выделяют конкретную ЯЛ, в качестве которой понимают реального носителя языка, отдельную личность ее идиолект. Такое понимание ЯЛ не предоставляет четких критериев и признаков, составляющих основу той или иной типологии, тем самым усложняя процесс типологизации. Такие ученые, как Ю. Е. Прохоров и Л. П. Клобукова, определяют ЯЛ как абстрактную модель, некий конструкт. Согласно их видению языковая личность это – понятие, обладающее определенным набором элементов, реализация которых, связана со всеми экстралингвистическими и лингвистическими характеристиками данной ситуации общения: ее коммуникативными целями и задачами, ее темой, нормой и узусом, ее экстракультурными и социальными параметрами [9]. Другие подходы заключаются в рассмотрении ЯЛ с позиций субъекта и объекта речевой деятельности, носителя языка, речемыслительного процесса индивида и многих других аспектов, что оставляет вопрос о едином, универсальном понимании ЯЛ открытым.

Такого рода многоплановость обеспечивает значительное количество оснований для анализа и последующей типологизации языковой личности. Все основные черты ЯЛ проявляется именно в процессе речевой деятельности. Будучи участниками общения, осознанно или неосознанно мы акцентируем внимание на речевых характеристиках собеседника, знакомимся с его индивидуальностью, подбираем тактики и стратегии поведения. Все это было бы невозможно без существования определенных закономерностей речевого поведения говорящего, которые и становятся основой для разработки типологий языковых личностей [1].

Значительный вклад в работу над типологиями ЯЛ внесли О. Б. Сиротина, В. П. Нерознак, С. А. Сухих, К. Ф. Седов, Г. И. Богин, С. Г. Воркачев, И. Н. Борисова и многие другие. Остановимся подробнее на классификации, предложенной К. Ф. Седовым.

Заложив в основу своей работы типы речевых стратегий, автор выделяет инвективную, куртуазную и рационально-эвристическую языковую личность [15, с. 12]. Изучив этимологию и специфику термина «куртуазность», мы делаем вывод о том, что куртуазная языковая личность характеризуется особым типом речевого поведения и требует подробного изучения.

Термин «куртуазность» (фр. *courtois* – учтивый, рыцарский), представляет собой совокупность норм поведения при дворе или систему качеств, которыми должен был обладать придворный в Средние века – раннее Новое время. Период активного употребления данного понятия приходится на V – XVI вв. Время длительных войн, культурного и научного упадка, феодальной раздробленности и массовой нищеты. Именно в это мрачное время на территории замков (от фр. *court* – двор), являющимися по своей сути крепостью, а значит представляющее закрытое, избранное общество, зарождается куртуазный кодекс поведения, образец высоконравственной и эстетически сложной модели поведения. Все это представляло собой особую систему светских отношений, тяготеющей к проявлению лучших качеств человека: благородство, верность чести, отвага, обходительность, умение поддержать беседу и соблюдение норм речевого этикета. Все эти новые идеалы оказали существенное влияние на систему языка, значительно повысив его образность, выразительность и семиотичность. В столь мрачное время, куртуазная культура, заняла прочные позиции в жизни людей. В противовес жестоким нравам и невежеству, все больше укрепляется тяга к этическим ценностям и красоте. Куртуазность, став неотъемлемой частью высшего общества, оказывала значительное влияние на литературу, музыку, костюмы, с помощью народного творчества просачивалась и распространялась среди разных слоев населения [11].

Обратимся к определению термина «куртуазная языковая личность» (далее КЯЛ), предложенное К. Ф. Седовым: «куртуазная языковая личность отличается повышенной семиотичностью

речевого поведения, обусловленного тяготением говорящего к этикетным формам социального взаимодействия». Рассмотрев данные подходы к пониманию термина, мы можем сделать вывод о том, что «куртуазность» речи заключается в использовании элитарного языкового типа, этикетизации речевого поведения, владении богатым лексическим запасом и средствами эмоционально-стилистической окраски.

Проведение полного анализа и получение точных данных о специфике рассматриваемой личности требует рассмотреть ее структуру посредством исследования семантико-строенового уровня, провести реконструкцию языковой картины мира или, другими словами, тезауруса, вскрыть истинные мотивы, интенции и потенции ЯЛ, изучить влияние на формулировку и характер высказывания экстралингвистических факторов.

Учитывая поставленные задачи, мы считаем, что наиболее успешное исследование куртуазной языковой личности должно происходить на основе трехуровневой модели Ю. Н. Караулова. В основе концепции исследователя лежит понимание ЯЛ как совокупности способностей и умений личности, обеспечивающих воспроизведение и восприятие речевых произведений, разной степени сложности и глубины [8, с. 43]. Структура модели представлена тремя уровнями: вербально-семантическим, лингвокогнитивным и прагматическим. Трехуровневая структура на каждом из уровней изоморфна и состоит из специфических элементов и отношений между этими элементами. Кратко рассмотрим структуру модели.

Мы имеем дело с интраиндивидуальным лексиконом, где исследуется одна и та же личность. Такое исследование позволяет построить вербальную, ассоциативно-семантическую сеть и тем самым отразить самый первый, вербально-семантический уровень ЯЛ.

Нулевой или вербально-семантический уровень характеризуется общенациональным языковым типом и стандартными вербально-семантическими ассоциациями. К единицам нулевого уровня относятся отдельные слова, наиболее типичные словосочетания, паттерны и клише. Этот уровень отвечает за владение типичным набором языковых единиц, обеспечивающих успешное обиходное общение.

Следующий уровень – лингвокогнитивный или тезаурус языковой личности. Он отражает знания личности о мире и формирует ее картину мира. Неравноценный характер знаний обуславливает иерархический и логико-понятийный тип организации единиц уровня. Такие единицы знаний приобретаются посредством чувственного опыта, языка, текстов и деятельностью самой ЯЛ. Элементами выступают генерализованные понятия, концепты и идеи, дефиниции, научные термины, афоризмы, пословицы и поговорки, крылатые выражения и т.п. Сам тезаурус характеризуется такими свойствами как репрезентативность, перцептуальность и субъективность. Данный уровень отвечает за ценностный и познавательный план выражения языковой личности. Ценностный план вмещает характеристики определенного этноса в конкретный исторический период, нормы нравственного кодекса языкового коллектива. Он отвечает за соотношение интересов общества и утилитарных интересов отдельной личности. Познавательный аспект подразумевает познание человеком внешнего мира посредством языка. Это специфическая концептосфера, где осуществляется фреймовая обработка представлений, поиск концептов для передачи языковых элементов. Концепты могут иметь как личностный, так и общественный характер. Они выступают как части жизненного опыта человека, многомерные образования и фиксируются в памяти [6, с. 67]. Познавательный аспект освещает проблемы языкового сознания. Языковое сознание представляет собой систему, где все ее составляющие имеют связь с другими элементами. Высказывание может состоять как из типовых элементов, гарантирующих понимание между говорящими, так и нести что-то креативное и творческое. Здесь мы можем говорить о противопоставлении обиходного, бытового общения – бытийному, художественному или психолого-философскому типу [14, с. 247]. Слова обиходного общения не зависят от контекста, обеспечивают полное понимание, в то же время они творчески ограничены, менее экспрессивны и персонализированы. В ситуации реального общения, по мнению С. О. Карцевского, наблюдается ассиметричный дуализм, т.е. не существует полной свободы или стереотипности. Тяготение к тем или иным формам передачи выражения и содержания слова определяется типами сфер общения и характером дискурса. К примеру, дипломатический, деловой и юридический типы дискурса менее личностно ориентированы, чем педагогический, бытовой и т.п.

Одной из основных характеристик высоко личностно-ориентированных высказываний является креативность или креативные тексты. В отличие от перформативных они могут быть как адресативными так и неадресативными и несут фасцинациативный характер, т.е. их функция – эмоциональное воздействие, вызов эмпатии. Их перевод обычно затруднен, как и сокращение, что

вызывает необходимость интерпретации внутренней формы слова. Креативность является важной частью выразительности языка. Это художественная образность, разного рода эпитеты и метафоры, наделение слова авторским смыслом, образная преобразования [10].

Прагматический или высший уровень организации ЯЛ наиболее индивидуален и наименее очевиден. Он занимает главенствующее положение в структуре ЯЛ и является наиболее трудным для исследования и реконструкции, так как в центре мотивов, интенций, потенций и целей говорящего расположились аффекты и эмоции, тесно связанные с психической стороной личности. Единицами прагматикона представлены коммуникативные потребности ЯЛ. Их неограниченное количество, варьируемость и противоречивость объясняется тесной связью с духовными и материальными ценностями общества, а удовлетворение уже имеющихся потребностей ведет к возникновению новых, что также, осложняет исследование уровня. Прагматикон отражает поведенческий аспект ЯЛ, комплекс вербальных и невербальных индексов, отражающих прагмалингвистические особенности личности. Они включают коммуникативные цели, мотивы, стратегии, тактики и способы их достижения. Здесь происходит раскрытие целостного смысла языковых единиц, понимаемого из их значения или ситуации общения. Особого внимания требуют несемантические коммуникативные единицы и образования, которые содержательно осложняют общение, а смыслы не понимаются напрямую из высказывания и нуждаются в интерпретации. Сюда относятся раскрытие целостного смысла языковых единиц, понимаемого из их значения или ситуации общения. Так В. В. Дементьев предлагает отнести несемантические коммуникативные единицы и образования к понятию «непрямой коммуникации», под которой он понимает: «содержательно усложненное общение, где смыслы не понимаются напрямую из высказывания, а нуждаются в дополнительной интерпретации адресата» [4]. Таким образом, элементы непрямого общения являются более сложными относительно единиц прямой коммуникации. Основными характеристиками непрямого общения являются усложненная интерпретация адресата, ситуативная обусловленность, неконвенциональность, креативность. Непрямое общение требует постоянного домысливания полученной информации. Шкала типов непрямого общения представлена в виде иерархии из семи уровней: ядерные предложения, неизосемантические языковые образования, эллиптические конструкции, тропы, конвенциональные не прямые высказывания, некоторые фатические жанры и непредсказуемая интерпретация адресата [6, с. 162].

К еще одной, принципиально важной характеристике поведенческого аспекта, относится теория речевых актов. Большую роль здесь играет иллокуция или тип речевого воздействия, на выбор которого влияет интенция адресанта. Практически все речевые действия содержат воздействие в большей или меньшей степени, могут выражать интенцию говорящего эксплицитно и имплицитно. Существенной характеристикой поведенческого аспекта ЯЛ считается выбор и реализация коммуникативных стратегий, понимаемых как определенный тип поведения участников коммуникации, реализация коммуникативных действий и выбор языковых средств, для достижения поставленной коммуникативной цели. Согласно О. С. Иссерс, коммуникативные стратегии тесно связаны с мотивами, потребностями и желаниями говорящего. Ее типология коммуникативных стратегий представляет собой иерархию мотивов и целей, включающую вспомогательные стратегии для успешного ведения диалога. К основной стратегии относится когнитивная, к вспомогательным прагматическая, диалоговая и риторическая [5].

Возвращаясь к определению К. Ф. Седова, мы акцентируем внимание на повышенной этикетизации речи КЯЛ. Согласно определению Л. В. Мордовиной, речевой этикет – это выражение вежливости посредством словесных формул, акт порождения которых обусловлен ситуацией общения, культурным уровнем, гендером и другими компонентами, обуславливающими коммуникативную деятельность человека [12, с. 11]. Следование правилам речевого этикета обеспечивает речевой комфорт и гармоничное общение участников общения. Рассматривая формулы речевого этикета в рамках трехуровневой модели Ю. Н. Караулова, мы можем говорить о следующем распределении его элементов.

Вербально-семантический уровень содержит значительное количество этикетных формул, которые главным образом, принадлежат к области фатического взаимодействия. Так, как значения фактических высказываний, как правило, редко выделяется из значений составляющих их единиц языка, фатические высказывания можно отнести к высказываниям, характеризующимся повышенной семиотичностью. Это формулы приветствия, прощания, благодарности, обращения и т.п. Они относятся к разделу обиходного общения, не зависят от контекста, обеспечивают полное понимание, в то же время они творчески ограничены, менее экспрессивны и персонализированы.

Тезаурус КЯЛ состоит из этикетных речевых форм, обусловленных культурными и социальными особенностями адресанта. Это устойчивые речевые и поведенческие образы для стандартных ситуаций или, другими словами, культурные стереотипы. Своего рода комплекс индивидуальных, социальных и национальных навыков и умений, гарантирующих соблюдение, правил речевого этикета. К примеру, использование формул извинения в начале фразы является характерным для многих языков, а в русском языке такие формулы выступают в качестве способа обращения к незнакомому человеку.

Высший уровень организации ЯЛ рассматривает этикетные формулы как способ прояснить характер отношений между коммуникантами, определить их социальный статус, передать коммуникативные интенции собеседников. Здесь наиболее отчетливо проявляется реализация функций речевого этикета: контактоустанавливающей, апеллятивной, конативной, волюнтаривной и эмотивной. Формулы речевого этикета обеспечивают следование правилам коммуникативного кодекса, соблюдение принципа кооперации и принципа вежливости.

Подводя итог краткому изложению трёхуровневой модели Ю. Н. Караулова, мы делаем вывод о следующих преимуществах модели в нашем исследовании:

Во-первых, ее универсальность. Данная модель может применяться в анализе, как коллективной языковой личности, художественной языковой личности, так и индивидуального носителя языка. Рассмотрение языковой личности путем ее анализа на основе трехуровневой модели может происходить как на основе связных текстов и полного собрания, так и, владея некоторым набором отрывочных речевых произведений монологического или диалогического характера, отобранных в течение длительного промежутка времени.

Второе преимущество говорит о возможности разностороннего исследования КЯЛ, начиная с ее реализации на уровне обыденного общения, освещения ее картины мира и заканчивая вскрытием глубинных структур языкового сознания личности, ее интенций, мотивов и целей. Анализ нулевого уровня учитывает основные формальные средства языка, к которым прибегает исследуемая личность. Подробное изучение лингвокогнитивного уровня делает возможным охват интеллектуальной и ценностной сферы говорящего, приближение к сознанию и процессам познания личности. Прагматикон освещает и осмысляет те скрытые факторы, которые генерируют и регулируют само высказывание. Такой многоаспектный анализ позволяет избежать поспешных выводов и псевдопонимания личности.

Следующим фактором является взаимосвязь и взаимопроникновение уровней структуры модели. Очевидна связь тезауруса с вербально-семантическим уровнем. Так понимание слова или фразы обеспечивается соотношением ее с имеющимися знаниями и картиной мира. Вербально-семантический уровень стремится к постоянному расширению, вследствие увеличения его элементов, лингвокогнитивный уровень, в свою очередь, отвечает за сжатие и качественное упрощение элементов знания, путем усложнения отношений между этими элементами и их структуры. Нулевой уровень представляет знаковое образование, в то время как тезаурус стирает эту знаковость, являясь более асемiotичным. Все три уровня организации личности пронизаны ассоциативно-семантической и коммуникативной сетью, объединяющих как клишированные высказывания и отдельные слова, так и характеризующих коммуникативную ситуацию и ее участников, одновременно являясь средством достижения и удовлетворения коммуникативных потребностей. Такого рода межуровневые отношения делают возможным изучение и учет неоднородных единиц языкового общения.

Еще одним важным достоинством трехуровневой модели Ю. Н. Караулова является ее междисциплинарный характер. Исследователь говорит о языковой личности как о феномене способном пронизывать и выражать все аспекты изучения языка, разрушая границы между дисциплинами. Личностный дискурс освещает психические, социальные, этические, философско-мировоззренческие, исторические и многие другие сферы, необходимые для научного познания человека в рамках большого количества научных направлений и дисциплин, что соответствует современным тенденциям исследования – синтезу и интеграции результатов исследований разных областей научного познания.

Список литературы:

1. Богин Г. Б. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текста: диссертация д-р филол. наук: 10.02.19. Ленинград, 1984.
2. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки, 2001. № 1. С. 64–72.

3. Голев Н. Д., Шпильная Н. Н. Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Вып.1 2014.
4. Дементьев В. В. Аспекты проблемы «речевой жанр и языковая личность» // Ученые записки Таврического университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 224 (63). 2011.
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛЕНАНД, 2015.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
7. Карасик В. И. Языковое проявление личности: монография. М.: Гнозис, 2015.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
9. Клобукова Л. П. Структура языковой личности на разных этапах ее формирования // Язык, сознание, коммуникация. М., 1997. С. 70–77.
10. Красных В. В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности: (К вопросу о русской концептосфере) // Язык. Сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997. С. 128–144.
11. Ле Гофф Ж. Рождение Европы: пер. с фр. СПб.: Александрия, 2008.
12. Мордовина Л. В. Речевой этикет // Аналитика культурологии. 2010. С. 10–15.
13. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод. Сб. науч. тр. М.: Московский государственный лингвистический университет, 1996. С.112–116.
14. Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М.: Издательский дом ЯСК. 2016. (Studia philological).
15. Седов К. Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) // Вопросы стилистики. Язык и человек. Вып. 26. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1996. С. 8–14.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга

УДК 81'3

Е. В. Стрелкова, Л. Г. Васильев, М. Л. Васильева
РИТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
И КАЧЕСТВО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА

В статье дан анализ переводческих приемов, связанных с интерпретацией стилистико-риторических средств, преобладающих в романе Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста». Разбираются переводческие действия двух основных переводчиков этого романа, дается оценка результирующего качества переводов.

Ключевые слова: перевод; риторика; стилистика; тропы; фигуры; идиостиль переводчика.

E. V. Strelkova, L. G. Vasilev, M. L. Vasileva
RHETORICAL ASPECTS OF A FICTION TEXT AND
THE QUALITY OF PROFESSIONAL TRANSLATION

The article gives an analysis of translation techniques used in the interpretation of the stylistic-rhetorical means prevailing in Ch. Dickens's «The Adventures of Oliver Twist». The translation tactics of the two main translators of this novel are analyzed, and the resulting quality of the translations is evaluated.

Key words: translation; rhetoric; stylistics; tropes; figures; translator's idiosyncrasy.

Проблема поиска адекватных способов передачи образной информации при переводе художественного произведения остается одной из наиболее актуальных. В настоящее время данный аспект недостаточно проработан и продолжает привлекать внимание исследователей. Правильный перевод стилистических средств, а также сохранение стиля текста при переводе всегда были трудными задачами для переводчика. Тропы и другие выразительные средства языка встречаются в художественном произведении практически всегда. Однако при их переводе на другой язык переводчики сталкиваются с проблемой отсутствия прямого эквивалента в языке перевода и различия реалий в двух языках. Все это актуализирует интерес современного переводоведения к проблеме поиска приемов перевода выразительных средств речи и обуславливает актуальность выбранной темы.

В данной статье анализируются приемы перевода фигур речи, нацеленные на достижение адекватности перевода текста художественной литературы и сохранения его образности. Сопоставление текста оригинала и текста перевода позволяет выявить идиостиль переводчика, различные переводческие приемы перевода художественного текста с английского языка на русский, а также установить частотность их употребления.

В связи с тем, что стилистика в настоящей статье трактуется как теория тропов и фигур в рамках элокуционной составляющей пентадной (*inventio, dispositio, elocutio, memoria, actio*) риторики, рассмотрение стилистических средств проводится здесь с позиции, обозначенной Е. В. Ключевым: «в основе тропов лежат преобразования законов логики ..., в основе фигур – преобразования законов синтаксиса» – тропы касаются значения, фигуры – структуры [3, с. 179].

В связи с такой трактовкой тропы разделяются на:

(а) собственно тропы, где основа – конфликт с критерием истинности (метафора, катахреза, синестезия, аллегория, прозопопея, метонимия, синекдоха, антономазия, гипаллаг, эналлага, эпитет, оксюморон, антитеза, антиметабола, эмфаза, градация-климакс, градация-антиклимакс, антаклаксис, амфиболия, зевгма, каламбур, тавтология, плеоназм);

(б) несобственно тропы (Тн), где наличествует конфликт с условием искренности (апосиопеза, астеизм, паралепсис, преокупация, энанортоза, гипербола, литота, перифраз, аллюзия, эвфемизм, антифразис, риторический вопрос, риторическое восклицание, риторическое обращение).

Фигуры разделены на микрофигуры – трансформации структуры слова и макрофигуры – трансформации структуры предложения, а последние – на конструктивные и деструктивные.

К микрофигурам относятся метатеза, анаграмма, анноминация, гендиадис, аферезис, апокопа, синкопа, синерезис, протеза, парагога, эцентеза, диереза, полиптотон, этимологическая фигура, аллитерация, ассонанс, палиндром.

В число конструктивных макрофигур включены параллелизм, изоколон, энаналепсис, анафора, эпифора, анадиплосис, симплока, диафора, хиазм, эпанодос, асиндетон, полисиндетон, апокойну, киклос, гомеотелевтон.

К деструктивным макрофигурам отнесены инверсия, анастрофа, эллипсис, парцелляция, гипербатон, тмезис, анаколупф, силлепсис, аккумуляция, амплификация, эксплация, конкатенация [3, с. 178–261].

Для манифестационно-стилистического анализа по соображениям места нами были выбраны лишь наиболее употребимые в тексте романа Ch. Dickens «The Adventures of Oliver Twist» тропы и фигуры.

Для изучения идиостилевого переводческого ракурса способов перевода стилистических средств нами были выбраны два перевода романа, авторами которых выступили А. В. Кривцова [1] и В. И. Лукьянская [2]. Стоит отметить разный характер двух этих переводов, каждый из которых преследует свою цель.

Перевод, выполненный А. В. Кривцовой, является полноценным художественным переводом, направленным на широкую аудиторию.

Перевод же В. И. Лукьянской является, скорее, адаптивным и имеет свою целевую аудиторию – это дети и подростки.

Проанализировав роман, можно прийти к выводу, что автор романа использует большое количество средств образности. Самыми часто встречающимися фигурами речи в романе являются:

- инверсия (17,48%);
- оксюморон (16,78%);
- зевгма (14,68%);
- гипербола (15,38%);
- литота (13,63%);
- аллюзия (12,58%).

Что касается приемов перевода, то их использование переводчиками было проанализировано в каждом конкретном случае, что позволило выявить наиболее частотные приемы перевода.

Собственно тропы. Пример использования оксюморона, одного из любимых приемов Ч. Диккенса, можно найти в главе XX, где Сайкс и Нэнси отправляют Оливера на новое «дело» и объясняют ему, что именно предстоит сделать мальчику. Обращаясь к Нэнси, Сайкс говорит:

That's it! Women can always put things in fewest words. And now that he's thoroughly up to it. Sooner or later he'll become an honest robber... Let's have some supper, and get a snooze before starting.

Ч. Диккенс использует в этом случае оксюморон, соединяя два диаметрально противоположных значения.

В переводе А. В. Кривцовой находим:

Правильно! Женщины умеют объяснить все в двух словах. Ну, теперь он ко всему подготовлен. Вскоре из него получится отличный честный вор... Давай ужинать, а потом всхрапнем перед уходом.

Автор перевода сохранила оксюморон и дословно перевела его, добавив эмоционально-оценочное прилагательное *отличный*.

В. И. Лукьянская в своем переводе пропускает этот фрагмент диалога Сайкса и Нэнси и, следовательно, не переводит данный оксюморон.

Зевгма также часто встречается в оригинальном романе Ч. Диккенса. Так, в главе XIX, Сайкс говорит Фегину, что все детали улажены и продолжать разговор больше не имеет смысла:

Never mind particulars. You'd better bring the boy here tomorrow night. I shall get off the stone an hour after daybreak. Then you keep your eyes open, and the melting-pot ready.

У А. В. Кривцовой находим следующий вариант перевода:

Нечего толковать о подробностях. Приведите-ка лучше мальчишку завтра вечером. Я тронусь в путь через час после рассвета. А вы держите язык за зубами и тигель наготове.

Переводчик в своем варианте перевода в данном случае использует фразеологический эквивалент, что позволяет наиболее полно воспроизвести иноязычный фразеологизм и в полной мере сохранить комплекс значений единицы исходного языка.

В. И. Лукьянская переводит данную фразу несколько иначе:

Не заботься о мелочах. Мальчишку лучше всего привести завтра вечером. Я тронусь в путь через час после рассвета. Значит, будь начеку и приготовь тигель.

Переводчик использует синонимический перевод, заменяя весь фразеологизм исходного языка на двусоставную единицу с тем же значением в языке перевода, что тем самым в значительной степени упрощает высказывание и делает его менее выразительным.

Несобственно тропы. Одно из любимых и часто используемых Ч. Диккенсом стилистических средств – гипербола. Именно у него метод гиперболизации раскрывается во всех проявлениях и формах, поскольку посредством чрезмерного преувеличения писатель раскрывает самые важные стороны описываемого явления.

В главе II, когда мистер Бамбл забирает Оливера из приюта, в котором он вырос, миссис Манн говорит Оливеру:

Let me give you a thousand embraces, said Mrs. Mann. And also she gave him a piece of bread and butter, lest he should seem too hungry when he got to the workhouse.

Использование гиперболы придаёт авторскому стилю Ч. Диккенса оттенок сарказма и показывает абсурдность ситуации – миссис Манн не любила Оливера, как и любого другого воспитанника приюта, поэтому проявление такой нежности к мальчику является абсолютным лицемерием и максимально точно описывает характер воспитательницы приюта.

Данный фрагмент А. В. Кривцова переводит так:

Позволь обнять тебя как следует на прощание, сказала мисс Манн. Она также дала ему кусок хлеба с маслом, чтобы он не показался чересчур голодным, когда придет в рабочий дом.

В данном случае стоит отметить, что в переводе А.В. Кривцовой гипербола в чистом виде не сохранилась. При переводе данной фразы переводчик воспользовалась приёмом лексических добавлений, добавив элементы, отсутствующие в оригинальном тексте

В переводе В. И. Лукьянской данный фрагмент не является элементом диалога. Сцена прощания мисс Манн с Оливером передается при помощи слов автора, а именно:

Миссис Манн принялась даскать мальчика, называла его самыми нежными именами и под конец – что для мальчика было гораздо приятнее! – дала ему кусок хлеба с маслом.

Переводчик в данном фрагменте перевода опускает гиперболу, используемую в оригинальном тексте, и переводит фразу *a thousand embraces* путем экспликативного перевода, заменив прямую речь словами автора.

В противовес гиперболе Ч. Диккенс также часто прибегает к использованию в романе литоты.

В главе XLV, в которой Фегин дает Ноэ Клейполу секретное поручение, старый еврей просит Ноэ проследить за Нэнси и тем самым отвлекает молодого человека, мешает ему обедать. Фегин приходит в бешенство и проклинает прожорливость своего молодого друга:

It's really not that hard to talk as you eat, isn't it?

Используя в своей речи литоту, Фегин показывает, что Ноэ не может сделать даже элементарных вещей, не говоря уже о серьезном деле. Литота придает тону старого еврея большую раздраженность и нетерпение.

В переводе А. В. Кривцовой этот момент выглядит следующим образом:

Чего проще жевать и разговаривать одновременно? Или ты так не умеешь?

Переводчик прибегает к контекстному антонимическому переводу, используя имплицитную антонимическую пару «сложно – просто». При этом сама литота при переводе утрачивается.

В переводе В. И. Лукьянской данный фрагмент отсутствует и не переводится на русский язык вовсе. Отсутствие приведенного выше фрагмента в очередной раз может свидетельствовать о намерении автора перевода упростить и сократить текст, избавив его от лишних деталей.

В романе нередко можно встретить отсылки на другие произведения, известные факты или библейские придания. Следовательно, можно сказать, что Ч. Диккенс нередко прибегает к использованию аллюзий.

Пример использования аллюзии можно найти в главе XXXVIII, содержащей отчет о том, что произошло между супругами Бамбл и мистером Монксом во время их вечернего свидания.

Миссис Бамбл рассказала Монксу, что у нее хранится завещание, оставленное Оливеру его матерью, и достала маленький кошелек из лайки, в котором лежал золотой медальон, а в медальоне две пряди волос и золотое обручальное кольцо. Мистер Монкс тут же схватил кошелек, бросил его в люк, в котором бурлила вздувшаяся после ливня река и сказал:

If the sea ever gives up its dead, as books say it will, it will keep its gold and silver to itself, and that trash among it.

Здесь наблюдается отсылка к Библии, а именно к Откровению Иоанна Богослова, глава 20, в которой говорится, что море и земля являются местами захоронения, последней стадией Страшного Суда.

А. В. Кривцова переводит этот фрагмент так:

Если море и отдаст когда-нибудь своих мертвецов, как говорится в книгах, то золото свое и серебро, а также и эту дребедень оно оставит себе.

Автор перевода сохранила аллюзию и перевела ее дословно, не приводя дополнительных пояснений о ее происхождении.

В переводе В. И. Лукьянской эта реплика выглядит так:

Море, говорят, возвращает иногда мертвецов, выкидывая их на берег, но золота и серебра оно не отдает никогда.

В этом варианте перевода также есть аллюзия, однако в целом фраза заметно упрощена, что обусловлено целевой аудиторией, на которую рассчитан данный перевод. Восприятие детьми и подростками неадаптированных сюжетов из Библии может привести к путанице и ряду затруднений в процессе чтения текста. Поэтому максимальное упрощение данного фрагмента весьма оправдано и справедливо.

Деструктивные макрофигуры. В оригинальном тексте довольно часто встречаются случаи употребления автором инверсии. Так, в главе V, в которой Оливер знакомится с товарищами по профессии и приходит к неблагоприятному выводу о ремесле своего хозяина, оставшись в лавке гробовщика, где каждый угол внушал страх, Оливер говорит:

Nor were these the only dismal feelings which depressed me. I am alone in a strange place...with no friends to care for, or to care for me.

В переводе А. В. Кривцовой находим:

Но не только эта унылая обстановка угнетала меня. Я был один в незнакомом месте...без любящих или любимых друзей.

В адаптированном тексте В. И. Лукьянской перевод выглядит так:

Но не только страх не давал мне спать. Я был один в незнакомом месте!

В работах двух переводчиков нет нарушения исходного порядка слов, и при переводе оригинальная грамматическая инверсия не сохраняется: взамен используется выделительная конструкция, так как в русском языке принято выделять рематическую информацию интонацией и ударениями.

Что касается собственно переводческих **идиостилевых** приёмов, в целом, в процессе перевода на русский язык романа переводчик А. В. Кривцова наиболее часто использует дословный перевод (26%), не прибегая к различным трансформациям или заменам. Одинаково часто в тексте перевода встречается прием синонимического перевода (15%) и прием опущения (14%). Также в тексте перевода были отмечены случаи использования антономического перевода (10%), приемы лексических добавлений (10%) и лексических аналогов (12%). Реже всего А.В. Кривцовой при переводе пользовалась описательным переводом (3%). И 10% приходится на прочие приемы перевода.

Переводчик В. И. Лукьянская чаще всего прибегает к приему опущения (25%) и дословному переводу (22%). Одинаково часто в тексте перевода встречаются лексические аналогии (14%) и прием синонимического перевода (16%). Также в тексте перевода были отмечены случаи использования антонимического перевода (8%), приемы лексических добавлений (9%). И 6% приходится на прочие приемы перевода.

Также стоит отметить, что в своем переводе А. В. Кривцова пыталась подобрать различные лексические и фразеологические аналогии и эквиваленты, тогда как В. И. Лукьянская опускала многие детали, подбирала более простые синонимы или не переводила ряд фрагментов диалога вовсе, что является весьма объяснимым, поскольку перевод, выполненный В. И. Лукьянской, является адаптированным и предназначен для вполне определенной целевой аудитории. Задача переводчика в данном случае заключается в частичной экспликации структуры и содержания оригинала в процессе перевода с целью сделать текст перевода доступным и более легким для восприятия.

Таким образом, в статье были рассмотрены приёмы перевода стилистических средств, использованных профессиональными переводчиками для конкретного художественного текста, и результаты анализа продемонстрировали существенное различие в идиостилиях авторов перевода. Впрочем, полученные данные об идиостилиях едва ли могут носить окончательный характер, поскольку для этого необходим статистически значимая выборка, предусматривающая по возможности наличие всех переводов, выполненных оцениваемыми авторами. К тому же, исходные цели установки у переводчиков могут быть в каждом отдельном случае разными, что также следует учитывать при анализе окончательных данных. Тем самым, наши результаты отвечают принципу *ad hoc*, что открывает широкие перспективы дальнейших исследований.

Список литературы:

1. Диккенс Ч. Приключения Оливера Твиста / Пер. с англ. А. В. Кривцовой. М.: Детгиз, 1956.
2. Диккенс Ч. Оливер Твист: Книга для чтения на английском языке / Пер. с англ. В. И. Лукьянской. СПб.: КАРО, 2010.
3. Клюев Е. В. Риторика (Инвенция. Диспозиция, Элокуция). М.: ПРИОР, 2001.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга
Калужская международная школа, Калуга

УДК 81'42: 161/162

Н. Ю. Фанян
ВКЛАД РОМАНСКОЙ ШКОЛЫ
В РАЗВИТИЕ ЛИНГВОАРГУМЕНТОЛОГИИ

В статье делается обзор франкоязычных школ (французской, бельгийской, швейцарской), внесших существенный вклад в формирование лингвистической аргументации. Обзор предваряется кратким экскурсом в историю становления данной области в контексте интегративного гуманитарного знания в романском ареале.

Ключевые слова: философия; логика; риторика; неориторика; теория аргументации; анализ дискурса; панаргументативность.

N. Yu. Fanyan
CONTRIBUTION OF THE ROMANCE SCHOOL
TO THE DEVELOPMENT OF LINGUOARGUMENTOLOGY

The article reviews the French-speaking schools (French, Belgian, Swiss) that have made a significant contribution to the formation of linguistic argumentation. The review is preceded by a brief excursion into the history of the formation this area in the context of integrative humanitarian knowledge in the Romance area.

Key words: philosophy; logic; rhetoric; new rhetoric; argumentation theory; discourse analysis; panargumentativeness.

История становления лингвоаргументологии (лингвистической аргументации) в романском ареале связана с формированием гуманитарного знания со времен Античности. Романское начало в античной риторике отмечено именами Цицерона (риторика убеждения) и Квинтилиана (риторика красноречия); а также существованием различных видов актуальных и ныне «античных» аргументов. Их можно классифицировать следующим образом:

1) по критерию – истинность / ложность: «argumentum ad veritatem» (аргумент, основанный на истинных посылах); «argumentum ex consensus gentum» (аргумент, принимаемый всеми за истинное суждение); «argumentum achilleum» (ложный аргумент);

2) по указанию на метод познания – прямой, опосредованный, противоположный: «argumentum a posteriori» (довод, опирающийся на данные опыта, практики); «argumentum a priori» (довод, включающий лишь суждения, сформулированные без учета опыта); «argumentum ab impossibili» (лог. доказательство от невозможного); «argumentum a contrario» (лог. доказательство от противного – доказательство невозможности положения, противоречащего доказываемому); «argumentum externum» (аргумент, взятый из области, которая не имеет прямого отношения к содержанию спора и доказываемому / опровергаемому тезису);

3) по критерию убедительности / достаточности: «argumenta ponderantur, non numerantur» (сила аргументов не в числе, а в убедительности, в весомости); «argumentum nimium prebens» (довод, доказывающий слишком много, а кто доказывает слишком много, тот ничего не доказывает); «argumentum primarium» (самый убедительный, веский, неопровержимый аргумент);

4) по характеру – невербальной: «argumentum ad crumenam» (шутл. довод, обращенный к кошелечку); «argumentum argentarium» (денежный довод, взятка, подкуп); «argumentum baculinum» (палочный аргумент, осязаемое доказательство); «argumentum ex silentio» (довод, почерпнутый из умолчания); «argumentum fistulatum» (шутл. «свистательный довод»);

5) по типу (форма, статус, процесс) актуализации: «argumentum (demonstratio) ad oculos» (наглядное доказательство); «argumenta ambigua (communia)» (лог. обоюдоострые доводы); «argumentum ad infinitum» (аргумент к бесконечности – полное доказательство предполагает доказанность аргументов, а последние, в свою очередь, нуждаются в доказательстве, и т.д.); «argumentum legis» (законный аргумент);

6) по критерию – объективность / субъективность: «argumentum ad rem» (доказательство, основанное на существе дела) / «argumentum ad hominem» («argumentum ad personam») (аргумент к человеку / личности – о доводах, которые в противоположность объективным доводам (ср. argumentum ad rem), имеют целью не доказательство правильности выдвигаемого положения, а воздействие на

чувства собеседника; затрагивает аксиосферу; эффективен в сочетании с объективными аргументами).

Несложно увидеть в них так называемые аргументативные стратегии и тактики, изучаемые в рамках современной коммуникативистики, теории аргументации, лингвистической аргументации. В следующих субъективных видах эксплицированы прагмалингвистические критерии: «*argumentum a tute*» (аргумент, основанный на верности, привязанности, почтения); «*argumentum ad ignorantiam*» (аргумент к невежеству – доказательство, рассчитанное на недостаточную осведомленность или на невежество собеседника); «*argumentum ad iudicium*» (ссылка на здравый смысл); «*argumentum ad misericordiam*» (аргумент к милосердию); «*argumentum ad verecundiam*» (довод к совестливости); «*argumentum ad invidia*» (несостоятельный аргумент, основанный только на зависти, злобе); «*argumentum ipse dixit*» (аргумент к авторитету – пифагорейцы в слепом преклонении перед авторитетом учителя говорили: «Сам сказал»).

Между Античностью и Средневековьем значима роль философии Блаженного Августина, его риторической системы. В ее основе – общение между человеком и Богом; качествами христианского стиля названы ясность и сладость [8, с. 36]. Средневековье ознаменовано традицией теодицеи в религиозном дискурсе Фомы Аквинского в XIII веке.

Новое время характеризуется развитием философской и риторической направлений как истоков исследуемой области. XVII век – это период картезианского рационализма. Р. Декарт высказывался в пользу дедукции как приоритетного типа умозаключения: «... мы отвергаем ... все познания, являющиеся только вероятными, и полагаем, что можно доверять только совершенно достоверным и не допускающим никакого сомнения» [3, с. 81]. В этот же период концепция представителей Логики Пор-Рояля не лишена прагматизма: «Мы судим о вещах не по тому, каковы они сами по себе, а по тому, каковы они по отношению к нам; истинность и полезность для нас одно и то же» [1, с. 267]. В свою очередь, Э. Кондильяк считал осязание основным чувством (*sentiment fondamental*), лежащим в основе суждений о предметах внешнего мира, а анализ – единственным методом приобретения знаний [5]. Рационализму Декарта противопоставлялась философия Б. Паскаля: «Понятие благодати, отсутствовавшее в системе Декарта, для Паскаля естественно и, более того, необходимо. Сердце чувствует, а разум постигает истину, и только в подобной ситуации человек может продвигаться в научном исследовании» [8, с. 23]. Позже рационалистическая линия продолжилась в трудах представителей Эпохи Просвещения, которые провозгласили первичность материального и вторичность идеального, отрицая существование Бога. Вопросы познания решались с точки зрения эмпиризма (Д. Дидро, Ж. Ламетри). Риторическое направление данного периода (XVI-XVII вв.) представлено именем Бернара Лами, поставившего задачу преодолеть риторический догматизм, закят риторики: «Теория элокуции, преподававшаяся иезуитами, сводилась к тому, что все должны были сочинять одинаково блестящие речи» [8, с. 36]. Б. Лами выдвигает на первый план принцип употребления: «Само употребление является властителем и судьей языка, и никто не вправе претендовать на власть в этой империи» [8, с. 105–106] (ср.: принцип прагмалингвистики. – Н. Ф.).

В наше время лингвоаргументология базируется на лингвоперсонологии, сформированной концепциями начала XX века. В антропоцентрической гуманитаристике появились различные интерпретации ипостасей человека – *Homo sapiens / sentiens / ludens / loquens / eloquens / legens / sociologicus / psychologicus / faber (agens) / argens*. Характеристика *Homo argens* – высшая ипостась Человека: как только человек становится *Homo sapiens*, он делает выбор, демонстрирует точку зрения, аргументирует. Франкоязычная традиция (Швейцарская, Бельгийская, Французская лингвистические школы) находится у самых истоков формирования лингвоаргументологии в качестве научного направления. Исследования Швейцарской (Женевской) школы начала XX века стали почвой для зарождения романской школы анализа дискурса. Особое место отводится лингвистическим традициям Фердинанда де Соссюра, Эмиля Бенвениста, Шарля Балли. Им мы обязаны введением таких базовых концептуальных понятий, как «*parole*», «*sujet parlant*», «*subjectivité*».

Бельгийская школа характеризуется развитием (нео)риторических традиций. В гуманитаристике в целом значима роль «Общей риторики» неориторического кружка Льежского университета «группа “μ”», для представителей которых литература есть прежде всего особое использование языка. Основной функцией языка (ср.: модель Р. Якобсона. – Н. Ф.) объявляется эстетическая функция. Основная единица теории – метаболы (риторические фигуры), явленные в четырех типах, представляющих языковые уровни: метаплазмы (морфология), метатаксис (синтаксис), метасемемы (семантика), металогизмы (логика) (как верхний предел). В концепции находит свое гениальное разрешение проблема соотношения языка и речи. Металогизмы не связаны с критерием истинности,

релевантно объясняют механизм корреляции логики и риторики: «По-видимому, риторика имеет право заниматься поиском смысла выражений, которые “ничего не говорят” Карнапу. Категории логики могут рассматриваться как метафорические, а если они таковыми не являются, значит, они соответствуют категориям реальности» [7, с. 237]. Другое бельгийское направление представлено значимой концепцией – «Новой риторикой» («Теория аргументации») Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Титеки. В ней в качестве основных критериев аргументации указываются эффективность, контекстуальная обусловленность, область повседневности. Авторы утверждают, что лишь в повседневном общении аргументация обретает полноценный статус [19]. Таким образом, Бельгийская традиция представлена двумя основными направлениями: Общей риторикой в области литературы и Новой риторикой в области повседневности.

Французская гуманитарная школа, расширив рамки логической теории в сторону иррационального и субъективного, методологически развивает философские традиции в области антропологии, герменевтики, когнитивистики, анализа дискурса, философии языка, утверждая принцип относительности и дополнительности. Это такие концепции, как теория пралогического мышления; герменевтическая концепция самопонимания; идеалистический рационализм; когнитивистская теория краха дедукции; постструктуралистская теория смысла; философия языка и сознания.

Так, Люсьен Леви-Брюль обращает внимание на специфику первобытного («пралогического») мышления как синтетического по своей сущности – неразложенного и неразложимого, подчиненного закону партиципации (сопричастности). Оно демонстрирует полное безразличие к противоречиям, которых не терпит наш разум [6].

Поль Рикёр толкует понимание как рефлексию, как «самопонимание»: «... явно или неявно, всякая герменевтика выступает пониманием самого себя через понимание другого»; «герменевтика открывает способ существования, который остается от начала и до конца интерпретированным бытием» [10, с. 15–16].

Мишель Пешё справедливо утверждает, что сочетание логики и риторики воплощает, «с одной стороны, конкретный реализм, а с другой – идеалистический рационализм»: «Логика должна оставаться открытой для всевозможных вводных предложений, добавлений и дополнений, при помощи которых ум <...> представляет себе действительность. <...> логика не создает препятствий для поэзии, без которой “вещи не были бы тем, что они есть”» (ср.: с концепцией «группы “μ”»). Анализ дискурса расширяет риторический вектор: адресат приобретает статус «говорящей интересубъективности» (переход от «*sujet parlant*» к «*intersubjectivité parlante*». – Н. Ю.), «благодаря которой каждый знает заранее то, что “другой” подумает и скажет... и не без основания, так как дискурс каждого воспроизводит дискурс другого...» [9].

В новом ракурсе исследуя проблемы логики и выводного знания, когнитивист Жан-Франсуа Ришар ставит под сомнение актуальность дедукции: «В частности, мы будем защищать идею, что правила, используемые при дедуктивном рассуждении, не отличаются от правил, участвующих при индуктивном рассуждении». Он различает два вида умозаключений: для того, чтобы понимать, для того, чтобы действовать, утверждая, что испытуемые хорошо рассуждают в тех областях, где они имеют достаточный опыт. При этом нет необходимости в дедукции, поскольку они «находят контр-примеры в памяти». Ученый предлагает использовать «прагматические схемы рассуждений», которые соответствуют «типам-ситуациям» [11, с. 121–124].

Постструктуралист Жиль Делёз рассуждает над категорией каузальности в ризоматическом ключе: «разбиение каузальности “вновь” отсылает нас или к языку, или к *отклонению* причин, или, <...> к *сопряжению* эффектов». Роль языка заключается в том, что именно ему «надлежит одновременно и устанавливать пределы, и переступать их. <...> в языке есть термины, непрестанно смещающие область собственного значения и обеспечивающие возможность взаимобратимости связей в рассматриваемых сериях (*слишком* и *недостаточно*, *много* и *мало*) (ср.: с «аргументативными шкалами» Анскомбра и Дюкро. – Н. Ф.). Событие соразмерно становлению, а становление соразмерно языку». Механизм каузальности включает три ступени – *денотация*, *манifestация*, *сигнификация*. Денотация становится возможной благодаря манифестации. Умозаключение, сделанное на основании связи причины и следствия, предшествует самой этой связи. Сигнификация определяется порядком понятийных импликаций, где рассматриваемое предложение может толковаться либо как посылка, либо как заключение; а слова «заклучает в себе» и «следовательно» – всего лишь лингвистические означающие. Центральное понятие – смысл выступает как становление, «двойной смысл», допускающий возможность представлять событие дважды: («Один из основных технических приемов Кэрролла»), поскольку «все происходит посредством языка и внутри языка» [4, с. 22, 25, 30, 56].

«Становление» – понятие, которому отводится важное место также в философии Гюстава Гийома (Квебек, Канада), наследие которого представляет ценный вклад в историю развития философии языка / сознания. «Геометрический» взгляд (Гийом, как и Л. Витгенштейн, был математиком) на проблему языка и мышления способствовал появлению теории психосистематики, поставившей экспликативный потенциал традиционной грамматики в контекст внутренней мыслительной деятельности. Ошибку позитивистов Гийом видел в том, что они игнорировали «оперативное время», разделяющее момент рождения мысли и момент ее реализации в речи, что приводит к потере связи в единстве мысль/язык/речь. В процесс мыслительных операций включается «понимание» – видение «глазами разума» («les yeux mentaux»). Соссюровское «langage = langue + parole» уточнено до гийомовского «langage = psychisme + sémiologie» («psychisme» – «ментальная деятельность»); установлена необходимость применения двух подходов к познанию действительности: непосредственное наблюдение и мыслительные операции – абстракции. Психосистематика (на основе «маятникового принципа») связывает противоположные понятия – как «общее/частное», так и «много/мало» [17].

Три последних десятилетия XX столетия характеризуются развитием собственно лингвоаргументологических идей и исследований в романском ареале в манифестирующем ключе. Наряду с этим направлением мы выделяем априорное направление, которое в рамках традиционной грамматики (морфология и синтаксис) занималось изучением различных грамматических категорий, имеющих отношение к аргументативному анализу: союзы (сочинительные, подчинительные), наречия, степени сравнения, различного рода придаточные предложения (причинные, уступительные и др.).

Манифестирующее направление представлено двумя школами: Французская (O. Ducrot, J.-C. Anscombre, N. Danjou-Flaux, J. Dispaux и др.) и Швейцарская (J.-B. Grize, E. Roulet, J. Moeschler, A. Auchlin и др.). О. Дюкро и Ж.-К. Анскомбр различают «lois logiques / argumentatives» («логические / аргументативные правила»), вводят понятие «échelles argumentatives» («аргументативные шкалы») как критерия оценки аргументативной силы (ср.: с концепцией Гийома. – Н. Ф.); формулируют абсолютное правило выводимости, релевантное в повседневной аргументации: прагматический коннектор – координатор связи между аргументом и выводом, отношения между которыми считаются «предшествующими»; речь лишь реализует уже известное в прошлом отношение (ср.: с толкованием каузальности Делёзом. – Н. Ф.).

Французские аргументологи говорят о наличии иллокутивного акта аргументации: на глубинном уровне функция высказывания выражается не в некоем утверждении, а изначально является аргументативной, что свойственно большинству речевых актов [12]. Мы предпочитаем говорить об универсальности аргументативности как неотъемлемого свойства любого речевого действия вне перлокутивного эффекта. Данный тезис основан на широком понимании контекста, поддерживается понятием «вездесущность аргументации» («omniprésence de l'argumentation») [16], характеризуется как «панаргументативный подход» [2].

Коннекторный подход явлен в качестве исходного в аргументативной ориентации, что позволяет оценить статус аргументативной составляющей в предлагаемых изысканиях. Н. Данжу-Фло выделяет пять уровней описания коннектора: формальный, информативный (концептуальный/логический); дискурсивный (имплицитный/функциональный); прагматический (иллокутивный/аргументативный); экспрессивный. Исследование ведется в рамках *аргументативного, констативного, риторического* дискурсов; полагается, что тип аргументативного дискурса в основном взывает к интеллекту и пренебрегает индивидуальными импликациями говорящих [15]. Таким образом, продолжается традиция ТРА, заключающаяся в ограниченном подходе к пониманию семантики и прагматики аргументации: констативный и риторический дискурсы у автора оказываются вне аргументативного поля.

Женевская школа основала традицию исследования аргументации в области анализа дискурса. Конец 70-х гг. прошлого столетия был ознаменован переходом от описания изолированных речевых действий к изучению связных аутентичных бесед. Первый этап исследований, результаты которых были отражены в «Cahiers de linguistique française» («Тетради французской лингвистики») в первом томе (1980) [14], проводился в рамках изучения диалогических секвенций и привел к выявлению иерархической структуры дискурса. Эдди Рулэ – руководитель отделения французской лингвистики вводит понятие «дискурсивное движение» (mouvement discursif) для описания этапов структурирования речи, исходя из понятий интонации, пауз, пунктуации, отмеченных в реакции собеседника в диалоге. В модулярном подходе анализа дискурса выделяются логическое, аргументативное, полифоническое, интеракциональное, психологическое измерения. Исследование прагматики дискурса расширяет область изысканий женевской школы в направлении к поиску «конверсационного

счастья» («bonheur conversationnel») при анализе «conversations heureuse/ malheureuse» («удачные / неудачные беседы»). Анна Зенон в пятом томе «Тетрадей» выявляет основные критерии коннекторов, выражающих непротиворечивое следование: 1) наличие эксплицитных аргумента и вывода; 2) их коориентация; а также другие критерии: тип отношений (прямое/косвенное); семантическая определенность (способ реализации причинность); тип умозаключения; характеристики антецедента (текстовые/контекстуальные); фокализированный компонент (антецедент или консеквент); наличие/отсутствие имплицитности [14].

Женевская школа ввела понятие «прагматический коннектор», исходя из иерархической структуры дискурса. Основные типы прагматических коннекторов (маркеров) с их функциями: маркеры иллокутивной функции (метадискурсивные маркеры); маркеры интерактивной функции: аргументативные (при придаточном определяют отношение аргумента к директивной части); консеквентивные (при директивном акте определяют отношение к аргументу); контр-аргументативные (обозначают отношение контр-аргумента к директивной части); реэвалюативные (ретроактивное подчинение); маркеры структурирования беседы. В коллективной монографии школы ставилась цель определить характер реализации правил связывания («règles d'enchaînement») диалогических единств посредством четырех типов ограничений: иллокутивный, тематический, пропозиционального содержания, прагматический [18]. В рамках данной школы был Ж. Мёшлером и Н. де Шпенглер во втором томе «Тетрадей» был описан аргументативный тип ограничения («contraintes argumentatives») на примере маркера «quand-même» («всё же») в различных ситуациях дискурса – от уступки до опровержения [14]. Особо стоит отметить различное осмысление понятия «аргументативные стратегии» в двух направлениях Женевской школы: собственно анализ дискурса (под руководством Э. Рулэ) и социологическое направление [20].

В первом направлении стратегии (уступка, дополнение, определение, объяснение, оправдание) выявляются на основе анализа коннекторов. Во втором – на базе исследования текста. В целом стратегии (цитация, опровержение, симуляция, демаскирование, ирония, уступка и др.) характеризуются как стилистические (риторические) средства. Подобный результат свидетельствует о сложности определения характеристик аргументативных стратегий, их классификации, а также установления отношений понятий «стратегия» и «тактика», актуальные и в отечественной лингвистике. В нашем столетии лингвоаргументология во франкоязычной традиции развивается в рамках анализа дискурса, в особенности политического с учетом стратегии воздействия. Сила аргумента утверждается в единстве критериев, выбранных контекстуально: *тип рассуждения* (дедукция, аналогия, противопоставление, вычисление); *тип знания*, способный привлечь адресата; *модальность высказывания* (в качестве аргумента). Аргументативные стратегии (проблематизация, позиционирование, доказательство) актуализируют стратегию воздействия (в качестве дискурсивных стратегий – повествование, описание и др.) [13]. На наш взгляд, в настоящее время понятия «аргументативные стратегии» и «аргументативные тактики» требуют дополнительного изучения и интерпретации.

Многоаспектность аргументации, ее вездесущность определяет разносторонний анализ. Одна из проблем аргументативной теории поставлена и изучена Ж.-Б. Гризом (Нёшатель, Швейцария). Он исследовал семантику предиката *объяснять* как субстрата обоснования. Герменевтическая интерпретация, логическое обоснование, универсальная аргументация как процедуры анализа в логике повседневности выявляют полисемию лексемы *объяснять* (*expliquer*). Она может иметь следующие значения: *communiquer* (*сообщить*); *développer* (*развивать*); *enseigner* (*научить*); *interpréter* (*толковать*); *motiver* (*мотивировать*); *rendre compte* (*обусловливать*). Существует также семантико-прагматическая проблема (совпадение) между понятиями «объяснять» и «оправдывать(ся)» [16].

В данной статье охвачены далеко не все идеи романской школы, а лишь некоторые работы, иллюстрирующие основные положения по исследуемой проблеме. При этом можно утверждать, что франкоязычная традиция внесла значимый вклад, как в методологическое толкование истоков лингвоаргументологии (философия, логика, риторика), так и собственно лингвоаргументативный анализ на различных уровнях употребления языка. Методологическое значение, приобретает, на наш взгляд, панаргументативный подход, соотносимый с представлением о вездесущности аргументации.

Список литературы:

1. Арно А., Николь П. Логика, или искусство мыслить. М.: Наука, 1991.
2. Васильев Л. Г. Аргументация и ее понимание: Логико-лингвистический подход / Монография. Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, 2014.

3. Декарт Р. Правила для руководства ума // Избранные произведения. М.–Л.: Госполитиздат, 1950. С. 77–169.
4. Делёз Ж. Логика смысла / Пер. с фр. Фуко. М.: «Раритет», Екатеринбург: «Деловая книга», 1998.
5. Кондильяк де Э. Б. Трактат об ощущениях // Сочинения: В 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1982. С. 189–399.
6. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994.
7. Общая риторика: Пер. с фр. / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др. М.: Прогресс, 1986.
8. Пастернак Е. Л. «Риторика» Б. Лами в истории французской филологии. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 17–58.
9. Пешё М. Прописные истины // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. С. 225–290.
10. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995.
11. Ришар Ж.-Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. М.: Ин-т психологии РАН, 1998.
12. Anscombe J.-Cl., Ducrot O. Lois logiques et lois argumentatives // Le français moderne. 46 an., No 4. P., 1978. P. 347–357; 47 an. No 1, 1979. P. 35–52.
13. Charaudeau P. L'argumentation dans une problématique de l'influence // Argumentation et Analyse du Discours, № 1, 2008. URL: <http://www.patrick-charaudeau.com/L-argumentation-dans-une.html> (дата обращения: 10.05.2022).
14. CLF – Cahiers de linguistique française / Vol. 1. Genève, 1980; Vol. 2. Genève, 1981; Vol. 5. Genève, 1983.
15. Danjou-Flaux N. A propos de *de fait, en fait, en effet et effectivement* // Le français moderne, 1980. V. 48. № 2. P. 110–139.
16. Grize J.-B. Logique et langage. P.: Orphris, 1990.
17. Guillaume G. Langage et Science du langage. Observation et Explication. Paris-Québec: Librairie A.G. Nizet, 1964.
18. L'Articulation du discours en français contemporain / E. Roulet, A. Auchlin, J. Moeschler et al. – VII (Science pour la communication). Berne etc.: Peter Lang, 1985.
19. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. La nouvelle rhétorique. Traité de l'argumentation. P.: Presses Universitaires de France, 1958.
20. Windish U. Le prêt-à-penser. Les formes de la communication et de l'argumentation quotidiennes. Lausanne: Éditions L'Âge d'Homme, 1990.

Кубанский государственный университет, Краснодар

УДК 81'42+808

М. П. Филиппова
РЕАЛИЗАЦИЯ ЭТОСА
КАК ОДНОГО ИЗ КОМПОНЕНТОВ РИТОРИЧЕСКОГО ТРИЕДИНСТВА
В АГРЕССИВНО МАРКИРОВАННЫХ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ

В статье проведен анализ реализации этоса в широком и узком его понимании. Специфика жанра интернет-комментария обуславливает возникновение особых параметров риторической и аргументативной ситуации, а также проблемной предметной и проблемной коммуникативной ситуации. Ценностная природа практической аргументации определяет необходимость анализа ценностных ориентаций, к которым апеллирует ритор. В статье приведены результаты анализа основных ценностных ориентаций в зависимости от объектной направленности речевой агрессии. Образ ратора в жанре интернет-комментария формируется как из его коммуникативных компетенций, так и при помощи самопрезентации, которая имеет свою специфику в условиях интернет-коммуникации.

Ключевые слова: интернет-коммуникация; интернет-комментарий; аргументация; этос; ценностные ориентации; образ ратора.

M. P. Filippova
REALIZATION OF ETHOS
AS ONE OF THE COMPONENTS OF THE RHETORICAL TRINITY
IN AGGRESSIVELY MARKED INTERNET COMMENTS

The article analyzes the implementation of ethos in its broad and narrow sense. The specificity of the Internet commentary genre causes the special parameters of the rhetorical and argumentative situation, as well as the problematic subject situation and problematic communicative situation. Because of practical argumentation is value-based in its origin, it determines the necessity to analyze the value orientations the speaker appeals. The article presents the results of the analysis of the main value orientations depending on the verbal aggression object. The image of a rhetor in the Internet commentary genre is consists of both his communicative competencies and self-presentation, which has its own specifics in the Internet communication.

Key words: Internet communication; Internet commentary; argumentation; ethos; value orientations; image of a rhetor.

В рамках производства судебных лингвистических экспертиз лингвист сталкивается с проблемой выявления аргументативного компонента в интернет-комментариях. Данный компонент является криминалистически значимым, так как обуславливает доказывание наличия юридического компонента «возбуждение ненависти и вражды».

В связи с этим на данный момент производится исследование реализации риторических компонентов, а именно этоса, логоса и пафоса, в наиболее актуальном жанре интернет-коммуникации – интернет-комментарии.

Специальным условием отбора речевого материала стало наличие агрессивно маркированных комментариев, в которых объектом агрессии является: лицо (коммуникант, автор, герой статьи) или группа лиц, объединенных по признаку отношения к национальности, религии, профессиональной деятельности и др.

С точки зрения этоса в широком его понимании (древнеримская трактовка) проводился анализ параметров риторической, аргументативной и, как следствие, коммуникативно-деятельностной ситуации, обусловленной спецификой дискурса. Этосный анализ в связи с его узким пониманием (древнегреческая трактовка) требует определения характеристик адресанта (ритора) с точки зрения адресата (целевой аудитории): фактор адресанта, фактор адресата (учет адресантом характеристик актуального адресата, обусловленного интернет-общением), фактор статусного положение адресанта и адресата, фактор учета ценностных ориентаций адресата.

Анализ риторической и аргументативной ситуации

Понятие риторической ситуации подробно разработано Л. Битцером [12], согласно которому риторическая ситуация связана с наличием проблемы (существующей или возможной), которая в свою очередь определяет характеристики компонентов: участников, события, предметы и

отношения. Эта проблема может быть решена посредством действий коммуникантов, порождаемых дискурсом. При этом дискурс считается основным средством внесения особенностей в проблему и средством урегулирования риторической ситуации. Дискурс можно признать риторическим только если он обладает респонсивной (реактивной) способностью и позволяет реагировать на риторическую ситуацию.

В свою очередь проблема (проблемная ситуация) является стимулом для речевых действий. Проблемная ситуация актуализируется в любом типе текста. Н. Л. Мышкина разделяет (а) предметную проблемную ситуацию, которая рассматривается как неудовлетворенность какими-либо условиями, обстоятельствами, и (б) проблемную коммуникативную ситуацию. Проблемная предметная ситуация входит в прагматику, составляя тему коммуникации [9, с. 94]. Предметное содержание проблемы определяется ее постановкой: ситуация или факт может обсуждаться в различных аспектах. Постановка проблемы подразумевает возможность того, что выдвигаемый тезис может быть оспорен [3, с. 113]. Проблема трактуется Л. Битцером в риторическом аспекте, ориентированном на принципиальную возможность ее исправления посредством дискурса.

Помимо наличия проблемы риторическая ситуация зависит от целевой аудитории и контекстных условий реализации дискурса. Риторическая аудитория по Л. Битцеру обладает признаками активности – это люди, которые изменят свое поведение для решения проблемы либо будут способствовать изменению поведения других. Данный фактор актуализирует необходимость ориентации на ограничения, задаваемые взглядами, культурными традициями и мотивами целевой аудитории.

Так, риторическая ситуация обуславливается контекстными параметрами дискурса, наличием проблемы и ориентацией на особенности целевой аудитории, а также задает условия для возможностей реализации аргументативной ситуации. Таким образом, возникновение риторической ситуации возможно в любом типе коммуникации.

Аргументация – это дисциплина, изучающая способы обоснования утверждений в рамках рассуждения или обмена рассуждениями. Аргументация отделяется от риторики как учения о способах убеждения [2, с. 55]. Риторика в общем виде является наукой о правилах персуазивной (убедительной) коммуникации. С аргументологических позиций исследуется конвинсивный аспект (логос).

Аргументативная ситуация в данном исследовании будет пониматься как совокупность параметров, обуславливающих реализацию конвинсивного аспекта (логосной составляющей) в ситуации взаимодействия субъектов коммуникации, в которой происходит обмен мнениями с отстаиванием некоторой позиции.

Риторическая и аргументативная ситуации в свою очередь зависят от параметров коммуникативного пространства, в которое помещены участники коммуникации (адресант и адресат – целевая аудитория).

Виртуальное коммуникативное пространство (интернет-дискурс) образует сложную, высокопотенциальную коммуникативную среду, которая характеризуется *дистантностью*, *опосредованностью* (электронным каналом) коммуникации, *виртуальностью* (и как следствие – анонимностью), *высокой степенью проницаемости* (участником коммуникации может оказаться любой человек в любой момент времени), *нелинейностью* и *гипертекстуальностью*, *мультимедийностью* (креолизированностью), *интерактивностью* (нацеленность на обратную связь), *синхронностью/асинхронностью* общения.

Важно то, что интернет-пространство вносит определенные изменения в понятие текста как явления, что в конечном итоге определяет специфичность коммуникации.

В текстах интернет-дискурса усиливается диалогичность, так как тексты приращиваются комментариями, на которые автор, как правило, отвечает, развивается так называемая разговорная письменная речь (сокращения, простые предложения, экспрессивная лексика, непринужденность и т.д.), увеличивается количество экспрессивной и эмоционально окрашенной лексики, происходит огрубление речи, часто формируется облик врага в лице собеседника и размываются языковые нормы [1].

Текст перестает быть статичным, его можно редактировать, снова и снова возвращаясь к нему, появляется возможность коллективного создания текста, что меняет представление о его границах. Технические возможности Интернета позволяют создавать негомогенные (креолизованные) тексты и гипертексты с их нелинейной структурой, обусловленной использованием аппарата гиперссылок.

Жанр интернет-комментария обладает своими прагматическими особенностями.

Комментарий, являясь небольшим по объему речевым сообщением, всегда характеризуется вторичностью. Комментарий не может существовать сам по себе, он всегда является реакцией на

какое-либо сообщение. Так, обуславливают взаимосвязь комментариев с текстами корневых постов или предыдущих комментариев других пользователей в ветке комментариев под данными постами: между ними устанавливаются репрезентативные отношения, т. е. корневой пост (либо предыдущий комментарий) несет основную мысль, тему. Таким образом, устанавливается референтная соотнесенность комментария с репликами других участников коммуникативного взаимодействия. Также комментарий является репликой-стимулом для реплик-реакций других коммуникантов. Совокупность данных комментариев образует диалогическое взаимодействие коммуникантов.

Интернет-комментарий в своем содержании репрезентирует основные цели – выражение мнения и оценки актуального события. Подобные цели предполагают реализацию комментариев как с отсутствием аргументативных структур, так и с их наличием. Комментирующий вправе не доказывать свое мнение. Однако, в жанре интернет-комментария используются структурно-семантические и медийные инструменты, позволяющие оценить комментарий другими пользователями (поле «лайк») и ответить на данный комментарий (поле «ответить»).

Кроме этого, некоторые ученые определяют цель комментария как «самовыражение и отстаивание личностной позиции относительно различных действий автора блога, веб-сайта, владельца персональной страницы (профиля) в социальной сети» [10, с. 163].

Пользователи, присоединившиеся к общению в интернет-коммуникации, входят в определенное коммуникативное поле с установленными правилами речевого взаимодействия и начинают думать и говорить внутри дискурсивных правил, т. е. допускают и принимают возможность развития коммуникативной ситуации, где необходимо отстаивать свое мнение. Либо, предвосхищая эту ситуацию, публикуют аргументативно нагруженные комментарии.

С точки зрения прагматических параметров, описывающих участников общения, цели и сферы коммуникации, интернет-комментарий характеризуется следующим. Адресантом интернет-комментария является частно-публичная языковая личность. Адресат может быть как персональным (при этом адресант выделяет никнейм участника дискуссии), так и интерперсональным (множественным). Для жанра интернет-комментария характерно наличие наблюдателя (пассивного участника), который может выступать в роли адресанта (отреагировать на речевые стимулы и разместить свой комментарий), а может оставаться в нейтральном положении [10].

Базовыми структурно-медийными характеристиками интернет-комментария являются: гипертекстуальность (как возможность добавления ссылок, так и связывание коммуникативных блоков комментариев), мультимедийность (возможность составления креолизованных текстов), интерактивность (нацеленность на «обратную связь»).

Совокупность жанрово-дискурсивных параметров интернет-комментария обуславливает возникновение специфической риторической и аргументативной ситуации.

Проблемная предметно-коммуникативная ситуация

Для жанра интернет-комментария анализ проблемной ситуации целесообразно проводить в предметно-коммуникативном аспекте, включая анализ ориентации на позиции адресанта и адресата и условий, в которых, по замыслу адресанта, будет формироваться и функционировать текст.

Анализ проблемной ситуации соотносим с начальным этапом риторического канона – инвенцией, который признает главным «предмет» речи, что в свою очередь обеспечивает доброкачественность предметного содержания сообщения. Однако инвенция ориентируется также на позиции говорящего и слушающего в части систематизации знаний говорящего по поводу отобранного предмета речи, сопоставления данных знаний с наличными на данный момент времени знаниями слушающего и определения, какие из них и в каком количестве должны быть представлены в будущем сообщении. Также ориентация на слушающего в данном случае происходит с позиции культурных и ценностных установок слушающего.

В целом предметная проблемная ситуация связана с макротемой. Макротема актуализируется многими интернет-ресурсами посредством рубрикации разделов сайта либо названия тематических сообществ (например, «Политика», «Спорт», «Медицина» и т.д.). Интернет-комментарий в тематическом аспекте является политематичным. Актуальная тема может задаваться в содержании основного поста и получать свое развитие в ветке комментариев. Также новые темы могут задаваться самими комментирующими. Отсюда следует, что актуальная предметная проблемная ситуация зависит в интернет-комментарии от содержания речевого стимула.

Заявленный макротематический аспект формирует в сознании адресанта образ целевой аудитории и возможного (потенциального) адресата. Так, например, в тематическом сообществе

«Политика» потенциальными Слушающими становятся разные группы лиц, объединенных по признаку отношения к политическим течениям (чаще всего оппозиционных) – «демократы» / «либералы», «поддерживающие текущую власть» / «выступающие против правящего режима» и др.

Таким же образом формируется образ адресата в случае ориентации адресанта на тему поста, в котором, например, темой является межнациональная ситуация. В данном случае потенциальным адресатом становятся представители групп, объединенных по какому-либо признаку. Предстоящее коммуникативное взаимодействие характеризуется обязательным наличием противоречия между субъектами коммуникативного взаимодействия относительно предмета речи и планируется адресантом с учетом потенциальной «категории» адресата, а также его культурно-ценностных ориентаций.

Так возникает проблемная коммуникативная ситуация, связанная с выбором адресантом речевых средств и способов коммуникативного взаимодействия, служащих такой цели адресанта, как принятие выдвигаемых положений адресатом.

Таким образом, поскольку форма и содержание аргументации определяются проблемной ситуацией, в рамках которой она разворачивается, «анализ зависимости аргументации от типа обсуждаемой проблемы является одним из аспектов исследования аргументации» [5, с. 272].

Анализ проблемной ситуации в предметно-коммуникативном аспекте в жанре интернет-комментария связан с анализом не только возникающих противоречий, но и условий, в которых, по замыслу автора, будет формироваться и функционировать текст с соблюдением принципов уместности, своевременности и целесообразности – эффективности – высказывания. Данный этап характеризуется пересечением риторики и прагматики. Прагматический аспект предполагает изучение специфики субъекта и объекта речи (адресанта и адресата).

В случае речевой агрессии в рамках данного исследования противоречие коммуникантов связано с объектом/предметом речевой агрессии (личность, референт, группа лиц), который формирует основание оппозиции адресанта и адресата: 1) относительно качеств / деятельности некоторой личности (личность автора, референта сообщения – героя комментируемого материала), 2) относительно групповой принадлежности лиц (по признаку пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к власти, профессиональной принадлежности и др.).

Оппозиция относительно групповой принадлежности, как правило, сопряжена с выражением враждебности. Актуализация враждебной оппозиции связана с приемами, создающими противопоставление групп «мы – они». Контрастивность заключается в противопоставлении на уровне идентификации («свой – чужой») и на уровне реакции («друг – враг»). Оппозиция групп обусловлена экстралингвистическими факторами и зависит от социально-экономической и политической ситуаций в мире.

Эффективность субъектно-объектного негативизирующего речевого воздействия будет зависеть от выбора адресантом не только речевых средств, но и от выбора культурно-ценностного аспекта, релевантного для адресата. Уже давно коммуникативная деятельность адресата получила статус полноправного «другого», обладающего индивидуальным ценностным миром и способом мировосприятия. Коммуникативная деятельность адресата проявляется как в отражении характеристик целевой аудитории, так и текстовых характеристиках: адресант сообщает информацию в такой форме, которая будет доступна для адресата.

Однако, учитывая особенности дискурса (адресат – неопределенное множество лиц – пользователей сети Интернет, которые могут оказаться читателями данного комментария), потенциальным адресатом становится как группа лиц «свои», к которым относит себя адресант, так и группа «чужие». Возможности разнонаправленной адресации текста интернет-комментария обуславливает реализацию различных перлокутивных результатов:

1) негативизирующее воздействие в целях убеждения принять точку зрения адресанта (адресат множественный – группа с нейтральным отношением / публичный – все пользователи сети Интернет),

2) оскорбление / унижение объекта агрессии (адресат множественный – представители группы «чужие»).

Ценности

Практическая аргументация – ценностная по природе, поскольку апеллирует к социальным, культурным, этическим и моральным нормам [4].

В теории Д. Энингера и У. Брокрида для обоснования акционального (а также оценочного) тезиса строится мотивационное доказательство, апеллирующее к мотивам и ценностям, руководящим поведением адресата. Основание аргумента конкретизирует мотив принятия Тезиса. По мысли

авторов, эффективность мотивационной аргументации зависит от степени личностной значимости мотива, к которому апеллирует говорящий, для адресата [13, с. 162–166].

Так, выбор адресантом ценностной ориентации своего высказывания происходит с учетом характеристик адресата (целевой аудитории) и планируемого перлокутивного результата. Кроме этого, выбор тех или иных ценностных ориентаций также характеризует и культурно-ценностную систему самого адресанта, то есть те жизненные аспекты, которые важны для него и которые он демонстрирует целевой аудитории.

Именно ценностные ориентации управляют потребностями, т. е. иерархическим комплексом желаний (материальных и духовных), без которых человек не мыслит своей жизни. Полностью изменить ценностные ориентации невозможно, однако, возможно оказывать на них влияние или, в нашем случае, оказывать воздействие через апелляцию к ценностям на картину мира адресата.

Классификация ценностей происходит по разным основаниям, например, по сферам общественной жизни (выделяются материальные, духовные, нравственные, религиозные ценности и т.д.); предметному содержанию (экономические, политические, эстетические и т.д.); характеру ориентиров поведения человека (терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности – средства их достижения)); функциональному основанию (одобряемые, отрицаемые); по уровню социокультурной системы (традиционные, либеральные (современные), общечеловеческие); также выделяются базовые ценности (основа ценностного сознания человека), формирующиеся в процессе первичной социализации личности.

Выявление ориентации адресанта на культурно-ценностный аспект адресата проведем на комментариях, где объектом речевой агрессии является группа лиц, объединенных по каким-либо признакам. Чаще всего данные группы формируются на основании национальной, религиозной, профессиональной принадлежности, а также политических убеждений и взглядов.

Далее приводится анализ того, к чему апеллирует адресант при выражении речевой агрессии, направленной на группу лиц, объединенных по 1) признаку расы, национальности, языка, происхождения; 2) признаку религиозной принадлежности; 3) признаку отнесенности к власти.

1. По признаку расы, национальности, языка, происхождения:

1.1. *«Тупорылые удмурты, уже большинство укололось. Не отменять эти коды, потому что большинство уже укололось. И поэтому будут требовать. А большинство будет предъявлять. А раз имеют что предъявлять, то им нет резона возмущаться. Я не удивлена что в этом регионе всё так. Даже в Москве убрали эти коды. Так как все все имеют к себе уважение».*

1.2. *«Жиды и жидовки, плодящие жидов, вы нас долго имели. Теперь наша очередь! ОБРЕЗКИ И ШЛЯПНИКИ, ВЫ ОХ..ЛИ В КОРЕНЬ!!! ВАМ П..ДА!!!»*

«Так восстановим же свою культуру, славянскую!!!».

«Синагоги тоже жечь с обрезками по всей стране. Надо им – пусть у себя в Израиле строят. Кстати, Израиль бы без СССР не было бы. Так что обрезки, в ноги нам кланяться должны, что у них в 1949 году автономия появилась. Неблагодарные. Они же теперь нас и чмырят. Ох..ть!!!».

«Nik, где был еврей нормальному русичу путь обговняли. Это ж нелюди. Не просто так их Гитлер со Сталиным уничтожали. А чуть что, ты антисемит! ТАК ЕБ..Е ВЫ УРОДЫ, ВЕДИТЕ СЕБЯ ПО-ЛЮДСКИ, И НИКТО ВАС ТРОГАТЬ НЕ БУДЕТ.»

1.3. *«Дмитрий, а ты чурок защищаешь которые наркотой торгуют и детей носилуют?»*

«Дмитрий, эти мусора от черно...ых возможно спасли чью-то жизнь, они же наших людей убивают за просто так. А вообще парни молодцы. Гнать всю гниль с России. Надо всем объединяться.»

1.4. *«Роман, опизд...ние черно...ых калхозников отбитым на всю голову ермоловым? – дружок, ермолов и ко тупо развлекались вытиливанием черно...ных. к слову - даже сейчас 3 чеченская –вопрос времени для многих. а то, что чурбаны-банальные бандиты и ни к каким войнам не способны-вон 2 мировую вспомни как их еб...и во все щели».*

Таблица 1 – Виды ценностных апелляций при речевой агрессии, направленной на группу лиц, объединенных по признаку расы, национальности, языка, происхождения

Адресат	Группа «свои»	Группа «чужие»
Апелляция	к актуальной жизненной ситуации («Не отменять эти коды, потому что большинство уже уколосось»)	к собственному достоинству, самооценке, национальной гордости («Тупорылые удмурты», «Так как все имеют к себе уважение», в т.ч. номинации типа «чурки», «черно...лые»)
	к культурно-национальному аспекту («Так восстановим же свою культуру, славянскую!!!».)	к традиционным ценностям («ОБРЕЗКИ И ШЛЯПНИКИ»)
	к самооценке, чувству собственного достоинства («нас чмырят»)	к нормам поведения («ВЕДИТЕ СЕБЯ ПО-ЛЮДСКИ»)
	к историческим национальным моментам («Гитлер со Сталиным уничтожали»)	к собственному достоинству, национальной гордости (номинации – чурки, черножопые)
	к безопасности («ВЕДИТЕ СЕБЯ ПО-ЛЮДСКИ», «они же наших людей убивают за просто так», «наркотой торгуют и детей носилуют»)	

2. По признаку религиозной принадлежности:

2.1. «Этих попов пора утилизировать как в революцию., рассадник дармоедов и ворюшек...». «Сейчас тоже было бы здорово перестрелять мошенников в рясах!».

2.2. «Да взорвать уже их всех надо. В 21 векк живём...какая нах религия, люди вы о чем? Вы в каменном веке чтоли живёте. А попы пускай с@сут»

«Вообще в 21 веке позорно в бога верить. Как дети ...».

«В религии вообще смысла нет. Накуй она нужна в 21 веке. Тот кто верит, я считаю конченые долб...бы».

2.3. «Давно пора все церкви уже взорвать, а на их месте построить школы и дет.сады».

Таблица 2 – Ценностные апелляции при речевой агрессии, направленной на группу лиц, объединенных по признаку религиозной принадлежности

Адресат	Группа «свои»	Группа «чужие»
Апелляция	к историческим национальным моментам (как в революцию)	к деятельности, не соотносимой со занимаемым статусом – преступной деятельности («дармоедов и ворюшек»)
	к современному подходу («в 21 веке позорно в бога верить», «Накуй она нужна в 21 веке»)	обесценивание деятельности («взорвать уже их всех надо <...> какая нах религия», «пора все церкви уже взорвать»)
	к социальной защите, обеспечению («на их месте построить школы и дет.сады»)	

3. По признаку отнесенности к власти:

3.1. «Да нет пандемии, это все либеральные штучки. Нас всех убить голодом хотят. Всех либералов надо убивать на месте».

3.2. «Павел, кого? Мусоров-беспредельщиков защищать? ПОЛИЦИЯ – служит правящему классу, а не населению. Да странно, что такое еще не на каждом шагу! Население обворовано, опозорено, брошено на произвол судьбы, бесправно, обозлено! А сейчас еще и айс-вайс пропуска

навязывают с намордниками, после которых вообще все становятся паотенциальными разносчиками вируса. А в это время жировики вывозят в лес, деньги, золото, ресурсы за бугор, где присягают чуждому государству».

Таблица 3 – Ценностные апелляции при речевой агрессии, направленной на группу лиц, объединенных по признаку отнесенности к власти

Адресат	Группа «свои»	Группа «чужие»
Апелляция	к безопасности («Нас всех убить голодом хотят», «Население обворовано, опозорено, брошено на произвол судьбы, бесправно, обозлено!»)	обесценивание деятельности («это все либеральные штучки», «ПОЛИЦИЯ – служит правящему классу, а не населению»)

В результате проведенного анализа определены следующие основные группы ценностных ориентаций:

- к современным ценностям (к актуальным событиям),
- к культурно-национальным ценностям (традиции, религия, исторические события),
- к ценностям личности (самооценка, чувство собственного достоинства),
- к базовым жизненным ценностям (безопасность, социальное обеспечение),
- к морально-этическим ценностям (нормы поведения),
- к ценностям профессиональной деятельности.

Фактор риторика (адресанта)

Риторическое понятие «образ ратора», «образ оратора», «риторический портрет» близки термину «языковая личность». Понятие «языковая личность» вошло в научный оборот в конце 80-х годов XX столетия после выхода книги Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» (1987). При этом в трудах В. В. Виноградова мы находим следующие синонимические замены этого филологического понятия: «образ автора», «образ писателя», «образ авторского "я"», «образ авторского лица», «образ художественного "я"», «художественный лик автора», «образ говорящего или пишущего лица» и др.

Понятие «языковая личность» связано с изучением языковой картины мира, которая представляет собой результат взаимодействия системы ценностей человека с его жизненными целями, мотивами поведения, установками и проявляется в текстах, создаваемых данным человеком. Структура языковой личности складывается из трёх уровней: 1) вербально-грамматического (характеристика семантико-строенового уровня ее организации), 2) когнитивного (реконструкция языковой модели мира, или тезауруса данной личности), 3) прагматического (выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящих отражение в процессах порождения текстов и их содержании, а также в особенностях восприятия чужих текстов).

В процессе аргументирования говорящий реализует себя как языковая личность, демонстрируя свою экстралингвистическую, лингвистическую и коммуникативную компетенцию. Задействованными оказываются его знания, представления, его эпистемическое, эмоциональное состояние, а также его социальный статус и его социальные роли.

В условиях виртуальной реальности меняется среда функционирования языковой личности. Интернет-пространство обуславливает появление нового типа языковой личности – «виртуальной языковой личности» (по О. В. Лутовиновой) или «сетевой коммуникативной личности» (по В. И. Карасику).

«Виртуальная языковая личность представляет собой языковую личность, погружившуюся в мир виртуального взаимодействия и проявляющуюся посредством текстов, создаваемых и интерпретируемых ей в процессе виртуальной коммуникации» [8]. Поскольку реальное «я» человека в виртуальном мире неопределимо О. В. Лутовинова отмечает, что в понятие виртуальной языковой необходимо включать «квазиличность» – личность придуманную и управляемую реальной языковой личностью, и «языковую личность», действующую в виртуальном дискурсе от своего собственного лица.

Виртуальная языковая личность характеризуется О. В. Лутовиновой высокой степенью поглощенности виртуальной деятельностью, как более компетентная в техническом и менее грамотная в языковом отношении, с притуплением чувства страха за сохранность собственной жизни, полярностью поведения, экспериментирующей со своей идентичностью, сохраняя при этом свободу выбора и открытость новому опыту. Средствами самопрезентации виртуальной языковой личности становятся ник, аватар, ориджин, домашняя страница или блог. Речевое поведение, коммуникативная компетенция виртуальной языковой личности представляет собой владение знаниями, представлениями, умениями и навыками, необходимыми для поддержания общения и обмена информацией в рамках виртуального дискурса [8].

В. И. Карасик пишет, что сетевой коммуникативной личности свойственны: позитивная самопрезентация, сознательное «конструирование» своего имиджа как умного и понимающего человека, высокая степень эмоциональности и искренности, выражение индивидуальной, а не корпоративной позиции, преимущественное использование мультимодального кода и иконических знаков, клиповое мышление в современной культуре, передача информации в виде краткого концентрированного набора ярких запоминающихся образов [6].

Так, образ ратора (адресанта) в глазах адресата в условиях интернет-коммуникации складывается как на основе его коммуникативных действий (в том числе его языковых компетенций), так и на основе его самопрезентации, которая происходит в интернет-среде через оформление и наполнение своей личной страницы.

В связи с этим образ ратора в жанре интернет-комментария возможно описать, следуя нижеприведенной структуре, которая включает уровни описания языковой личности и уровни презентации виртуальной личности:

- 1) экстралингвистические параметры (биологический, психологический, социальный):
 - способы визуальной самопрезентации (аватар, никнейм, оформление личной страницы);
 - половозрастные характеристики;
 - социальное положение.
- 2) когнитивные параметры (картина мира, концептуальная система):
 - выбор темы и способ рассуждения;
 - ценностные ориентации;
 - уровень интеллектуального и культурного развития (в том числе морально-этическое),
- 3) параметры текстовой организации (в том числе использование разноуровневых языковых средств):
 - уровень языковых компетенций (выбор регистра общения (коммуникативная тональность), выбор языковых средств, а также использование норм письменной и устно-письменной речи),
 - особенности использования невербальных средств: графемных, параграфемных средств,
 - лингвокреативный потенциал (в т.ч. использование поликодовых текстов),
 - использование композиционных приемов организации текста.
- 3) мотивационно-прагматические (деятельностно-коммуникативные параметры: характер коммуникативного взаимодействия, цели, мотивы, а также особенности восприятия чужих текстов и реакции на них):
 - целенаправленность: определение мотива и цели,
 - этнонациональная детерминированность.

Образ ратора в интернет-комментарии

Коммуникативное взаимодействие адресанта и адресата в жанре интернет-комментария обусловливается, во-первых, параметрами коммуникативного пространства, а, во-вторых, параметрами жанра интернет-комментария.

В условиях дистантного общения визуальная самопрезентация языковой личности адресанта происходит посредством аватара (фотоизображения), никнейма (характер самой номинации, шрифт, размер, дополнительные графические элементы). Половозрастные характеристики и социальное положение отражается в наполнении профиля личной страницы, где содержатся поля с информацией о дате рождения, образовании, интересах, предпочтениях в музыке и др.

Интернет-пространство организовано таким образом, что пользователь сам выбирает тематическую площадку (сообщество, группу, информационный портал и др.) для общения в соответствии со своими эмоционально-интеллектуальными запросами и ценностными ориентациями. Таким образом, тематический аспект, с одной стороны, выбирает сам адресант, а с другой – может быть

навязан другими коммуникантами в процессе коммуникативного взаимодействия. Выбор тех или иных ценностных апелляций в структуре комментариев указывает на ценностную ориентацию и картину мира самого адресанта.

Выбор вербальных и невербальных средств при комментировании диктуется коммуникативными задачами преподнести собственное мнение как всеобщее и сделать его мнением собеседника. И. В. Топчий указывает, что особенно «проявляется подвижность комментария в интернет-коммуникации на всех уровнях текста: на уровне знакового оформления – вербальные, визуальные, аудиальные, иконические знаки; на уровне композиции; на уровне авторских интенций и стиля» [11]. Так, появляется возможность для реализации лингвокреативного потенциала: появляется возможность использования не только вербальных средств, но и средств других семиотических систем.

В результате коммуникативного взаимодействия складывается впечатление о речевой, предметной, общекультурной компетентности адресанта, его этических качествах, ценностных ориентациях, умственных способностях, основательности и достоверности сообщаемой им информации и приемлемости аргументов. Полемика, в которую он неизбежно вступает, вызывает ответные реакции других коммуникантов не только их вербализованными мнениями, но и оценкой самого факта дискуссии с этим лицом. В результате складывается образ адресанта.

Список литературы:

1. Бекетова А. А. Языковая репрезентация феномена цинизма в интернет-дискурсе: когнитивно-прагматический и лингвокультурный аспекты (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2018.
2. Васильев Л. Г. Аргументация и ее понимание: логико-лингвистический подход. Калуга: Калужский гос.ун-т, 2014.
3. Волков А. А. Теория риторической аргументации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009.
4. Демьянков В. З. Эффективность аргументации как речевого воздействия // Проблемы эффективности речевой коммуникации. М.: ИНИОН АН СССР, 1989. С. 13–40.
5. Ивин А. А. Основы теории аргументации. М.: Владос, 1997.
6. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 5–20.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 1-е изд. М.: Наука, 1987.
8. Лутовинова О. В. Языковая личность в виртуальном дискурсе: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2013.
9. Мышкина Н. Л. Динамико-системное исследование смысла текста. Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1991.
10. Сидорова И. Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2014.
11. Топчий И. В. Креативное комментирование в социальных медиа: обзор исследований [электронный ресурс]. URL: <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia1/article/view/4518.htm> (дата обращения: 07.07.2022).
12. Bitzer L. F. The Rhetorical Situation // Philosophy & Rhetoric, 1968. Vol. 1. No. 1. P. 1–14.
13. Ehninger D., Brockriede W. Decision by Debate. New York etc.: Harper and Row, 1978.

Экспертно-криминалистический центр МВД по Удмуртской Республике, Ижевск

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-31

Ю. В. Доманский
СОЕДИНЕНИЕ НЕСОЕДИНИМОГО
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МУЗЫКАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ
ПОЗДНЕСОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ
(«АРКАША» РОМАНА СЕНЧИНА)

В качестве объекта исследования взята повесть Романа Сенчина «Аркаша», в которой принята художественная интерпретация легендарного факта: по ряду свидетельств имевшей место быть в 1979-м году совместной записи Аркадия Северного и рок-группы «Россияне». В статье показывается, как в пределах субкультурной, неофициальной музыкальной культуры позднесоветского времени могли самым неожиданным образом соединиться явления, которые, казалось бы, соединиться не могли, – это рок и блатная песня; и как в итоге эти два направления могли перетекать друг в друга и даже друг друга обогащать, при этом сохраняя свою автономность.

Ключевые слова: русский рок; блатная песня; повесть «Аркаша» Романа Сенчина; Аркадий Северный; Георгий Ордановский; Майк Науменко; Виктор Цой; Андрей Панов.

Yu. V. Domanski
CONNECTING THE UNCONNECTABLE IN THE ARTISTIC INTERPRETATION
OF THE MUSICAL SUBCULTURE OF THE LATE SOVIET TIME
(ARKASHA BY ROMAN SENCHIN)

The object of our research is Roman Senchin's story *Arkasha*, which represents an artistic interpretation of the legendary fact – a joint recording of Arkady Severny and the rock group «Russians» that took place in 1979. The article shows how, within the subcultural, unofficial musical culture of the late Soviet period, seemingly unconnectable phenomena – rock music and thieves' song – unexpectedly found a way to connect; and how, as a result, these two musical genres could interflow and even enrich each other, while maintaining their autonomy.

Key words: Russian rock; thieves' song; the story *Arkasha* by Roman Senchin; Arkady Severny; Georgy Ordanovsky; Mike Naumenko; Viktor Tsoi; Andrey Panov.

Современные прозаики нередко в своих произведениях обращаются к такому явлению, как русский рок. Укажем, в частности, на такие романы, как «1993» Сергея Шаргунова [см. о роке в этом романе: 7], «Город Брежнев» Шамиля Идиатуллина [см. о роке в этом романе: 6], «Земля» Михаила Елизарова [см. о роке в этом романе: 5], «Пловец снов» Льва Наумова [см. о роке в этом романе: 4]. Не остался в стороне от обращения к русскому року в романном творчестве и Роман Сенчин – главный герой его романа «Лёд под ногами» в прошлом был рок-музыкантом, что во многом формирует его картину мира, а вместе с этим – и событийный ряд романа [см. о роке в этом романе: 19; 20]. Между тем в творчестве данного автора находим и другие произведения, где «участвует» русский рок; одно из них – повесть «Аркаша» (2018) из авторского цикла «Петербургские повести», куда вошли произведения, созданные в разное время, но объединённые общим местом действия, вынесенным в заглавие цикла – Петербургом-Ленинградом. И в повести «Аркаша», в отличие от романов, перечисленных выше, героями оказываются реально существовавшие рок-музыканты (и даже не только рок-); уже на этом основании есть смысл рассмотреть данную повесть в качестве отдельного объекта исследования.

Творчество Романа Сенчина не раз привлекало исследователей; в частности, литературоведы обращались к специфике изображения человека писателем [см.: 11; 12], к мотивной структуре его произведений [см.: 10; 13], к жанровым стратегиям в свете проблемы автобиографизма [см.: 2], к специфике «московского текста» Сенчина [см.: 14; 15], к стилистическим особенностям его творчества [см.: 3]. Делалось всё это на самом разном материале, благо сенчинское творчество весьма обширно и многообразно. Обращалась филология и к его циклу «Петербургские повести», закономерно сравнивая этот цикл с его гоголевским тёзкой [см.: 17; 18]. Так, Н. Д. Стрельникова, рассмотрев сходства и отличия двух одноимённых циклов – Гоголя и Сенчина, – пришла к выводу о том, что «Роману Сенчину в "Петербургских повестях" удалось запечатлеть дух времени 90-х, атмосферу

перемен и некоторую растерянность, пафос эпохи в реальных деталях, её приметы: пустые полки магазинов, молодые ребята, возвратившиеся из Афганистана без ног, заказные убийства как знак времени и многое другое» [18, с. 335]. Между тем заинтересовавшая нас повесть «Аркаша» со всей очевидностью из этого ряда выпадает, задавая совершенно иную грань «петербургского текста» в интерпретации Романа Сенчина. В основе сюжета этой повести (будем именовать её именно так, исходя из заглавия всего цикла) – легендарная история о том, как в Ленинграде в 1979-м году состоялась совместная запись рок-группы «Россияне» [о её лидере Георгии Ордановском см.: 9] и исполнителя блатных песен Аркадия Северного [см. о нём: 21]. В интернете предлагается несколько версий этой встречи [см.: 1], общее же в этих версиях то, что, по всей вероятности, такая совместная запись имела место быть, но история не сохранила ни её материальных свидетельств (катушка с плёнкой, например), ни каких-либо иных строго неопровержимых доказательств того, что она была в реальности. Что ж – легенда есть легенда, то есть для подтверждения её существования как легенды верить в её реальность совсем не обязательно. Впрочем, музыканты «Россиян» Олег Азаров и Андрей Васильев уже в нашем веке рассказывали, что Аркадий Северный, действительно, приходил в 1979-м году к ним на студию, чтобы сделать общую запись, – «Россияне» сыграли несколько своих вещей, Северный тоже что-то спел под гитару из своего репертуара, был и отработанный обмен репликами [см.: 1]; да и сам Северный на записи одного из своих концертов (июль 1979 года) говорит о том, что в Ленинграде однажды «немножко порепетировал с "Россиянами"» [подробнее см.: 1].

Что же делает с этим легендарным сюжетом Роман Сенчин в «Аркаше»? На основе легенды писатель создаёт свой нарратив; точнее, нарративизирует легенду, разворачивает исходное событие в повествование, показывая, как это часто бывает с нарративизированными легендами, *как бы всё было, если бы было на самом деле*, а для этого прибегает к очевидному относительно «правды факта» вымыслу, вводя в ситуацию совместной записи «Россиян» и Северного трёх рок-музыкантов, скажем так, следующего относительно Ордановского и его группы поколения: Михаила (в котором сразу же легко прочитывается Майк Науменко), а также Виктора, представившегося при знакомстве с Жорой (это, разумеется, лидер «Россиян» Георгий Ордановский) как Цой, и Андрея, представившегося Свиной. Все трое – лидер «Зоопарка» Майк Науменко, лидер «Кино» Виктор Цой, лидер «АУ» Андрей «Свин» Панов – по воле Сенчина оказались зрителями на легендарной записи. Из 1979 года до создания всех трёх групп ещё далеко, однако именно Майк, Цой и Свин, а не Северный и не Жора оказываются главными героями повести; можно даже сказать, что в итоге главный герой остаётся один – это Майк. Присутствие же трёх ленинградских рокеров на легендарной записи – вымысел (нет ни одного даже хоть сколько-нибудь косвенного свидетельства, что кто-то из троицы был там), но сами они – реально-исторические персонажи. И. М. Вознесенская справедливо заметила, что «основной чертой художественной манеры Р. Сенчина является достоверность художественного изображения, которая свойственна и сюжетно-событийной стороне произведений, и их образной составляющей, создаваемой точным речевым строем, органичным в своей естественности изображаемому миру обывательской жизни» [16, с. 278]. В «Аркаше» такая установка на достоверность усиливается тем, что практически все действующие лица взяты из физической реальности Ленинграда конца 70-х – начала 80-х гг. прошлого века. Однако не стоит забывать и про то, что перед нами всё-таки фикциональный сюжет, то есть не строго соответствующее историческим источникам изложение действительно бывших событий из реального мира, а создание на основе этих событий (совместная запись «Россиян» и Северного) своей собственной – художественной – их версии; можно сказать, что из существующей городской легенды формируется новая городская легенда – уже авторская.

Впрочем, далеко не вся повесть посвящена легендарной записи. Композиционно «Аркаша» выстроен так, что лишь первая половина текста нарративизирует историю совместной сессии «Россиян» и Северного. Сначала три друга (Майк, Цой, Свинья – последнему по ходу рассказа и, согласно историческому антропонимическому контексту, будет предложено: «Кстати, назовись Свином – Свинья, это женского рода...») [16, с. 45] встречаются в чебуречной на улице Майорова с Жорой и напрашиваются побывать на завтрашней записи. Примечательно, что сам Жора не знает того, с кем придётся записываться: «Аркаше какому-то будем подыгрывать. Блатарь, не наша зона вообще...» [16, с. 30]; тогда как Майк сразу понимает, о ком речь: «Аркадий Северный? <...> Слышал плёнки» [16, с. 30]. Запись происходит в жэковском красном уголке на проспекте Энергетиков, и весь эпизод, хотя повествование и не ведётся от первого лица, даётся с точки наблюдения не участников записи, а трёх приглашённых зрителей. Читатель, соответственно, их глазами смотрит на то, как «Россияне» разыгрываются, как устанавливают аппаратуру для записи, как потом в «студию» привозят Северного.

Далее «Россияне» исполняют несколько своих песен, фрагменты текстов которых даются в описании происходящего инкорпорируемыми в прозаический текст стихотворными цитатами. Любопытно, что уже в процессе выступления «Россиян» возникают важные для понимания всей повести элементы конфронтации внутри общих систем: во-первых, по-разному воспринимают музыку Жоры и его группы трое зрителей: «Михаил кивал и неслышно постукивал ногой. Андрей и Вита смотрели на музыкантов кривясь – им по вкусу был другой стиль» [16, с. 35]; во-вторых, сама исполняемая «Россиянами» музыка строится на своеобразной гармонии того, что, казалось бы, не должно сочетаться: «Скрипка вступила сразу, пианист рассыпал гаммы. Несоответствие жёстких электрогитар и скрипки с клавишами скребло, как наждачка, и в то же время завораживало» [16, с. 35]. Как видим, оба случая указывают на конфронтацию внутри рока: Панов и Цой на тот момент сторонники несколько иного стилистического направления в роке, в повести они представляются панками, «идею» же свою провозглашают двумя словами: «Свобода, анархия» [16, с. 41]; музыка «Россиян» сочетает инструменты, привычные для рока, и инструменты, в формате хард-рока кажущиеся чужеродными. Относительно второго момента процитируем данный чуть ранее в тексте повести фрагмент описания того, как «Россияне» разыгрывались, именно тут возникает очень изящное определение их музыки – «хард-рок шёпотом»: Жора «стал наигрывать на неподключенной гитаре риффы. К нему присоединился сначала бас, потом – тихо-тихо – ударные, скрипка, закапало клавишами третьей октавы пианино. Получился такой хард-рок шёпотом. Прекрасный и жутковатый саунд. Кажется, все ожидали, что Жора вот-вот запоёт, но он не запел. И от этого прекрасная жутковатость только усилилась» [16, с. 33]. Обратим внимание в связи с идеей согласованной конфронтации и на оксюморон «прекрасная жутковатость». То есть конфронтационная гармония видна и на сугубо языковом уровне в тексте повести.

Прежде же, чем настаёт очередь петь Северному, организаторы решают, что следует сделать какой-то словесный переход от рока к блатным песням. Об этом переходе рассказывают и некоторые реальные свидетели записи [см.: 1]; и воспроизведён он в повести Сенчина согласно историческим источникам: Северный, как бы внезапно появившись, спрашивает не «Земляне» ли тут репетируют, на что Жора отвечает: «...мы не "Земляне", мы одна восьмая часть – мы "Россияне"» [16, с. 37]. К тому же организаторы хотят, чтобы «Россияне» аккомпанировали Аркаше. Тут возникает довольно интересный момент, когда Северный наиграл одну из песен, Жора заметил: «Давайте блатное спрячем <...>. Пусть это будет такой усталый марш» [16, с. 37]; тогда Аркаша характерным «одесским» говором пояснил: «Будет капля блата и ведро лирики!» [16, с. 37]. То есть и тут эксплицируется то, что можно обозначить как конфронтационная гармония, оксюморонное по сути своей соединение в единство того, что является несоединимым. Хотя, разумеется, главный сюжетный оксюморон, главное соединение несоединимого заключается в самом исходном событии: кажущаяся невозможность в едином культурном пространстве объединить два направления русской музыки второй половины прошлого века: рок и блатную песню; показательны в этой связи уже процитированные выше слова сенчинского Жоры: «Блатарь, не наша зона вообще...» [16, с. 30]. Однако в повести происходит то, что происходит: «блатарю» Аркаше аккомпанирует рок-группа «Россияне».

Репертуар же Северного вполне репрезентативен для представляемого им «жанра» (заметим, что сам Аркадий Северный песен не писал, но прославился как оригинальный исполнитель актуального песенного фольклора и стилистически соответствующих ему авторских вещей; в повести Аркаша так говорит об исполняемых песнях: «Народ пишет, ребятки. Народ. А я пою...» [16, с. 41]). Точно так же, как ранее было с песнями «Россиян», песни, исполняемые Северным, стихотворными фрагментами входят в прозаический текст повести Сенчина. Сначала это песня о городе на Неве («Над моим городом луна сегодня светит...»), потом о Москве («Ночь тьмой окутала бульвары и парки Москвы...»), следом песня «Бомжихи», два же следующих номера – признанная классика «блатного жанра»: «А я милого узнаю по походке...» и «Четвёртый сутки пылают станицы...». Обе песни в финальной части повести «Аркаша» вновь будут задействованы; пока же первая из них преподносится Северным с прамбулой, отсылающей к возможному автору этой песни: «...хочу вспомнить своего парижского друга Алёшу Дмитриевича» [16, с. 39]. Со второй же песней случился казус – Аркаша не стал петь строки о комиссарах, заменив их другими; реакция одного из тех, кто осуществлял запись, была такова: «Так и не хочешь комиссаров вставлять. А такой ведь образ: "А в комнатах наших сидят комиссары, и девочек наших ведут в кабинет"» [16, с. 39]. Однако самое интересное и получившее в дальнейшем тексте отголосок, соотносимый с реально-историческим контекстом, – это реакция Андрея: «Ну, этот испугался, а я не испугаюсь. Такое что-нибудь: пуля пролетела, в грудь попала мне, но спасуся я на лихом коне... – Андрей замялся, вроде как подбирая

слова, – Но шашкою меня комиссар достал, кровью исходя на коня я пал... <...> Будем считать народ сочинил... Но я, – голос его стал строгим, – буду это петь» [16, с. 44]. Цюю же в повести Сенчина понравилась другая песня из репертуара Аркаши, представленная им так: «А теперь песня про пагубную зависимость под название "Анаша"» [16, с. 40], уже на улице Витя сказал: «А мне про анашу запало <...>. Анаша, анаша, до чего ты хороша... Включу в свой репертуэр» [16, с. 44]. И это тоже, как и реплика Андрея о комиссаре, получит продиктованный реальностью отголосок в финале повести. Все песни, что исполнял Аркаша в повести Сенчина, действительно, имели место быть в репертуаре Аркадия Северного, а некоторые из них состоялись потом в физической реальности русского рока, что воплотилось и в «Аркаше», в финальном сегменте повести.

Однако прежде в тексте Сенчина состоялся разговор Северного и трёх рокеров – Майка, Андрея и Цюя. Разговор, которого, разумеется, не было в исторической реальности, но который случился в реальности художественной, где полностью редуцировал привычную и заданную в начале текста конфронтацию рока и блатной песни, оказавшись разговором людей одного дела – музыкантов: старого музыканта Аркаши и трёх музыкантов молодых. Здесь нашлось место и традиционным наставлениям от старшего к младшим («Если серьёзно – хреново вам будет. Готовьтесь. Ни семьи путной, ни дома надёжного, да и петь будете по углам» [16, с. 43]), и выводам «молодёжи» из услышанных наставлений («Прав он – не слишком весёлая жизнь нас ждёт, если мы по этому пути пойдём <...> Музыки честной... А ведь мы пойдём?» [16, с. 45]). Эта реплика принадлежит Майку и именно он, как уже было сказано, становится центральным героем финального сегмента повести, действие которого происходит относительно дня записи Северного и «Россиян» «Через год с небольшим» [16, с. 45].

В финальном сегменте Михаил, как и реально-исторический Майк Науменко, работает техником-радиостом в театре кукол (в исторической реальности это Большой театр кукол (БТК) на улице Некрасова), дабы иметь возможность для записи своего альбома. Во время этой записи сенчинский Майк поёт свои песни; как и песни «Россиян» и Северного ранее, они в виде стихотворных цитат инкорпорируются в прозаический текст. А вот дальше случается композиционно ударный момент, где сливаются кульминация и развязка всей повести: из слов главного режиссёра театра Виктора Борисовича выясняется, что тут бывал Аркадий Северный: «Он, кстати сказать, записывал здесь свои песни... Жаль умер, а вполне ещё молодой человек...» [16, с. 48]. И тогда сенчинский Майк решает спеть услышанную им в прошлом году в исполнении Северного «Панаму» («А я милого узнаю по походке...»). Подыгрывающий Майку Борис (понятно, что это Борис Гребенщиков) отказывается участвовать в записи этой песни; в этой связи реакция Майка, переданная, правда, через речь повествователя, речь изображающую, разом и обнажает конфронтацию рока и блатной песни, и вместе с тем нарочито эту конфронтацию стремится разрушить: «Прав он, конечно, – эта песня из другой оперы, может сорвать настрой, разрушить атмосферу, и работа над альбомом застопорится. Но нужно было спеть. Сейчас. Именно в эту минуту» [16, с. 48]. И далее Майк представил «Панаму»: «Любимая песня, хит номер один!» [16, с. 49]. В реальной действительности Майк Науменко не раз исполнял эту песню, чему – в отличие от сессии Северного и «Россиян» – есть подтверждения на материальных – видео и аудио – носителях.

И другие рокеры города не Неве, если брать опять же реальную действительность, отнюдь не чурались песен, эстетически близких к репертуару Аркадия Северного. Сенчинскому же Майку всё это предстало в видении, пока он пел «Панаму»; позволим себе привести довольно большой фрагмент из повести «Аркаша»: «Пел, закрыв глаза, и видел Витю, с которым ходил тогда на запись, в каком-то подвале, перемазанного чёрным, но весёлого, с гитарой. И Витя горланил: "Анаша, анаша, до чего ж ты хороша!". Потом увидел Андрея-Свина. Тот, сидя на корточках на балконе старого ДК с колоннами и лепниной, кричал без музыкального сопровождения толпящимся внизу, странно и дико одетым: "Шашкою меня комиссар достал!". Увидел какого-то незнакомого, давно небритого парня, похожего на гопника, который стоял на огромной сцене, освещённой разноцветными огнями, и этот похожий на гопника печально, но громогласно благодаря мощнейшим колонкам жаловался: "Пьянькая печаль, пьянькая печаль"» [16, с. 49].

На этом видения Майка не закончились – увидел он и Алёшу Дмитриевича в Париже, и себя, «нестарого, но толстого и седого», поющего всё ту же «Панаму». Нам же важно, что все моменты из приведённой цитаты имеют зафиксированные и сохранившиеся «прототипы» в истории ленинградского, а затем и петербургского рока: Виктор Цой, представленный в видении сенчинского Майка в антураже знаменитой котельной «Камчатка», действительно, пел «классические» строки про анашу; Андрей «Свин» Панов на самом деле первым исполнил песню «Комиссар», слова из которой

возникли в видении Майка [об истории авторства и исполнения этой песни см.: 8]; наконец, небритым парнем, похожим на гопника, следует с полным на то правом признать Сергея Шнурова, в реальной действительности некогда певшего ту самую «Пьяненькую печаль», звучавшую и на записях Северного. То есть в видении Майка в повести «Аркаша» оказались собраны вместе и художественно представлены несколько фактов исполнения рокерами песен, так или иначе соотносимых с блатным репертуаром Аркадия Северного, что выглядит из нынешнего времени соединением несовместимого, однако имело место быть в реальности, а значит – состоялось как факты, указывающие на оксюморонную гармонию, отнюдь не чуждую классическому русскому року в его ленинградской локации.

Итак, в повести Сенчина нарративизированная легенда о записи Северного с «Россиянами» становится поводом к событию финального сегмента – к описанию исполнения песни «Панама» Михаилом, его видению, в котором перед нами вновь художественно преподнесённая историческая реальность; самое же, пожалуй, важное – то, что в финальном сегменте повести происходит самоидентификации Майка, безусловно и вне сомнения, рок-человека, но при этом и человека, отнюдь не закрытого от другой музыки, от той музыки, которая для многих находится в отношении конфронтации с роком – от блатной песни. По тому же пути идут и другие сенчинские рок-герои, по воле автора некогда услышавшие песни в исполнении Аркадия Северного; и не только, как мы видели, услышавшие живьём. Представленная в видении Майка система фактов даёт картину своего рода разгерметизации рока, утрату роком характерного для него в плане репутации направления снобизма, результатом чего становится открытие роком совершенно, казалось бы, иной относительно него культуры – культуры блатной песни. Это было в реальной действительности, это стало объектом художественной рефлексии Романа Сенчина. То есть сочетание реальной истории, городской легенды и авторского вымысла в художественном мире повести «Аркаша» позволяет обозначить тот момент, на который мы по мере сил пытались делать акцент и по ходу изложения событийного ряда, – это нелогичное на первый взгляд попадание двух разных направлений музыкальной субкультуры позднесоветского времени в одно событие. Рок и блатная песня неизбежно находятся в эстетической конфронтации, но при этом обе они, если брать то время, о котором идёт речь, находятся в конфронтации с культурой официальной, что, правда, не делает ни рок, ни блатную песню явлениями контркультурными; куда как логичнее, как представляется, относить их к субкультуре (что мы и делаем), стремящейся не к противостоянию с официозом, а к обособлению от него. Разумеется, в формате единой субкультуры рок и блатная песня существуют автономно друг от друга, однако в повести Сенчина показано, как эта автономность может быть разрушена; и показано с опорой на факты из реальной действительности.

И самое интересное тут даже не художественная интерпретация легенды о совместной записи одной из старейших русских рок-групп и признанного классика «блатного жанра», а обусловленные физической реальностью и эстетически осмысленные Сенчиным включения вещей, так или иначе соотносимых с репертуаром Северного, в репертуар ленинградских рок-музыкантов – Майка Науменко, Виктора Цоя, Андрея Панова, Сергея Шнурова. В результате кажущаяся культурная оксюморонность, то, чем зачастую видится совмещение явлений подобного рода – рока и блатной песни – из времени нынешнего, обернулась синтезом. И Роман Сенчин строит свой текст на преодолении этой культурной оксюморонности при её сохранении. Эту историческую нераздельность / неслиянность столь разных культур относительно реальной действительности хорошо объяснил музыкант «Россиян» Олег Азаров: «Северный и мы были очень разные. Но при этом нас объединяло то, что мы были "под колпаком у Мюллера". Мы в своём мире, Аркадий Северный – в своём» [1]. Кстати, именно Азаров оставил самые подробные воспоминания о той самой совместной записи, случившейся (наверное, всё-таки случившейся) в далёком 79-м году прошлого века [см.: 1].

И личные наши воспоминания меломана позволяют заключить, что в конце 70-х и в 80-е годы прошлого века для слушателя существовало единое пространство неофициальной музыки, где из одного магнитофона могли звучать, скажем, ДДТ и Вилли Токарев, «Аквариум» и Александр Новиков, «Облачный край» и Аркадий Северный, ведь все они представляли неофициальную культуру. Конфликт же на почве музыки случился бы скорее между сторонниками Кинчева и поклонниками Цоя, нежели между теми, кто любит Александра Розенбаума, и любителями группы «Телевизор».

Относительно же нашей истории только добавим, что Аркадия Северного не стало в 1980-м, лидер «Россиян» Георгий Ордановский без вести пропал в 1984-м. И в том же самом XX веке ушли из жизни и другие герои «Аркаши»: Виктор Цой в 1990-м, Майк Науменко в 1991-м, Андрей Панов в 1998-м. Но художественная интерпретация городской легенды уже в нашем веке представила их

живыми и молодыми. В этом, как нам думается, наряду с художественной экспликацией соединения несоединимого в музыкальной субкультуре, ещё одна заслуга автора «Аркаши». Впрочем, если брать цикл Сенчина «Петербургские повести» целиком, то отсылки к русскому року есть не только в рассмотренной повести. Так, в «Обратном пути» герой увлечён ленинградским роком, особенно группой «Кино» [см.: 16, с. 174–180], в той же повести ребята поют песню «Алисы» [см.: 16, с. 203], а в повести «Ждём до восьми» упоминается Аня, которая «Обожала, чтобы песни группы "Ноль" во время секса звучали» [16, с. 296]... Так что русский рок в «Петербургских повестях» ещё ждёт своего исследователя.

Список литературы:

1. Аркадий Северный. Session с рок-группой «Россияне». URL: <http://www.blat.dp.ua/rf/fuxconc/ross.htm> (дата обращения: 25.07.2022).
2. Ван Ц. Повесть Романа Сенчина «Минус» как образец автопсихологической прозы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 2. С. 252–257.
3. Вознесенская И. М. Индивидуально-стилевые черты прозы Р. Сенчина (опыт анализа текста) // Проблемы преподавания филологических дисциплин в новых образовательных условиях. Материалы докладов и сообщений XXVI международной научно-методической конференции памяти Надежды Тихоновны Свидинской. Санкт-Петербург, 2021. С. 277–280.
4. Доманский Ю. В. К вопросу о «слове рока» в современном русском романе: мир Бориса Гребенщикова в мире «Пловца снов» Льва Наумова // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 8. С. 96–111.
5. Доманский Ю. В. «Летовский текст» в «Земле» Михаила Елизарова: к вопросу о слове рока в современном романе и о современном романе в аспекте включения в него рок-культуры // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов / Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург; Тверь: [б. и.], 2021. Спецвыпуск. Рок+. С. 82–91.
6. Доманский Ю. В. Рок-музыка минувшего века в русском романе века нынешнего // Челябинский гуманитарий. 2020. № 2 (51). С. 21–36.
7. Доманский Ю. В. Русский рок в русском романе («1993» Сергея Шаргунова) // Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения). Материалы VII Международной научной конференции. Москва, 17–19 декабря 2020 г. / М.: МАКС Пресс, 2020. С. 164–167.
8. Конвисер А. «Комиссар», или История одной песни, ставшей впоследствии «народной» URL: <http://svinpanov.ru/articles/fromaugust/0031.html> (дата обращения: 25.07.2022).
9. Крусанов П. Георгий Ордановский. История чёрного цвета // Крусанов П., Подольский Н. Беспокойники города Питера. Санкт-Петербург: Амфора, 2006. С. 9–32.
10. Новикова Е. О. Мортальные мотивы в произведениях Р. Сенчина // Сибирский филологический форум. 2020. № 2 (10). С. 53–66.
11. Новикова Е. О. Образ литературного героя в раннем творчестве Романа Сенчина // Сибирский филологический форум. 2022. № 1 (18). С. 89–101.
12. Пономарева Т. А. Маргинальный герой в прозе Р. Сенчина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22. № 2. С. 274–281.
13. Ротай Е. М. Константы художественного мира в повестях Р. Сенчина // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2012. № 77. С. 1167–1178.
14. Селеменова М. В. «Московский текст» в творчестве Р. Сенчина // Пушкинские чтения-2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст. Материалы XX международной научной конференции / под общ. ред. В. Н. Скворцова; отв. ред. Т. В. Мальцева. М., 2015. С. 131–139.
15. Селеменова М. В. Социокультурная среда московского мегаполиса в творчестве Р. Сенчина // Система ценностей современного общества. Сборник материалов LI Международной научно-практической конференции. М., 2017. С. 30–35.
16. Сенчин Р. В. Петербургские повести. М.: Эксмо, 2020.

17. Стрельникова Н. Д. «Петербургские повести» Р. Сенчина в контексте литературной традиции // Русская литература в иностранной аудитории. Сборник научных статей по итогам XIII Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2022. С. 78–87.
18. Стрельникова Н. Д. Такие разные «Петербургские повести» (опыт сопоставления) // Terra Rusistica. Сборник материалов Первого международного форума молодых русистов. Сост. Е. В. Ковалых, С. В. Лукьянова, Н. С. Молчанова. Псков, 2021. С. 331–335.
19. Цукер А. М. Русский рок в зеркале литературы (о романе Р. Сенчина «Лёд под ногами») // Проблемы синтеза в современной музыкальной культуре. Сборник трудов международной научной конференции. Т. 1. Ростов-на-Дону, 2019. С. 72–84.
20. Цукер А. М. Русский рок скорее мёртв, чем жив? Эпикриз от Романа Сенчина // Рок-музыка в контексте современной культуры. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. 23 ноября 2018 года / Ред.-сост. Е. А. Савицкая. М.: Государственный институт искусствознания / ИП Галин А. В., 2020. С. 31–47.
21. Шелег М. Аркадий Северный. Две грани одной жизни. М.: ННН, 1997.

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

УДК 82.091

С. В. Жилияков

**МНЕМОНИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВНУТРИЛИТЕРАТУРНОГО ДИАЛОГА
– УСЛОВИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ**

В статье речь идет о том, что стихотворение «Воспоминания в Царском Селе» (1814) Пушкина, закладывающее традицию «царскосельского текста» не только в русской литературе (К. Фофанов, А. Ахматова, О. Мандельштам и другие), но и в европейской поэзии (А. Ашкерц), способствует созданию внутрилитературного диалога. Реализации данного диалога помогает понять мнемонический потенциал входящих в его состав жанров (элегия, экфразеа, стихотворное «воспоминание»), видение, их комбинация в структуре целого произведения и качественные воплощения – жанровый мотив, жанровая вставка). Внутрилитературный диалог благодаря мнемоническому потенциалу является неотъемлемым условием существования литературы в целом.

Ключевые слова: мнемонический; «царскосельский текст»; жанр; внутрилитературный диалог.

S. V. Zhilyakov

**THE MNEMONIC POTENTIAL OF THE INTRA-LITERARY DIALOGUE
IS A CONDITION FOR THE EXISTENCE OF LITERATURE**

The article says that the poem «Memories in Tsarskoye Selo» (1814) by Pushkin, which lays the tradition of the «Tsarskoye Selo text» not only in Russian literature (K. Fofanov, A. Akhmatova, O. Mandelstam and others), but also in European poetry (A. Ashkerts), contributes to the creation of an intra-literary dialogue. The implementation of this dialogue is helped by the mnemonic potential of the genres included in it (elegy, ecphrasis, poetic «memory»), vision, their combination in the structure of the whole work and qualitative embodiments – genre motif, genre insertion). Intra-literary dialogue, thanks to its mnemonic potential, is an essential condition for the existence of literature as a whole.

Key words: mnemonic; «Tsarskoye Selo text»; genre; intra-literary dialogue.

Стихотворение «Воспоминания в Царском Селе» (1814), за которым последовало действительное признание поэтического гения Пушкина, получило со временем широкий литературный резонанс. Кто из русских поэтов «послепушкинской» эпохи не обращался к теме «Царское Село»?! «Дума в Царском Селе» (1889) К. Фофанова, триптих «В Царском Селе» (1911), «Царскосельские строки» (1921) из цикла «Венок мертвым», «Царскосельская ода» (1961) А. Ахматовой, «Царское Село» (1912) О. Э. Мандельштама, «В Царском Селе» (1912) В. Комаровского, «О Царском Селе» (1970) А. М. Городницкого – и это далеко не полный перечень. Царское Село для Пушкина – сакральное место, где будущий поэт приобретает бесценный творческий опыт. Поэтому оно и впрямь становится локусом рождения его поэзии, знаком его гения. Элегико-идиллическая тональность «Воспоминаний в Царском Селе», «усадебный хронотоп» с сопутствующим ему состоянием «счастливой безмятежности и покоя в замкнутом пространстве обустроенной природы» [19, с. 320], конечно, сближают стихотворение Пушкина с так называемым «усадебным текстом». Однако стихи, описывающие ночное умиротворенное состояние Царского Села и окружающей его природы («Навис покров угрюмой ночи / На своде дремлющих небес; / В безмолвной тишине почил дол и роши, / В седом тумане дальний лес...» [12, с. 75]), представляют собой композиционно необходимое введение, на фоне которого разворачиваются личные воспоминания («Здесь каждый шаг в душе рождает / *Воспоминанья* прежних лет...»; «О, громкий век военных споров, / Свидетель славы россиян! / Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов, / Потомки грозные славян...» [12, с. 76]), вплетенные в славу исторических времен, придающие ход исторической элегии. Воспоминания эти и будут впоследствии объектом лирической рефлексии «поэтических потомков» Пушкина, расширяя мнемоническое пространство претекста и создавая своеобразный «царскосельский текст» [8], не только с позиции общей тематической интенции, но и со стороны воспроизводимости памяти о ней.

«Вторая часть» – продолжение «Воспоминаний в Царском Селе» – была сочинена Пушкиным полтора десятка лет спустя, в 1829 году. Вторичная рефлексия объективирует сам стихотворный прецедент, делая уже его предметом рефлексии посредством воспоминания о нем. Такая актуализация прежнего текста в композиционной структуре его дубликата в ракурсе положительного пафоса свидетельствует о новой жанровой генерации, нежели о ее дискредитации

в случае пародийной или иронической модальности. Поэтому идентичный заголовок стихотворения указывает не только на факт воспроизведения первоначального текста, тенденциозно вызванный подражанием, – в его классическом варианте подчиняющим волю авторского сознания сложившейся традиции [6, с. 41], сколько на «память о жанре» – «своеобразный эффект стилевого очуждения и мнемонического отчуждения жанровой традиции» [7, с. 151], в фокусе которой первоначальный текст обретает статус нового жанрового образования или является сигналом конца существования прежнего. Думается, что в отличие от «тематизации» жанра исторической элегии, настраивающей читателя на соответствующее настроение [2, с. 49], в «Воспоминаниях...» 1829 года стихотворное «воспоминание» обособливается, преобладает над мотивным содержанием исторической элегии, насколько об этом можно судить по произведению, как известно, оставшемуся недописанным и в исследовательских кругах считающемуся черновиком. Действительно, не историческая элегия, завладевшая воспоминанием, выходит на первый план, а психологический процесс самого воспоминания мотивирует ностальгию по лицейским годам лирического героя, проникнутых автобиографическими характеристиками. Лирический герой здесь мифологизирован, ему придается образ библейского блудного сына, довольствующегося возвращением в родные места: «*Воспоминаньями смущенный, / Исполнен сладкою тоской, / Сады прекрасные, под сумрак ваш священный / Вхожу с поникшею главой. / Так отрок библии, безумный расточитель, / До капли истощив раскаянья фиал, / Увидев наконец родимую обитель, / Главой поник и зарыдал*» [13, с. 154]. Притягательность Царского Села способствует сакрализации его садов, в которой ощущаются отзвуки библейского рая, приносящие лирическому герою силы надежды: «*Раскаяньем горя, предчувствуя беды, / Я думал о тебе, предел благословенный, / Воображал сии сады*» [13, с. 154]. Воображение жанровой вставкой видения переносит его в воспоминания о лучших годах юности: «*Воображаю день счастливый, / Когда средь вас возник лицей...*»; «*И въявь я вижу пред собою / Дней прошлых гордые следы...*» [13, с. 154]. Инициатива воспоминания – ведущая эмоция стихотворения, артикулируемая с первой фразы («*Воспоминаньями смущенный*»), конструирует сюжетную линию, втягивает в свою орбиту исторические события и объекты, с ними связанные, но что еще важнее – соединяет два произведения в одно целое стихотворное событие с помощью автореминисценций: «*Среди святых воспоминаний / Я с детских лет здесь возростал...*» [13, с. 155], а также автобиографических фактов, отраженных в них. Итак, на основании мнемонических приемов, межджанровых взаимодействий складывается внутрилитературный диалог в пределах творчества одного поэта. Однако он способен благодаря мнемоническому потенциалу, имманентно присущему литературе, перейти временные и персональные рамки, сохранив при этом актуальность.

Локация Царского Села – место обретения Пушкиным вдохновения, место рождение из него поэта, воздействует на его творческих потомков, которые продолжают расширять объем поля внутрилитературного диалога. Так, думой отозвался на царскосельскую тему К. М. Фофанов в 1889 году. Его «*Дума в Царском Селе*» представляет собой синтетическую рецепцию на заданную традицией тему. В нее встраиваются элегические («*Года прошли... Погибли все давно / Под легкою секирою Сатурна...*» [16, с. 266]) и экфрастические мотивы («*Прекрасны вы, задумчивые парки: / Мне мил ковер густых, хранимых трав...*» [16, с. 266]). Среди описательных пассажей встречаются аллюзии на пушкинское «*Воспоминание...*» 1814 года: «*Здесь каждый шаг в душе рождает / Воспоминанья прежних лет...*» [12, с. 76] легко принимает вид третьей строки пятой фофановской октавы: «*Там, что ни шаг, то будят в вас печаль / Угасших лет невинные затеи...*» [16, с. 267]. В одном из двух сновидений, представленных вставочными жанровыми конструкциями, явлен образ Пушкина-юноши в окружении узнаваемых биографических реалий: «*Мне чудится – во мгле аллея старинных, / На радостном рассвете юных дней / Один, весной, при кликах лебединых, / Мечтатель бродит...*» [16, с. 269]. Применение ресурсов онейронической поэзии объяснимо генетическими особенностями ее связи с посещением сакрально-культовых мест [5, с. 27] (в данном случае – это Царское Село, ставшее, как видно из предыдущего нарратива, «русским Парнасом»), воспоминание о которых побуждает к новым творческим поискам, согласуемым с общим устремлением авторской установки на думу о времени и вечности. Примечательно, что образ лирического «я» находится в позиции приглашающего к посещению садов Царского Села читателя: «*Войдемте же в него мы. Много в нем / И выходов и входов есть*» [16, с. 267]. Такая диалогическая субъектно-образная структура известна с античности. Ею пользовался, к примеру, древнеримский поэт Публий Папиний Стаций (I в. н.э.), написавший разножанровый сборник стихотворений «Сильвы», наибольшую популярность среди которых приобрели экфрастические эпиграммы, включающие в свой состав мемориальные мотивы стихотворного «памятника».

В целом же, конечно, «Дума...» Фофанова вписывается в так называемую традицию «поэзии садов», подробно описанную Д. С. Лихачевым [9]. Для нас же важным является сама мнемоническая стратегия использования образа архитектурно-культурного ансамбля Царского Села, к которому, как к месту коммуникативной встречи, обращаются разные поколения поэтов. И в этом аспекте «Дума...» Фофанова является если не образцовым, то точно репрезентативным пособием. В ней, кроме уже показанных аллюзий и реминисценций, наличествуют другие явные образы «пушкинского присутствия», сознательно используемые для убедительности преемственности между двумя поэтами. В шестнадцатой строфе визионерской части «Думы...» используется автобиографический пушкинский эпизод из начальной строфы восьмой главы «Евгения Онегина»: «В те дни, когда в садах Лицея / Я безмятежно расцветал, / Читал охотно Апулея, / А Цицерона не читал...» [14, с. 165], приобретающий следующий вид: «Рассеянно к скамье подходит он, / С улыбкою он книгу раскрывает, / Задумчивостью краткой омрачен, / Недолго он внимательно читает... / Из рук упал раскрытый Цицерон...» [16, с. 269]. Ранее в экфрастической части приводится описание статуи девы с разбитым кувшином, явно намекающей на «Царскосельскую статую» (1830) Пушкина, поскольку после этого эпизода в «Думе...» сразу разворачивается тема времени и вечности («О, время, время! Вечность родила...» <...> «Не каждым все земное свершено, / Не каждого оплакивалась урна» [16, с. 268]), заданная эпитафией великого поэта, в которой диалектическая проблема времени – вечности тонко распределяется во втором и четвертом стихах, объединяясь и противопоставляясь одновременно: «Дева печально сидит, праздный держа черепок...» (атрибутив времени); «Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит» [13, с. 182] (атрибутив вечности).

Цикл стихов «В Царском Селе» А. Ахматовой апеллирует к образам, биографически связанным с Пушкиным: «...А там мой мраморный двойник» [1, с. 12] – намек на памятник поэта, провоцирующий аллюзию на мотив «стихотворного памятника» («Я тоже *мраморную* стану...» [1, с. 12]); «*Смуглый отрок* бродил по аллеям...» [1, с. 12] – воспроизведение образа юного поэта в местах памяти о нем. В результате чего возникает семантический перифраз («смуглый отрок») в контексте реминисценции художественного образа. Характерно, что мнемонический потенциал пронизывает рефлексию лирического субъекта, являясь своего рода образом его действия, ориентации в пространстве Царского Села: «Я вижу все. Я *все запоминаю*...» [1, с. 13].

«Царскосельские строки» (1921) поэтессы наполнены *поминальной* модальностью – в них мнемоническая тема пересекается с темой смерти, памяти о смерти Н. С. Гумилева. Это становится понятным только в контексте целого, куда они входят, – цикла «Венок мертвым». Таким образом, «царскосельский текст» в лирике Ахматовой наполнен воспоминаниями о Пушкине, о связанных с поэтом местах его творческих размышлений. И эти воспоминания в том же автобиографическом контексте обращаются памятью о смерти близкого человека, Н. С. Гумилева, представляют собой внутрилитературный диалог с прошлым. Следовательно, выявляется следующая закономерность: сквозь призму взаимосвязи с Царским Селом пушкинского времени лирический субъект освещает собственное мировидение – «царскосельский текст» предстает катализатором и коммуникативным узлом для объяснения событий в личной жизни поэтов.

О. Мандельштам через год пишет свое «Царское Село», входящее в состав книги стихов – еще большего макрожанрового образования, чем ахматовский цикл стихов, и отождествляющееся в теории литературы с «особым жанровым образованием» [15, с. 2]. И в нем поэт уже обращается не только к образам, ассоциирующимся с Пушкиным, «Царское Село для которого еще и время лицейских пирушек, и время встречи почетных военно-государственных гостей («И грянут «здравия» раскаты / На крик «здорово, молодцы...»; «Свист паровоза... Едет князь...» [11, с. 81–82]), но и к лирической трилогии Ахматовой, выстраивая, таким образом, новый виток интертекстуальных отношений, но на прежних основаниях, произведенных в форме внутрилитературного диалога. Опорным «образом-связкой» становится образ лошади: «По аллее проводят лошадок. / Длинные волны расчесанных грив...» [1, с. 11], – подхватывается Мандельштамом: «Там улыбаются уланы, / Вскочив на крепкое седло...». Разница – в модальности воспоминаний (у Ахматовой – спокойно-задумчивые, у Мандельштама – торжественно-парадные).

Нельзя не отметить, что некоторые произведения «царскосельского текста» – «Царское Село» (1818) В. Кюхельбекера и «В Царском Селе» (1912) В. Комаровского – при сохранении общей тематической интенции к ностальгии о прошлом не используют медиумный образ Пушкина для претворения собственных идейно-художественных замыслов, в основном сводимых к медитации о

смысле жизни, времени – извечных проблем человеческого существования. В сущности, и в них Царское Село является триггером для непрекращающегося трансперсонального диалога.

Традиция внутрилитературного диалога на «царскосельскую» тему, посредством него – диалога с Пушкиным выходит за пределы русской литературы. К примеру, словенский поэт XIX века Антон Ашкерц пишет «Царскосельский памятник Пушкину» (начало XX века), идейно-художественное своеобразие которого заключено в попытке представления мира глазами Пушкина, толчком чего выступает памятник русскому поэту. Для этого лирическое «я» вживается в образ юного лицеиста, словно в видении переносится в «ночное» Царское Село и становится свидетелем творческого вдохновения гения: «И вышел ты... Поспешными шагами, / В лицейский завернувшись плащ, ты шел...»; «И сел на лавку низкую... О ночь, / О, эта ночь порывов вдохновенья...» [4, с. 789]. Нетрудно догадаться, что прецедентом для представления-воспоминания словенского поэта является лирический герой «Воспоминаний в Царском Селе» Пушкина, находящийся в центре «ночного» хронотопа и под воздействием элегического вдохновения. Лирический субъект видения, перенастраивающий свой взгляд «изнутри» образа Пушкина, задается вопросами сущности поэтического вдохновения: «Куда молодые сны тебя уведят? / Какая песнь неведомая зреет / В душевной глубине? Младая ль дева / Играет там симфонию любви...» [4, с. 790]. На основе уже устоявшихся и апробированных рефлексивных связей, спровоцированных мнемоническими интенциями (Пушкин – Пушкин; Пушкин – Ашкерц), стихотворение А. Ашкерца органично встраивается в перманентные диалогические взаимоотношения, расширяя национально-ментальный контент. Думается, это произошло не без влияния межкультурного диалога, механизм которого в плоскости «транслятор – приемник» с постоянным нарастанием количества информации и адаптацией ее в национальных условиях был предложен Ю.М. Лотманом в статье «О семиосфере» [10]. Подтверждением этого становится использование этнонимов, образов русской действительности в результате прямого перенесения исходного смыслового контента словенским поэтом: «Сквозь тьму ветвей пробился солнца луч / И, точно гений, с высоты слетевший, / Чело твоё приветливо целует. / Его ты чуешь ласковый привет, / ты чувствуешь: над Русью утро встало» [4, с. 790].

Помимо реминисцентной установки реализуется словенским поэтом и экфрастическая, выраженная номинацией и играющая роль мотивировки «воспоминания» в жанровой форме видения. Видение и воспоминание – две основные формы осуществления эстетико-онтологической взаимосвязи с Царским Селом, а значит и с Пушкиным, делают узнаваемой для реципиента обращение к известной теме.

Можно сказать, что через сближение с местом поэтической инспирации Пушкина Фофанов, Ахматова, Мандельштам и Ашкерц ощущают творческое родство с поэтом, закладывая субъективные условия мнемонического основания поэзии. В этом смысле характерно воспоминание М. Цветаевой, для которой значимым с детства маркером и ориентиром является московский памятник поэту: «Памятник Пушкина был и моя первая пространственная мера: от Никитских Ворот до памятника Пушкина – верста, та самая вечная пушкинская верста, верста «Бесов», верста «Зимней дороги», верста всей пушкинской жизни и наших детских хрестоматий, полосатая и торчащая, непонятная и принятая» [18]. В то же время во всех представленных стихотворениях «царскосельского» текста очевидны и объективные условия существования литературы, которые опираются на мнемоническое воспроизведение классической традиции, ставшее как «общим местом» поэтики конца XIX века, так и идейно-образным наполнением «генетической памяти» (С. Г. Бочаров) литературы [3], являющейся неотъемлемым условием ее существования.

Наличие многочисленных обращений к «царскосельской» теме указывает на хронологически долгую тенденцию сложившейся традиции внутрилитературного диалога. В нем, в диалоге, отражена не только дань уважения и почтения к великому русскому поэту, в нем ощущается стремление к литературному единению, несмотря на различные методологические и художественно-стилистические, а также национальные разногласия. В поэзии все равны. Попытка пережить ощущения творческого восторга Пушкина, находясь в Царском Селе, уловить это неуловимое («невыразимое», по В. А. Жуковскому; «легкий, доселе не слышанный звон», по А. А. Блоку) мгновение и таким образом влиться в универсальную поэтическую родословную, генеалогическую память – лучшее доказательство поэтической консолидации, образованной на основе метода интерсубъективизма. Через образ Царского Села и связанного с ним Пушкина актуализируется архаическая эпистемологическая традиция узнавания, связанная непосредственно и в первую очередь с воспоминанием [17, с. 251] – его психологическим коррелятом. Однако в отличие от

ритуально-фольклорной практики опознания как прихода в себя, как возвращения к жизни, как необходимый инициационный компонент, в исследуемых лирических произведениях за узнаванием скрывается семантика признания литературных заслуг автора в контексте гения Пушкина, алгоритм которой действует наподобие магической партиципации (сопричастности) к нему. Путем сопричастности к Царскому Селу, обладающему мифической аурой, поэт становится самим собой – поэтом.

Таким образом, можно сказать, что Царское Село в «послепушкинской» поэзии становится локусом сосредоточения творческих импульсов, своеобразным знаковым местом паломничества, а «царскосельский текст» – коммуникативной площадкой, платформой для организации внутрилитературного диалога, обладающего невероятно объемным мнемоническим потенциалом, выступающим важным условием существования литературы. Мнемонический потенциал внутрилитературного диалога сущностно обусловлен «памятью жанра» (применение типологичных номинаций: «В Царском Селе», «О Царском селе», «Воспоминания в Царском Селе» и «ночного» элегико-идиллического хронотопа), «памятью о жанре» (использования прецедентного текста в качестве объекта переложения, воспоминания). Формально он осуществляется в таких жанрах, как стихотворное «воспоминание», элегия, экфраза, видение, с помощью жанровых мотивов стихотворного «памятника», комбинацией представленных жанров – всех тех единиц литературы, самостоятельно обладающих мнемоническими возможностями.

Список литературы:

1. Ахматова А. Бег времени: Избранные произведения. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021.
2. Балашова Е. А. «Тематизация» жанра идиллии // Вестник Калужского университета. 2013. № 1–2. С. 45–50.
3. Бочаров С. Г. Генетическая память литературы. М.: РГГУ, 2012.
4. Европейская поэзия XIX века // Библиотека всемирной литературы. Серия вторая. Т. 85. М.: Художественная литература, 1977.
5. Иванюк Б. П. Визионерская поэзия: словарное описание // *Philologos*. 2013. Вып. 4 (19). С. 27–31.
6. Иванюк Б. П. Подражание стихотворное: словарный формат // *Philologos*. 2021. Вып. 1 (48). С. 33–41.
7. Иванюк Б. П. О двух фигурах постмодернистской рефлексии поэтической традиции стихотворных «Памятников» // Производство смысла: Сб. статей и материалов памяти Игоря Владимировича Фоменко. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. С. 149–161.
8. Козубовская Г. П. «Царскосельский текст» русской культуры: А. А. Ахматова и А. С. Пушкин // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. 2009. № 9. С. 119–128.
9. Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М.: «Согласие», ОАО «Типография "Новости"» 1998.
10. Лотман Ю. М. О семиосфере // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры: В 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. С. 11–25.
11. Мандельштам О. Э. Сочинения. Т. 1. Стихотворения / Сост. и подг. текста П. Нерлера. М.: Художественная литература, 1990.
12. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Том I. Стихотворения 1813 – 1820. М. – Л.: АН СССР, 1950.
13. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Том III. Стихотворения 1827 – 1836. М. – Л.: АН СССР, 1950.
14. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Том V. Евгений Онегин. Драматические произведения. М. – Л.: АН СССР, 1950.
15. Фоменко И. В. Поэтика лирического цикла: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990.
16. Фофанов К. М. Стихотворения и поэмы. М. – Л.: Советский писатель, 1962.
17. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997.
18. Цветаева М. Мой Пушкин. URL: <http://www.equivalences.org/archives/ru/cvetaeva/mc-mp.pdf> (дата обращения: 18.07.2022).
19. Шукин В. Г. Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе // Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. С. 157–458.

Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета, Старый Оскол

УДК 398.2 + 929

А. Е. Лобков
ЛЕГЕНДЫ О КРЫМЕ В ИЗЛОЖЕНИИ Н. Л. ЭРНСТА
В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНОГО
И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК

В статье рассматриваются античные и татарские легенды о Крыме, увидевшие свет в 1935–1936 гг. в изложении и литературной обработке историка и археолога Николая Львовича Эрнста. Своим появлением они обязаны работе Эрнста по систематизации исторических источников о Крыме для энциклопедии «Полное описание Крыма», а также его участию в исследовательской деятельности Алушкинского дворца-музея по изучению исторических и археологических памятников Южного берега Крыма и народного творчества татар. Необходимость нового изложения легенд была продиктована духом времени, требовавшего дать классово верную оценку наследию прошлого.

Ключевые слова: античные легенды о Крыме; крымско-татарские легенды; Н. Л. Эрнст; Б.С. Ольховый; Алушкинский дворец-музей.

A. E. Lobkov
LEGENDS ABOUT THE CRIMEA IN THE RETELLING OF N.L. ERNST
IN THE CONTEXT OF SCIENTIFIC ACTIVITY OF THE SCHOLAR
AND IDEOLOGICAL TASKS

The article deals with ancient and Tatar legends about the Crimea retold and literally adapted by historian and archaeologist Nikolay Ernst in 1935–1936. Their appearance is due to the work of Ernst on the systematization of historical sources about the Crimea for the encyclopedia «Full description of the Crimea», as well as his participation in the researches of the Alupka Palace-Museum concerning historic and archaeological sites on the South coast of Crimea and Tatar folklore. The need for a new retelling of legends was dictated by the spirit of the time, which required a class correct assessment of the heritage of the past.

Key words: Ancient Legends about the Crimea; Crimean Tatar Legends; N. L. Ernst; B. S. Olhovy; Alupka Palace-Museum

Николай Львович Эрнст (Ernst, 1889–1956) – российский немец, выпускник философского факультета Берлинского университета имени Фридриха-Вильгельма (ныне Университет им. братьев Гумбольдт), профессор Таврического университета (ныне Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского), историк, археолог, обладатель энциклопедических знаний и человек со сломанной судьбой. Переехав в конце 1918 г. в Симферополь уже сложившимся ученым, Эрнст сразу увлекся археологическими раскопками стоянок каменного века и средневековых памятников Крыма. Он оставил преподавательскую работу в Таврическом университете, связав свою дальнейшую научную карьеру с новосозданным Центральным музеем Тавриды.

Среди наследия ученого сохранилось четыре античных легенды о Крыме и четыре легенды крымских татар в собственном изложении и литературной обработке. Их появление тесно связано как с научными интересами Эрнста, так и с историческим контекстом.

В конце 20-х – начале 30-х гг. молодое советское государство инициировало создание краевых энциклопедий, призванных дать «правильное», большевистское, понимание истории и ленинско-сталинской национальной политики. В 1934 г. в Крым был прислан Б. С. Ольховый (1898–1938), возглавивший отдел культуры и пропаганды ленинизма Крымского обкома ВКП(б). Он был опытным агитработником, автором неоднократно переиздававшегося (причем на разных языках народов СССР) пособия для деревенских партшкол «Азбука Ленинизма» (1-ое изд. 1929), литературным критиком широкого кругозора (его литературно-критические статьи составили сборник «На злобу дня», 1930) и умелым организатором идеологически верных изданий (в 1929–1930 гг. он был главредом журнала «Молодая гвардия», членом редколлегии «Комсомольской правды» и ответственным редактором «Литературной газеты»).

По решению Крымского обкома (Б. А. Семенов, А. А. Самединов) и под непосредственным контролем Ольхового в конце 1934 г. началась подготовка двух фундаментальных изданий – «Советской энциклопедии Крыма» и «Истории народов Крыма», объединенных в конце 1935 г. в

многотомное «Полное описание Крыма». Одним из активных сотрудников этого издания был Эрнст, утвержденный в качестве автора сразу по двум отделам – «История» (где Эрнст возглавил подраздел «Античное общество и раннее Средневековье в Крыму») и «Народы Крыма и национально-культурное строительство».

Для отдела «История» Эрнст подготовил статью «Источники изучения истории Крыма» [19]. Редакция исторического отдела также планировала издание в русском переводе старинных и редких сочинений о Крыме европейских путешественников XVI–XVIII вв. и крымско-татарских исторических источников. Под редакцией Ольхового Эрнст готовил к изданию труды И. Э. Тунманна (книга опубликована в 1936 г. [16]), Ш. де Пейссоннеля и Н. Э. Клеемана.

Античные легенды в изложении Эрнста естественным образом «отпочковались» из его занятий историческими источниками Крыма, неизбежно опирающихся на сведения античных авторов о Тавриде полулегендарного, полумифологического характера. Часть подготовленных Эрнстом легенд («Ифигения», «Восстание рабов», «Одиссей у лестригонов» и «Ио») была опубликована в журнале «Литература и искусство Крыма» (органе правления Союза советских писателей Крымской АССР) в 1935–1936 гг., выходявшего под редакцией Ольхового. Известно, что к печати были подготовлены легенды «Аргонавты», «Амага и Тиргатао», «Завещание скифского царя Скилура» и «Легенда о Гикий», но после ареста в начале 1937 г. главного редактора журнала Ольхового все материалы были изъяты сотрудниками НКВД, их современное местонахождение неизвестно [17]. Сам Эрнст был арестован в начале 1938 г. В протоколах допросов, среди прочего, ему будет вменяться в вину и тесное сотрудничество с Ольховым, вместе с которым он якобы пропагандировал «германофильские и фашистские идеи» [15, с. 380]. Местонахождение бумаг ученого также неизвестно.

Античные исторические легенды и мифы являются единственным повествовательным источником, содержащим сведения географического и этнографического характера о древней Тавриде и народах, ее населяющих. После каждого пересказа Эрнст приводит указание на источники: «Ифигения» (по Гомеру, Геродоту, Стесихору, Эсхилу, Софоклу, Эврипиду, Овидию и Гёте) [1], «Восстание рабов» (по Гомеру, Геродоту, Полиэну и Евстафию Фессалоникскому) [2], «Одиссей у лестригонов» (по Гомеру), «Ио» (по Гомеру, Геродоту, Аполлодору, Овидию и др.) [3].

Источниками для изложения несохранившихся легенд для Эрнста, вероятно, послужили «Аргонавты» (Аполлоний Родосский), «Амага и Тиргатао» (Полиэн), «Завещание скифского царя Скилура» (Плутарх, Страбон) и «Легенда о Гикий» (Константин Багрянородный). О Скилуре и его преемнике Палаке Эрнст рассказал в июне 1937 г. в радиолекции «Римское господство в Крыму» [15, с. 431–432]. Отметим также, что Эрнсту могла быть доступна рукопись доклада А. И. Маркевича «Женские образы и тени в истории Тавриды», читанного на одном из заседаний Таврического общества истории, археологии и этнографии в сентябре 1925 г. и содержащего, среди прочего, изложение античных легенд о богине Деве, Гекате, Ифигении, амазонках, Амаге, Тиргатао, Динамии и Гикий [18].

Задачи, преследуемые Эрнстом при изложении легенд, можно сформулировать следующим образом: показать, что Крым является неотъемлемой частью средиземноморской культуры, и раскрыть благотворную роль воздействий на него античной культуры; рассказать о героях (как мужского, так и женского пола), которые могли бы служить для современников образцами гражданской доблести (любовь к родине, верность, смелость, готовность к самопожертвованию и др.); использовать древние сказания в целях агитации и пропаганды новой советской идеологии, что хорошо видно на примере легенды «Восстание рабов».

Скифы, возвращавшиеся из длительного похода, на границе родной земли неожиданно наткнулись на глубокий ров и вал, за которым укрывался неведомый им враг. Повествуя о выкопанном рабами рве, Эрнст делает следующее примечание: «Рабы копали от Черного моря к Азовскому и происходило это следовательно или на Перекопе, или, вернее, на Акманайском перешейке близ Феодосии, где в 1919 г. были продолжительные позиционные бои между Красной армией и белой контрреволюцией, которой помогал с моря английский флот» [2, с. 137].

Безрезультатными были попытки скифов отвоевывать свои земли и имущество. Долго не могли они справиться с неизвестным им врагом, пока не узнали, что им противостоят их рабы. Тогда «скифы-господа» взяли в руки нагайки и пошли на своих рабов, которые были вынуждены покориться. Таков исход восстания, замечает Эрнст, известен нам из греческих источников, но ведь и эллины были рабовладельцами, плетью управлявшими своими рабами. «Хвастливая концовка» скрывает «кровавую правду» жестокой расправы. Но восстание рабов было не напрасным, заключает Эрнст: «Обильная кровь скифских рабов, осмелившихся поднять восстание против жестокого ярма

рабства, победно захвативших власть, героически защищавших свою свободу против свирепых господ и павших в непосильной безвестной борьбе, обильная горячая кровь рабов, пропитавшая таврическую землю, рабский ров и вал, долго тщетно взывала о мщении. Мщение за нее свершилось на этом самом месте через две с половиной тысячи лет» [2, с. 138].

Конечно, легенда о восстании рабов была благодатным материалом для раскрытия «звериного лица хищника рабовладельца». Материал других опубликованных легенд – об Ифигении, лестригонах и Ио – такой возможности не давал. Зато легенда об Ифигении позволила Эрнсту развернуть одну из его любимых идей о благотворном влиянии культур стран Средиземноморья на культуры крымских народов. Среди источников для изложения легенды об Ифигении значится и трагедия Гёте «Ифигения в Тавриде», строчки из нее вынесены в эпиграф: *«Und an dem Ufer steh ich lange Tage, / Das Land der Griechen mit der Seele suchend» / «И на берегу по целым дням стою, / Летя душой ко Греческой земле»* (Пер. А. Х. Востокова).

Античная легенда об Ифигении в изложении Эрнста не могла иметь концовки гётевской трагедии, но уже упоминание одного из самых знаменитых творений немецкого гения пробуждало в памяти его идею «чистой человечности», веры в нравственное благородство человека, идеальным носителем которого предстает кроткая Ифигения, восклицаящая *«Alle menschlichen Gebrechen sühnet reine Menschlichkeit»* («Все человеческие преступления искупает чистая человечность»).

В рецензии на ленинградскую постановку балета «Бахчисарайский фонтан» (музыка Б. В. Асафьева, либретто Н. Д. Волкова, хореография Р. В. Захарова, режиссер С. Э. Радлов, художник В. М. Ходасевич) Эрнст отмечает важность передачи крымского колорита, несущего смысловое значение в пушкинской поэме: *«Крым был исключительно подходящей почвой для развертывания мотива о перерождении "дикаря" через любовь к существу более высокой культуры. Именно Крым, как давнишняя историческая почва, средоточие перекрещивающихся культурных влияний, арена воздействия более передовых культур на местные, сравнительно отсталые элементы. Не случайно тот же точно, как у Пушкина, мотив перерождения развертывает на той же крымской, таврической почве не кто иной, как Гёте в своей "Ифигении в Тавриде", где дикий царь тавров перерождается чувством к пленной утонченной элинке»* [20, с. 92].

В основе поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан» лежит крымское предание о любви хана к пленнице-христианке. В своей рецензии Эрнст сожалеет, что постановщики балета отказались воссоздать «национальный местный колорит». Он высоко отзывается о художественно-бытовой культуре крымских татар, ссылаясь на своеобразную музыку и танцы татар Крыма.

Диссертация Эрнста (написанная на немецком языке) была посвящена истории «Отношений Москвы к татарам Крыма при Иване III и Василии III (1474–1519)» (1911). Однако в дальнейшем Эрнст прекращает занятия историей крымских татар, что, очевидно, обусловлено пониманием историка того, что для добросовестного изучения своего предмета необходимо хорошо знать культуру и язык. Специалистом по восточным языкам Эрнст не был. Однако, проживая в Крыму, он не мог не интересоваться и не соприкасаться с культурой татар Крыма. Эрнст принимал участие в раскопках татарских древностей в Бахчисарае, Карасубазаре и Старом Крыму, раскрыл вклад итальянского зодчего Алевиза Нового в архитектурный ансамбль Бахчисарайского дворца и записывал легенды татар Крыма.

Одна из первых записанных им народных легенд (в 1925 г.), ускользнувшая от внимания крымских краеведов, связана со скалами Кыз-Кермена. Приведем эту легенду полностью: *«Некогда древним мрачным и загадочным пещерным городом Тепе-Керменом владел род князей-великанов. У одного из этих князей был сын-выродок, слабый, хилый и безвольный, почти похожий на обыкновенных людей, и дочь-великаниша, сильная, храбрая, предприимчивая и злая, продавшаяся шайтану. Умирая, старый князь оставил свои владения в наследство сыну, но дочь никак не хотела примириться с тем, что власть должна перейти к младшему брату, слабому и неспособному, а не к ней, старшей, сильной и способной, и лишь потому, что она женщина. Начались столкновения между братом и сестрой, приведшие к тому, что сестра со своими приверженцами-девами построила свою собственную крепость на скале против Тепе-Кермена, называющейся с тех пор "Кыз-Кермен". Отсюда она вела ожесточенную борьбу с братом и его людьми. Бросала из своей крепости огромные камни в Тепе-Кермен, убивала жителей, решавшихся выглянуть из своих пещерных убежищ, меткими стрелами. Измученные жители Тепе-Кермена явились к своему безвольному и пассивному князю с требованием принять наконец энергичные меры против сестры-княжны. Тот собрал всех своих людей и подстерег сестру, когда она, привыкшая к безнаказанности, беспечно охотилась у подножья своей крепости. После жаркой схватки злая княжна-великаниша*

была разрублена на части. Шайтан, ее покровитель, позаботился об увековечении ее памяти и превратил ее разрубленный труп в обломки скал, которые и поныне видны у подножия "Кыз-Кермен", "Девичьей крепости"» [21, с. 2].

Интересный пример наложения представлений разных культурных традиций представляют поверья и легенды, связанные с Салгир-бабой, сообщенные проф. Эрнстом автору статьи «О Салгир-бабе и "святой воде" из водопровода» (1938), разоблачавшему деятельность «муллы-чудотворца», подвизавшегося при дюрбе мусульманского святого Салгир-бабы в Симферополе. Приведем соответствующее место из статьи полностью, так как этот вариант легенды также оказался вне внимания краеведов: *«Почитание Салгир-бабы, вероятно, имеет большую давность и связано с культом воды реки Салгира. В древности человек, завися от сил природы и не находя им научного объяснения, наделял их сверхъестественными, "чудесными" свойствами. "Даром" своих богов древние обитатели Крыма, очевидно, считали выходящие из-под горного массива Чатырдага воды реки Салгира. Ведь воды эти давали необходимую жизненную влагу им, их скоту и коням.*

Впоследствии, после распространения в Крыму мусульманства, культ реки Салгир перешел в ислам. Ислам, как и всякая другая религия, является орудием угнетения трудящихся. Интересам эксплуататоров всегда служил и распространенный в исламе культ "святых" (вали, азиз). Объявляя "святыми" феодалов и иных защитников неравенства и эксплуатации, мусульманские религиозные организации освящали власть врагов трудового народа. Сохранившиеся в Крыму памятники старины дают этому ряд свидетельств.

Почитание Салгир-бабы было приспособлено к интересам феодальной власти крымских ханов. Была создана легенда, согласно которой, "святость" воды Салгира обязана молитвам "отца" этой реки – Салгир-бабы. Баба этот якобы был праведным мусульманином, имевшим на берегу Салгира вишневый сад. Как-то он отправился в "святое" паломничество (хадж) в Мекку (Аравия). На обратном пути из Аравии он будто бы подвергся нападению разбойников. Салгир-баба просил их отпустить его домой, еще раз взглянуть на свой вишневый сад и реку Салгир. Но не послушались его разбойники, отрубили голову Салгир-бабе. Внял его мольбам только аллах. Он дал силы подняться Салгир-бабе, взять свою голову подмышку и придти домой, к Салгиру. Вернувшись в свой вишневый сад, Салгир-баба совершил ритуальное омовение водой Салгира и был погребен близ его берега» [9, с. 4].

В статье «Источники изучения истории Крыма» (1935) Эрнст подходит к фольклору как ценному историческому источнику, все еще не нашедшему должного отражения в крымской историографии: *«Важным источником к истории Крымского ханства мог бы быть фольклорный материал. Однако это до сих пор пустое место в нашей историографии. Татарский фольклор по существу не собирался и не издавался. За его выявление необходимо взяться немедленно, ибо очень скоро будет уже совсем поздно» [19, с. 110].* Легенды, сказки, анекдоты и другие жанры народного творчества могут представлять, по мнению Эрнста, ценность и при изучении истории Крыма в составе Российской империи: *«Эти материалы известны в очень небольшом числе. Их, вероятно, имелось, частью и имеется среди татарского населения гораздо больше, но серьезным сбором их никто не занимался, они остаются не выявленными и, конечно, исчезают, сглаживаются из народной, и особенно теперь, когда они быстро заменяются советским фольклором. Вопрос об их выявлении – записи и издании – необходимо поставить ребром» [19, с. 119–120].*

Легенды южнобережных татар в изложении Эрнста обязаны своим появлением тесному и продуктивному сотрудничеству ученого в 1934–1937 гг. с Алушкинским дворцом-музеем, возглавляемым Я. П. Бирзгалом (1898–1968). Эрнст и Бирзгал были знакомы еще по службе в КрымОХРИСе в 1920-х гг. В 1934 г. в план научно-исследовательской работы дворца-музея были включены два больших мероприятия.

Во-первых, это исследование археологических и исторических памятников Южного берега Крыма. Оно проходило в рамках разрабатываемого СНК Крымской АССР плана комплексной социалистической реконструкции ЮБК. Экспедиционную деятельность возглавил Эрнст, в помощники к нему был придан научный сотрудник музея С.Д. Коцюбинский (1909–1943?).

Второе направление деятельности Алушкинского дворца-музея состояло в изучении фольклора южнобережных татар и собирании сведений о сказителях [12]. Инициатива исходила от М. Горького, проживавшего неподалеку от Алушки в усадьбе Тессели и тесно общавшегося с сотрудниками музея. За запись крымско-татарских сказок, легенд, песен и эпических поэм отвечал школьный учитель К.У. Усеинов (1886–1938), подлинный энтузиаст и знаток народного творчества, привлеченный к сбору фольклорного материала свыше сорока учащихся Алушкинской татарской неполной средней школы.

Коцюбинский занимался литературной обработкой русских переводов, составлением комментариев и описанием поэтики крымско-татарского фольклора. К литературной обработке песен и эпических поэм («Чора-Батыр») был привлечен молодой поэт и научный сотрудник музея С. Х. Баранов (1906–1988). Такой состав фольклорной бригады обеспечивал высокий научный уровень и широкий охват. Издание собранных материалов курировал Ольховый, в свою очередь, Бирзгал и Коцюбинский входили в число утвержденных авторов по разделу «Народы Крыма и национально-культурное строительство» энциклопедического издания «Полное описание Крыма».

Систематическое и планомерное обследование народного творчества татар Южного берега Крыма с использованием научных методов собирания и записей, предпринятое фольклорной бригадой Алушкинского дворца-музея, несомненно, имело важный и нужный характер, другое дело, что сама наука в СССР очень быстро приобрела догматический характер с обязательными ссылками на мертвых и живых «классиков» коммунистического учения, цитаты из которых выступали в качестве главных концептуальных скреп.

Не остался в стороне от фольклорной деятельности и Эрнст. В предисловии к первому фольклорному сборнику «Сказки и легенды татар Крыма» (1936; на крымско-татарском языке в 1937 г.) директор Алушкинского дворца-музея благодарил профессора Эрнста за составленные примечания к сказкам и за подготовку к печати трех легенд – «Легенда об Арзы-хыз», «Легенда о золотой колыбели» и «Легенда об Аю-Даге» [11].

«Легенда об Арзы-хыз», как значится в комментариях, записана со слов давно умершей крестьянки из Мисхора Ашре Вартана. Источники двух других легенд не указаны. Вероятно, все легенды были переданы Усеиновым Эрнсту, который произвел их литературную обработку. И хотя внешне может показаться, что легенды носят лишь характер занимательного чтения для любознательных туристов, дидактической стороной они были развернуты в нужную сторону.

Поводом для публикации легенды об Арзы стала, очевидно, большая популярность среди курортников двух скульптурных групп, установленных на берегу моря в Мисхоре – 1) Арзы у фонтана и подстерегающий ее турок-пират и 2) русалка, вышедшая из морских волн с ребенком в руках. Очевидно, что скульптурные композиции требовали словесного разъяснения и надлежащей оценки, что и было сделано в русском изложении легенды. С небольшими изменениями легенда об Арзы была напечатана также в ялтинской газете «Всесоюзная здравница» [4], а также вошла в сборник микрофонного материала для Всесоюзного радиокомитета «Легенды и сказки татар Крыма» (1938), анонимный составитель которого увидел в ней «вековые мечты татарского народа об освобождении» [12, с. 6]. Примечательно, что в 1935 г. во «Всесоюзной здравнице» были опубликованы два варианта легенды об Арзы, первый из которых совпадал с вариантом Эрнста, а второй повествовал об Арзы как о крепостной одного из помещиков, его наложнице. Рассердившись на Арзу, помещик прогоняет ее на скотный двор, и она в отчаянии бросается в море. Анонимный публикатор констатирует: «Можно сказать только одно: как первый, так и второй вариант этой легенды связан с появлением русских в Крыму, т. к. образ русалки совершенно не вяжется с магометанскими верованиями» [5, с. 2]. Отметим, что второй вариант, вероятно, как более прозаический, не закрепился в сборниках крымских легенд. Напомним также, что в первом печатном издании крымской легенды об Арзы – поэме «Арзы» Николая Грекова, опубликованной в 1910 г. в Симферополе с посвящением «владелице фонтана "Арзы" в Кореизе княгине З. Н. Юсуповой», русалочий мотив не разрабатывается [8].

Вариант, представленный в алушкинском сборнике «Сказок и легенд татар Крыма», был положен в основу стихотворной драмы «Арзы-Хыз», сочиненной Ю. Болатом и И. Бахшишем в конце 1936 г. для постановки в Крымском государственном татарском театре. Над музыкой к драме работал А. Рефатов (очевидно, не завершивший работу полностью, т. к. был арестован в апреле 1937 г.). В информационной заметке о подготовке к постановке драмы передается основной сюжет легенды и отмечается, что создатели крымско-татарской музыкальной драмы изменили конец легенды: «Арзы не погибает, девушка-красавица возвращается к родным берегам Крыма. Бодрая заключительная песня символизирует освобождение народа» [7, с. 4].

«Легенда о золотой колыбели» имеет привязку к средневековой крепости на горе Крестовой над Алушкой. Однако сюжет о сыне, вставшем на сторону «правоверных» джиннов и за это умерщвленным собственным отцом, очевидно, имел отсылку и к недавней современности [11]. Сюжет татарской легенды значительно разнится с сюжетом греческой легенды «Золотая колыска и наковальня», записанной В. Х. Кондараки [10, с. 71–76].

«Легенда об Аю-Даге» рассказывает о грозном медведе, посланном Аллахом наказывать

неверных джиннов, который, пройдя опустошительный путь от Фороса до Партенитской долины, отказался быть карающей рукой бога, за что был превращен в большую гору. Долгое время никто не селился вблизи Медведь-горы, пока не пришли «мальчики и девочки с красными повязками на шее» и не устроили здесь свой лагерь. Автор литературной обработки легенды заканчивает ее словами: «как они не боятся...» [11, с. 364]. Отметим также, что и этот сюжет татарской легенды имеет коренное отличие от греческой, имевшей широкое хождение (см. два варианта – «Аю-Даг» [6, с. 106–108] и «Медведь – Серая гора. Легенда об Аю-Даге» [14, с. 3–4]).

Составители сборника «Сказок и легенд татар Крыма» при публикации татарских легенд замалчивают наличие греческих вариантов. Думается, что это делалось осознанно. С. Д. Коцюбинский в своей вступительной статье к сборнику упрекает (не совсем справедливо) одного из самых известных собирателей крымского фольклора В. Х. Кондараки: «Грек по национальности, христианин по убеждению, Кондараки, как он сам неоднократно намекает на это, ставил себе задачу описанием крымских древностей подтвердить указание завоевательницы Тавриды Екатерины II о том, что татары – чужеродный элемент в завоеванном крае, что только православные греки являются истинным, коренным и правомочным населением Крымского полуострова» [11, с. 29]. Советская власть признала татар коренным населением, и к ним, естественно, в первую очередь было привлечено внимание исследователей. Из 25 народностей, проживавших до Великой Отечественной войны в Крыму, крымские татары в этнографическом плане были изучены лучше, чем все другие.

Активизация фольклорных исследований в начале 30-х гг. XX в. имела в своей основе четкую партийную установку о необходимости руководства устным народным творчеством и внедрения правильного «марксистско-ленинского» понимания фольклора как «подлинной истории трудового народа» (Горький). Многие прежние пересказы и изложения легенд о Крыме не могли быть использованы в силу «чуждой классовой установки». Создание национальной по форме и социалистической по содержанию культуры орденоносной Крымской республики требовало их пересмотра и критической оценки. Эрнст попытался изложить античные и татарские легенды о Крыме на новый лад, чтобы показать, что глубинные «чаяния и ожидания народные» исполнились в советском настоящем, что «сказка стала былью». Надо отдать должное ученому: несмотря на тесное сотрудничество с отделом культуры и пропаганды ленинизма Крымского обкома ВКП(б), его изложения далеки от плоской популярщины и однобокой идеологической пропаганды.

Крым рассматривался Эрнстом как историческая часть Средиземноморья, испытывавшая в разные периоды своей истории самые разнообразные влияния, имевшие прогрессивное значение для полуострова. К таким благотворным воздействиям он относил влияние греческой культуры как в античный, так и в средневековый византийский периоды, созидательную роль генуэзских колоний в средние века и положительное влияние Турции в эпоху Крымского ханства. Логическим и завершающим звеном в этом списке крымских «благодетелей» должна была стать утвердившаяся в 1920 г. в Крыму советская власть, вовлекшая все национальности в строительство справедливого социалистического общества. Однако такое «соседство» было расценено бдительными ревнителями марксистско-ленинского учения как вредительство, ибо Эрнст не раскрыл и не дал надлежащей оценки классовой сущности бывших до советской власти иноземных колонизаторов, «эксплуатирующих» и «разорявших» народы Крыма.

Список литературы:

1. Античные легенды о Крыме. Ифигения / Изложение Н. Л. Эрнста // Литература и искусство Крыма. 1935. № 2. С. 107–116.
2. Античные легенды о Крыме. Восстание рабов / Изложение Н. Л. Эрнста // Литература и искусство Крыма. 1936. № 1. С. 133–138.
3. Античные легенды о Крыме. Одиссей у лестригонов. Ио / Изложение Н. Л. Эрнста // Литература и искусство Крыма. 1936. № 2. С. 71–77.
4. Арзы / [Лит. обработка и коммент. Н. Л. Эрнста] // Всесоюзная здравница. 8 января 1937. № 6.
5. Где провести выходной день? // Всесоюзная здравница. 30 июня 1935. № 152 (228). С. 2.
6. Гирич А. Е. Легенды Крыма // Крым. Журнал общественно-научный и экскурсионный. М.–Л.: Госиздат, 1927. № 1 (3). С. 106–111.
7. Галин Н. Арзы-Хыз. Музыкальная драма на крымско-татарском языке // Красный Крым. 1 января 1937. № 1.

8. Греков Н. Арзы. Поэма. Крымская легенда. Симферополь: Тип. Коршунова и Г. Эпеля, 1910.
9. Климович Л. О Салгир-бабе и «святой воде» из водопровода // Красный Крым. 27 сентября 1938. № 224 (4730).
10. Кондараки В. Х. Легенды Крыма. М.: Тип. В. В. Чичерина, 1883.
11. Легенда об Арзы-хыз. Легенда о золотой колыбели. Легенда об Аю-Даге / Лит. обработка и коммент. Н. Л. Эрнста // Сказки и легенды татар Крыма / Запись текста К. У. Усеинова; Подг. текста и вступ. ст. С. Д. Коцюбинского; Общ. ред. Я. П. Бирзгал. Симферополь: Госиздат Крым. АССР, 1936. С. 333–364.
12. Легенда об Арзы-хыз / [Лит. обработка и коммент. Н. Л. Эрнста] // Легенды и сказки татар Крыма: Сборник. На правах рукописи исключительно для радиовещания. М., 1938. С. 1–5.
13. Лобков А. Е. Вклад сотрудников Алушкинского дворца-музея в изучение крымско-татарского фольклора Южного берега Крыма // Вопросы филологии. 2017. № 2. С. 15–20.
14. Медведь – Серая гора. Легенда об Аю-Даге / Рассказала А. В. Стати, записал и обработал А. Буянов // Всесоюзная здравница. 29 августа 1936. № 22 (428). С. 3–4.
15. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. Киев: Стилос, 2012.
16. Тунманн. Крымское ханство / Пер. с нем. изд. 1784 г. Н. Л. Эрнста и С. Л. Белявской; Примеч., предисл. и прил. Н. Л. Эрнста. Симферополь: Госиздат Крым. АССР, 1936.
17. Филимонов С. Б., Храпунов И. Н. Николай Львович Эрнст – исследователь истории и древностей Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. V. Симферополь, 1996. С. 242–255.
18. Филимонов С. Б. Хранители исторической памяти Крыма: О наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931 гг.). 2-е изд., перераб. и доп. Симферополь: ЧерноморПРЕСС, 2004.
19. Эрнст Н. Л. Источники изучения истории Крыма // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2004. № 5. С. 97–127.
20. Эрнст Н. Л. «Бахчисарайский фонтан» в Ленинграде // Литература и искусство Крыма. 1935. № 1. С. 89–92.

Севастопольский государственный университет, Севастополь

УДК 82.02/.09+82-192

Е. В. Локтевич
СУБЪЕКТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РОК-ПОЭЗИИ С. КАЛИНИНА
(НА МАТЕРИАЛЕ АЛЬБОМА «ДЕТИ ТЕЛЕВИЗОРА»)

В статье выполнен сравнительно-сопоставительный анализ проектно-художественного, медийно-художественного и рок-текста в фокусе PR-посредничества медийного автора как субъекта сознания авторско-геройного плана современной русской оригинальной рок-поэзии. Дискурсивные тактики медийного автора рассматриваются как гейм-стриминг, что позволяет увидеть инфлюенсерное назначение «готовых формул» для интерпретации читателем рок-текста. Делается вывод, что ценностные ориентации собственно автора и медийного автора в рок-поэзии С. Калинина не совпадают, а его лирический герой пребывает в зоне идейно-субъектной пограничности.

Ключевые слова: рок-поэзия; субъектная организация; автор; лирический герой; постпостмодернизм.

E. V. Loktevich
SUBJECT ORGANIZATION OF S. KALININA'S ROCK-POETRY
(BY THE MATERIAL OF THE ALBUM «CHILDREN OF TV»)

The article presents a comparative analysis of design-artistic, media-artistic and rock-texts in the focus of PR-mediation of the media author as a subject of consciousness of the author-hero plan of modern Russian original rock-poetry. The discursive tactics of the media author are considered as game-streaming, which allows us to see the influencer purpose of «ready-made formulas» for the reader to interpret the rock-text. It is concluded that the value orientations of the author himself and the media author in the rock-poetry of S. Kalinin do not coincide, and his lyrical hero is in the zone of ideological and subjective borderlines.

Key words: rock-poetry; subject organization; author; lyrical hero; post-postmodernism.

Методология анализа современной русской оригинальной рок-поэзии сталкивается с проблемой определения непосредственного создателя произведений, который, безусловно, «скрыт в структуре текста и должен быть выявлен читателем» [17, с. 42]. Х. Шталь справедливо указывает на то, что в поэтике «наблюдается возврат сильного автобиографического субъекта», утверждение «тождества "поэта" с говорящим в тексте» и потому идентификация создателя поэтического мира с «имиджем», который сформирован произведениями и действиями поэта в публичном пространстве [17, с. 43]. Это, по мнению исследователя, приводит к «распылению субъекта», к актуализации «игр с субъектными формами» с целью самопрезентации поэта, который настаивает на ошибочности всякого соотнесения им созданного «множества образов субъектов» с его личностью [17, с. 43]. Для решения этой проблемы ученые предлагают некоторую систематизацию субъектов поэтического текста. Так, например, Х. Шталь выделяет четыре формы субъекта: *выраженный субъект* (говорящий персонаж), *собственно текстовый субъект*, *трансцендентальный субъект* (непосредственный автор), *реляционный субъект автора* (абстрактный автор с установкой на личность автора), в который «входят и другие субъектные выражения автора вне рамок данного текста» [17, с. 52]. Однако некоторая методологическая сложность непосредственного разграничения этих субъектных форм в тексте и, по верному замечанию А. С. Бокарева, очевидная возможность функционирования выделенных «коммуникативные инстанции» в произведениях разных родов литературы, делает эту концепцию уязвимой [3, с. 4].

Н. Р. Саенко отмечает, что «постмодернистская картина мира во многом характеризуется лингвистическими терминами», которые «вполне точно и объективно описывают ситуацию смены культурных парадигм» [15, с. 51]. Подтверждение тому – лингвистическая типология субъектного строя поэтического текста, предложенная Е. В. Сусловой. Исследователь-поэт характеризует четыре типа субъективации: *репрезентирующий* (не идентичен лирическому герою, актуализирует отношение знак (мир) и «связан с нулевой степенью рефлексивности»), *референцирующий* (характеризуется ориентацией на отношение предмета и процесса), *модализирующий* (фокусируется в точке знак (знак) и близок к лирическому субъекту, «находится между говорящим и Наблюдателем») и *концептуализирующий* (указывает на максимальную рефлексивность, задействует фокусировку на отрезке «знак ↔ сознание» и отмечен «нерасчлененностью референции»), оформляет тексты с «концептным письмом» [16, с. 133–134]. В рамках такого

подхода создание современного поэтического текста – это экспериментальный философский процесс, нередко связанный с «тавтологизацией» и не требующий опосредованности родо-жанровыми характеристиками. В период постмодернистского «культурного вакуума», когда прежние формы уже исчерпали свои возможности, а новые еще не созданы [15, с. 49], действительно сложно отгаликовать от какой-то одной родо-жанровой аналитической схемы. Но в таком случае и сам анализ поэзии должен бы стать процессом исключительно творческим, даже интуитивным, что, бесспорно, не исключает значение научной интуиции, но делает затруднительной возможность верификации. Вместе с тем поэзия, как пишет А. А. Житенев, – это всегда пространство «иногое», и если процесс ее осмысления «чему-то и учит, то прежде всего умению признавать свою неправоту» [7, с. 6]. Научно-творческие поиски в области современной поэтики неизбежны, и, тем не менее, методология исследования современной русской рок-поэзии как синтетического искусства, включающего художественные элементы всех литературных родов, стремится, характеризуя субъектную организацию рок-текста, к выделению лирического начала в качестве родовой основы и соответственно аналитической опоры. Очевидно одно: проблема осмысления коммуникативного строя поэтических произведений остается одной из актуальнейших задач современной филологии, а «все подлинное в литературе начинается с проблемы, которая не имеет решения» [7, с. 47].

Важным направлением обозначенной проблемы является различие форм авторского сознания, выраженных в художественной и реальной действительности. К этим двум бытийным сферам в постмодернистской поэзии добавляется еще и сфера виртуальной реальности, создающая дополнительный, пограничный уровень субъектной организации текста. Для рецепции современной рок-поэзии характерны тенденции, сложившиеся еще в эпоху романтизма, когда читатель «интерпретировал» лирического героя как «двойника» живой личности поэта, воспринятой не в качестве биографической, а в качестве «идеальной» [5, с. 148–149], которую сегодня и замещает *медийный автор*. Субъект, создающий художественное произведение и «говорящего» в нем, ответствен, по мнению В. Г. Вестстейна, только за текст как результат, а «говорящий внутри текста» ответствен за свои слова, и, по сути, совершенно неважно, выражает ли он взгляды или чувства поэта или нет» [4, с. 59]. Специфика взаимодействий между этими субъектами определяет философский характер *эмоционального тона* (авторское начало) и *лирического переживания* (геройное начало) как эстетизированных эмоций, влияет на создание образной сферы рок-произведения – в текстовом и субтекстовых (/ контекстных) ее воплощениях.

Б. О. Корман подчеркивает, что между аксиологическим аспектом лирики и ее субъектной организацией существует прямая взаимосвязь: «именно отношение к другому человеку определяет тип и строение лирической системы» [9, с. 51]. Однако вмешательство медийного автора исключает самостоятельное погружение реципиента в мир рок-произведения, требует следования инструкции чтения и интерпретации. Можно предположить, что медийный автор стремится помочь читателю «постичь» все пределы его душевных переживаний, мыслей, чувств, понимая, что современный участник культурного события обладает визуально-виртуализированным типом мышления, ищет опоры в готовом образе. Вместе с тем возникает аналогия такого «руководства» с гейм-стримом: стример (= медийный автор) показывает зрителю свое видение и декодирование игрового процесса (= рок-текста), лишает зрителя (= читателя) пути расшифровки, трактовки игры (= произведения), внушает ему свои чувства, эмотивные и ценностные ориентации, подменяя возможность индивидуального прохождения уровней игры (= структуры произведения). Опасность такого подхода связана, с нашей точки зрения, с подменой своего эмоционального статуса чужим: в восприятии рок-текста это проявляется в намеренном уравнивании медийным автором своей субъектности с субъектными «кодами» собственно автора и лирического героя. Если учитывать тот факт, что читатель узнает о собственно авторе «по эмоциональной окраске лирического монолога, принципам отбора, оценки и изображения жизненного материала, особому углу зрения, освещению действительности» [8, с. 183] – ведь именно эмоциональный тон выступает в поэтическом тексте средством изображения собственно автора [8, с. 51], – то медийный автор, погружая читателя в эмоционально-экспрессивный мир своих переживаний, деактивирует необходимость осмысления эмоционального тона рок-текста, а значит, и выявления в нем высшего субъекта сознания (собственно автора). Р. Барт подчеркивал, что в письме отсутствуют следы самоидентификации и «в первую очередь телесная тождественность пишущего» [1, с. 384]. Тогда, отстраняя собственно автора, медийный автор получает возможность восполнить эту «телесность» (физическое присутствие авторского начала) и, как следствие, исключить из рецептивного фокуса слушателя эмоциональный тон рок-поэзии.

Случай, когда автор (в нашей концепции – медийный) завладевает героем, М. Бахтин описывает, как крайне сложный: такой герой становится для автора бесконечным и постоянно перерождается, требуя новых завершающих форм, которые постоянно им же и разрушаются [2, с. 101]. Такого героя ученый видит, прежде всего, в художественной парадигме романтизма: поэт-романтик боится себя обнаружить в облике лирического героя, поэтому «оставляет в нем какую-то внутреннюю лазейку, через которую он бы мог ускользнуть и подняться над своей завершенностью» [2, с. 101]. Это во многом объясняет сходство современного рок-героя с героем-романтиком, только в данном случае функции собственно автора (или биографического автора) выполняет медийный автор. Рассмотрим далее, как трансформируется субъектная организация современной русской оригинальной рок-поэзии, с помощью дедуктивно-индуктивных процедур выявления и осмысления динамики идейно-философской семантики *проектно-художественного, медийно-художественного и рок-текста* через PR-посредничество медийного автора. Материалами для верификации выводов будут оригинальные рок-тексты альбома «Дети телевизора» (2009 г.), написанные и исполненные С. Калининным – лидером российской шок-рок группы «Deform», вступительные главы его книги «Путеводитель по Аду повышенной комфортности» (2008 г.), созданные под псевдонимом «Деформатор», а также авторский комментарий к ним.

В книге «Путеводитель по аду повышенной комфортности», согласно замыслу Деформатора, будет три части: *в первой* предстанет комплексная и также трехчастная биография (автобиография, биография рок-группы, генезис-«биография» книги); *вторая* станет исследованием медийным автором «природы влияния зла на человечество»; *в третьей* – идеологическом ядре книги – будут названы виновные в процветании зла и определен путь к спасению [18]. Трехчастность композиции «Путеводителя...» используется Деформатором и в промоиздании, включающем две главы и комментарий автора, который можно рассматривать как третью главу в силу ее сходства по стилю и логике изложения с двумя предыдущими главами.

Первая глава «Путеводителя...» («Гнилое слово о человечестве или проповедь для детей телевизора»), согласно логике «трактата», должна быть связана с первой частью «Детей телевизора» («Падение Адама»). Установки медийного автора: **1)** утверждение зависимости человека от сил зла («люди не потеряли связь с Дьяволом, абсолютно не осознавая этого» [6, с. 7]); **2)** антидогматизм («общество... предлагало и предлагает нам зачастую смотреть на мир исключительно сквозь кривое зеркало догмы, как религиозной, так и атеистической» [6, с. 8]); **3)** опосредованная связь духовного разложения («хаоса») и «занавеса гламурной эстетики» [6, с. 8]. Медийный автор именуется окружающую его действительность «уродливым миром» и «фальшивой ярмаркой» [6, с. 9]. Финальные строки главы содержат утверждение его «собственной одержимости и духовного упадка» и признание в том, что он «оказался на крючке у сил Тьмы, фактически став идолопоклонником и почитателем культа Люцифера, невольно вступив с ним в диалог» [6, с. 13]. *Субъектно-диалогическая схема главы:* «Мы (люди) → Я (медийный автор) → Он (Люцифер)».

Первая часть рок-альбома могла бы быть названа «Люцифер», так как, на первый взгляд, продолжает развитие сюжета «Путеводителя...». Тем не менее, это не совсем так. Собственно автор композиционно усложняет структуру посредством усиления драматического начала и жанровых модификаций. *Субъектно-диалогическая схема* здесь, как и во всем альбоме в целом, имеет обратное направление («Я → Мы»), что оправдано лирическим характером рок-поэзии и субъектным «перемещением» лирического героя от личного переживания («я») к общей истории («мы»). Показательно, что даже ролевые рок-тексты эмоционально «прочитываются» как душевный отклик лирического героя, и это, в отличие от гейм-карнавализации медийного автора, свидетельствует о его межсубъектной целостности. Часть «Падение Адама» включает пять произведений, в первом из которых («Тихий бунт») дважды осуществляется духовная «подмена», когда неясно, чей приход должен произойти – Христа или Антихриста, кого именно ждет лирический герой: «Ангел кружит там, в облаках. / Это хитрый змей – он сидит в ветвях...», «И за нас придет праведник. / Но это падший сын утренней звезды / Будет здесь теперь править» [19]. Так актуализируется прием *экзистенциальных качелей*, усиливающий заданный собственно автором эмоциональный тон через акцентность образной сферы: *огонь, вода, облака, хитрый змей, яблоко, золото, собаки, ангелы, сын зари, праведник, падший сын, сын утренней звезды, тихий бунт, изумрудный лес, небо, электронный рай, бес, плоть, кровь*. Пик эмоционального напряжения в этом рок-тексте – вопрос, на который герой не знает ответа: «Кто пошел на крест, умер и воскрес?» [19]. Актуализированный в самом начале произведения жанр заклинания держит всю композицию в фокусе мистической драматургии до самого финала: «Разгорись огонь! Закипи вода!», «Золото темней! Посветлей вода», «Выбери

меня! Выбери меня!», финальные строки «Облеки меня! Облеки меня! / Облеки меня в плоть и кровь!» [19]. Таким образом, лирический герой предстает бестелесным духом, добровольно ищущим падения по аналогии с Люцифером, а собственно автор задает композиционно-символический ореол для демонстрации состояния героя как первичного субъекта сознания и речи.

В рок-стихотворении «День ангела» посредством высшего субъекта сознания (собственно автора) максимально полно реализуется драматическое начало, на уровне композиции продуцирующее деление речи субъектов сознания по принципу реплик героев пьесы. Диалог Неназываемого и Адама сопровождается лиро-эпическими вставками, позволяющими прочувствовать эмоциональный тон рок-произведения и ощутить присутствие собственно автора, который в режиссерском ключе посредством ремарок-катренов описывает духовный накал происходящего диалога: «Падал снег, падал снег с неба, / Но горит земля. / Падал в мир, падал в мир с неба / Ангел Ада...» [19]. Добавляет глубины сформированному эмоциональному тону образная сфера рок-текста: *темный лес, бездна противоречий, снег, небо, кровь, меч, крики птиц, лай собак, призрачная луна, «здесь мало света»*. Падение Адама (и всего человечества) связывается с падением Неназываемого, поэтому в финальных строках выясняется, что «в свете / Утренней звезды. / Падал в мир, падал в мир ангел / Там, где я и ты» [19]. Таким образом, драматургия рок-текстов С. Калинина не ориентируется на «ролевой» принцип, а направлена на расширение представлений об образе лирического героя.

В рок-тексте «Королева Насекомых» субъектная организация выстраивается по принципу субъектного синкретизма («Я = Мы»), что определяется обращением первичного субъекта сознания и речи (лирического героя) к ветхозаветным событиям. На пятый день, согласно Ветхому Завету, были сотворены первые существа – представители водной и воздушной стихий, с одним из которых (тлей) соотносит себя лирический герой: «Я бесполезней тли – создание пятого дня. / Но из моей кости ты создана для меня» [19]. Аналогия с Адамом, из ребра которого на шестой день была сотворена Ева, необходима герою, чтобы подчеркнуть свою ничтожность по сравнению с Человеком и высказать упрек в адрес Создателя: «И день за днем в огне сгорали ночи и дни... / Разгневан наш Творец! Мы для него муравьи. / Ошибки нас, людей, конечно, смоем потоп! / За почитание злых и кровожадных богов» [19]. Посредством оформления образов рок-стихотворения (*тля, зеркало, пища богов, глубь теней, королева цветов, свет во тьме, телевизор, ночи и дни, потоп, злые и кровожадные боги*) собственно автор создает трагический эмоциональный тон повествования, помогает увидеть и осмыслить внутренний конфликт лирического героя.

Произведение «Занавес» – монолог главного героя (Дьявола), представленный в прозаической форме, который диалогически направлен к «Мы» с целью обострения эмоционального напряжения в «Я» (шок-эффект): **1)** посредством обращения («Эту божественную музыку Дьявол посвящает вам!); **2)** утверждением всеведения («Вам – лицемерам, скрывающимся за масками добродетелей. / Вам – раздающим диагнозы, выносящим вердикты и приговоры); **3)** угрозой приговора, вынесенного каждому («Здесь – по эту сторону занавеса – вы все равны передо мной в ожидании высшего приговора...») [19]. Голос этого героя близок к речевым интенциям медийного автора и согласуется с субъектно-диалогической схемой первой главы «Путеводителя...».

Финальное произведение этой части альбома – «Реалити-шоу» демонстрирует нераздельность и неслиянность лирического героя с «Мы» («Танцующими в темноте / Навстречу судьбе сгорая в огне... / "Кто мы?" – Не слышу ответ. / Кто мы такие? Включите мне свет!») и актуализацию субъектно-диалогической схемы «Мы → Я», отмеченную влиянием монолога героя «Занавеса». Лирический герой задается вопросами «А что если нас просто нет?», «"Кто мы?"» [19] и просит: «Включите мне свет!». Он явно напуган и растерян, что помогает прочувствовать собственно автор посредством указания на хронотопическую неопределенность: «С неба на землю, с земли на небо...» [19] и посредством образов (*темнота, огонь, снег, битвы фатальности, ледяная вечность*) с инобытийным значением. Риторичность финального катрена семантически и синтаксически выдержана в духовно-дуальной форме: «Как я могу сомневаться в реальности? / Мир разделился при битвах фатальности... / Ночи и дни до умопомрачения... / С ангельской завистью кровосмешение...» [19].

Вторая глава «Путеводителя...» («Пастырь-проводник») демонстрирует следующие игровые постулаты медийного автора: **1)** социально обусловленная эстетическая игра («мой внешний вид и подобная эстетика являются лишь отражением того, с чем я работаю и на что хочу обратить внимание общественности» [6, с. 16]); **2)** мистическая избранность («с детства обладал даром очень хорошо чувствовать зло и различные скрытые для остальных проявления сил Тьмы, а также

безошибочно отличать добро от зла», что способствовало «укоренению веры в сверхъестественное... и в свое божественное происхождение» [6, с. 22–23]); 3) духовная миссия («миссией... своей считаю отделение агнцев от козлиц среди молодежной аудитории», а «достойных» нужно объединить «при помощи своего слова и творчества своей группы» [6, с. 26]); 4) запуск миссии-игры с врагом-другом («игра с моим собственным врагом номер один, скрывающимся за маской услужливого друга-попутчика, ужа начата» [6, с. 27]). *Субъектно-диалогическая схема этой главы: «Я = Апостол (медийный автор) → Я = Он (Дьявол)».*

Переход от этой главы ко второй части альбома («Цивилизация/Индустрия») явлен совпадением заглавий: «Путеводитель по Аду повышенной комфортности» → первая (музыкальная, без поэтического сопровождения) композиция «Ад повышенной комфортности», погружающая слушателя в атмосферу духовного небытия. *Субъектно-диалогическая схема этой части альбома:*

«Я (Не-избранный) → Мы (Не-избранные)». В рок-произведении «Имя Хозяина» лирический герой, пребывая в зоне *идейно-субъектной пограничности* [14, с. 63–68], обращается с вопросом к окружающим его людям: «Ангел ты иль бес? / Имя Хозяина?» [19]. В стремлении узнать ответ на этот вопрос он прибегает к субъектным возможностям ролевой лирики; от имени демонического начала герой требует: «Выстели мне путь / К золотым пескам! / Вставь силикон в грудь, / Душу отдай нам!» [19]. Композиционно этот рок-текст включает две коммуникативные модели: эмоционально окрашенный повествовательный срез, представленный «голосом» собственно автора («Рухнули стены фальшивого храма / Темное небо, темные фразы...» [19]), и лирический монолог, переходящий в «крик»-надрыв: «Выстели путь мне презренным металлом / В рай развлечений для дегенератов!» [19]. Образная сфера рок-текста наделяет эмоциональный тон произведения дополнительным трагизмом: *овцы без пастыря, фальшивый храм, темное небо, темные фразы, злоба, Рай развлечений, Ад, полчища жаб, распятый ангел.*

Следующее произведение рок-альбома («Дети Телевизора») строится на схеме субъектного синкретизма «Я = Мы», при этом образ лирического героя довольно хорошо различим через его переживания, уже знакомые читателю: «Не влияем на события, / Но плевать умеем в лица мы», «Папы, мамы и милиция, / Хотим летать, как птицы, мы» [19]. Так же отчетливо слышен голос лирического героя, пребывающего в состоянии *идейно-субъектной пограничности*: «Дозреет виноград – / Согретый солнцем Ад / Нас обручит с тобой, но / Повсюду ведьмы, ведьмы» [19]. Звучание собственно автора текстуализируется благодаря перечислительной и даже констативной интонации рок-текста. Даже эмоциональный тон образного строя этого произведения демонстрирует чувство неизбежности, обреченности: *ТВ-экраны, согретый солнцем ад, ведьмы, печаль, тени, дети деформации, порча, ложь, игрушки смерти.*

В отличие от медийного автора, сфокусировавшегося на своем христоподобии и предстоящем распятии, собственно автор и лирический герой рок-текста «Телепроповедник» демонстрируют иную субъектно-образную картину переосмысления новозаветной истории, в которой «Я = Ты = Мы». Произведение открывается восклицаниями («Благая весть! Благая весть! / Опять оказана мне честь», «Въезжаю в город на осле / Во имя мира на земле» [19]) с семантикой тщеславия и надменности. В очередной раз лирический герой задействует возможности субъектной «перекодировки» ролевой лирики, преобразованной в современной рок-поэзии в *игровую внесубъектность* [13, с. 114], с целью демонстрации незаметной «подмены» истинного Христа в душе человека Лжехристом: «Твой номер прежний – 666» → «Мой номер – 666» [19]. Другая легкоразоблачаемая субъектная метаморфоза отражена в «добром нраве» Дьявола, который предупреждает об опасности («Ступая по карьерной лестнице, / Держись меня на расстоянии!» [19]) и с прямо-оценочной точки зрения использует божественные образы-символы (*благая весть, мир, правда, воскресение*). Как итог, собирательное Зло («666») остается в выигрыше: «номера, как прежде, в выигрыше...» [19]. Напряженность общего эмоционального тона произведения держится на угнетающих образах-чувствах *агрессии, депрессии, жести и мести.*

Рок-произведение «Телемизантропия» имеет коммуникативную схему «Я-Мы». Посредством повелительно-утвердительных синтаксических конструкций лирический герой изображает свое переживание сквозь призму общих духовных проблем общества: «Не смотри на меня из телеэкрана! / Телемизантропия будоражит стадо / непохожих на людей в ожидании света» [19]. В констативном тоне ряда стихов слышен голос собственно автора («Пред экраном в кресле нас съедает страх. / В каждом брэнном теле мизантропия» [19]), который посредством актуализации контрастных образов (*экран – страх, Рай – Ад, бес – овца, волк-овца*) подчеркивает интенсивность духовной борьбы лирического героя. Сплаваясь с воображаемым демоническим «объектом», герой начинает его

воспринимать как часть своей объектности, видит себя объектом: «Этот бес сидит во мне – в кукле человека!» [19]. В рок-тексте «Вуду-манекен» действует межсубъектная схема «Я → Вы → Мы → Ты», позволяющая лирическому герою, с одной стороны, реализовать возможности игровой внесубъектности, а с другой, благодаря такой коммуникативной тактике сделать ярче повествовательный тон собственно автора. Вступительный катрен начинается с заклания, опосредованного функционированием феномена идейно-субъектной пограничности: «Помоги мне, каббала! / Защити, Евангелие! / Назови хозяина / В мире человеческих зверей!» [19]. Лирический герой видит вокруг себя бессубъектных, вещных «манекенов», «роботов-людей», «овец-волков» и «волков-овец», «белого античеловека». Люди для него стали voodoo-манекенами – идолами, требующими поклонения. От имени «черного человека» С. Есенина герой подчеркивает безысходность такого положения: «Мы живем в аду, / Напрасно ускоряя бег» [19]. В рок-стихотворении «Америка» герой с сожалением заключает: «Имя Антихриста / Читаем в экранах, / Но пали мы низко так...» [19].

В духовном контексте продолжением рок-произведения «Имя Хозяина» выступает текст песни «Остров Тихих Психопатов», *субъектно-диалогическая схема* которого «Мы → Ты → Я → Мы»: «мы дети капризные» → «Понял, что ты все же Избранный» → «Веди меня, аниматор, / На остров тихих психопатов» → «К нам шагают гордо дети эволюции» [19]. Коммуникативный переход от «Мы» к «Я» «снимает общечеловеческую значимость» [11, с. 476] с рассматриваемой лирической проблемы, и лирический герой обращается к миру своих переживаний, занят автокоммуникацией. Но в финальной части композиции вновь оформляется «Мы», что указывает на необходимый лирическому герою возврат к межсубъектности, позволяющей изнутри наблюдать духовные изменения в общности людей, среди которых он пребывает и которых стремится понять. Центральный образ-символ рок-текста «зеркало – телевизор – демон» благодаря собственно автору обретает функцию интернет-зазеркалья как бесконечной, многоуровневой системы субъектных отражений. Благодаря этому приему эмоциональный тон всего произведения становится более напряженным, усложненным, духовно необозримым для читателя, но вовлекающим его в глубину лирического переживания. Повелительный тон в стихотворении задан цивилизацией: «Хрупкая цивилизация / Требует в нас отражения» [19]; уже в этом рок-альбоме намечается переход от межсубъектности к игровой внесубъектности. Герой вновь пытается разглядеть в толпе лицо Хозяина («Мне покажите хозяина / Уродства и преображения» [19]), осознавая, что он, как и все окружающие, кем-то и для чего-то избран: «Не по себе мне становится, / Страшно, что мы все здесь избраны...» [19]. Лирический герой, как следует из рок-текста, понимает – на Земле правит не Бог, поэтому вся композиционная структура произведения пронизана чувством страха, а сам герой не решается вступить в непосредственную конфронтацию с тем, чье имя старается не называть. Вместе с тем герой упрекает Бога в безразличии к человеку («Бог ведет свою статистику, / Одиночество и беллетристика. / Ангелы твои неискренне / Продают в миру скрытые истины» [19]), в том, что был допущен приход Зла в мир («Правой-левой! Правой-левой! Из-под своей зимы / К нам шагают гордо дети эволюции» [19]), и эти переживания в композиционном отношении (актуализация жанровых элементов марша) подчеркиваются и укрупняются собственно автором.

Комментарий Деформатора к «Путеводителю...» (условно обозначим его третьей главой промоиздания) под заголовком «От создателя ереси или искушения лжепророка» выстраивается на нескольких ценностно-оценочных ориентирах медийного автора: **1)** критическая оценка читательской аудитории («сказались особенности российского менталитета, который в редких случаях позволяет нашим согражданам знакомиться с инструкцией по применению перед употреблением каких-либо лекарственных препаратов или перед использованием различных видов техники» [6, с. 33]); **2)** критическая оценка СМИ и литературы о мистицизме («я лишь напоминаю читателю о том, что люди на планете Земля живут в некой общей канве информационной лжи и ереси», которая «умело запускается в общество через средства массовой информации и трехгрошевые книги по мистицизму» [6, с. 34]); **3)** самооправдание («вовсе не значит, что я лично во все это на сто процентов верю, однако на некоторые факты, даже на лживые, просто нельзя не обратить внимание» [6, с. 34]); **4)** критическая оценка официальной церкви («я, признаться, не считаю, что каждый верующий должен ходить в храм и читать Библию. Думаю, к истинной вере в Бога это имеет весьма косвенное отношение» [6, с. 37]); **5)** критическая оценка читательской рецепции «Путеводителя...» («могу сказать всем, кто со мной и кто против меня – читайте впредь внимательно все, что написано, вникайте в суть поставленной задачи и в то, о чем на самом деле идет речь, не обращая внимания на шелуху и мишуру» [6, с. 41]). *Субъектно-диалогическая схема*

этой «главы»: «Я = пастор/лжепророк ↔ Вы = стадо».

Заглавие третьей части рок-альбома «Дети телевизора» – «Агнцы на заклании» – характеризуется дуальной семантикой. В этой связи выстраивается *субъектно-диалогическая схема* этой группы рок-произведений («Мы = ангелы ↔ Мы = демоны»), которая удерживает эмоциональный тон рок-текстов в фокусе экзистенциальных качелей, а лирического героя – в зоне духовной двойственности, что становится источником идейно-субъектной пограничности. Так, в произведении «Мертвые Звезды», как и в рок-тексте «День ангела», задействован драматургический принцип построения диалогической и пространственно-временной композиции: вновь читатель-слушатель наблюдает за беседой Неназываемого, Христа и Ангелов. *Субъектно-диалогическая схема* рок-текста: «Я = Неназываемый ↔ Ты = Христос». Собственно автор конструирует ценностную битву таким образом, чтобы было ясно, кто этот Неназываемый и кто эти Ангелы. Так, Христу, как герою-участнику фразеологической точки зрения, не дается слова – он до финала остается лишь субъектом сознания с объектной функцией, опосредованным прямо-оценочной точкой зрения Неназываемого. Духовный статус Неназываемого легко узнаваем для читателя в самоописании («Всегда скрываясь в темноте, / Я сею только тени», «царь я приведенный» [19]), в повелительном тоне его речи, направленной к Христу («Ты правь людьми!», «Оставь мою паству!», «Прекрати смотреться в небо!», «Смотри в свой страх, подобный Богу!» [19]), в обвинениях, предъявленных не имеющему в рок-стихотворении права голоса («Ты веришь призрачным мирам / И сам играешь в агнца» [19]). Ангелы «звучат» в произведении как темные силы – в их речи визуализируется тьма: «В бесконечной мгле тая, / Вы упавших слез след. / Среди темных птиц в стаях / Этих мертвых звезд свет» [19]. Ближе к финалу Неназываемый заключает: «Я вас сильнее всех!» [19]. Однако его последняя угроза Христу («Изувечат твоё тело, / Не найдут твоих костей!» [19]) нейтрализуется другими его словами, в которых таится не победа, а поражение: «Но зато сильнее вера... / Верь!» [19]. Такой принцип построения диалога позволяет звучать точке зрения собственно автора, констатирующего лжепобеду первичного субъекта сознания и победу Христа. В очередной раз духовно-возвышенные образы (*паства, небо, вера, агнец*) обесцениваются, так как представлены в прямо-оценочной точке зрения Неназываемого.

Субъектно-диалогическая схема рок-произведения «Иисус любит меня» («Я = Ты → Мы») демонстрирует движение лирического героя, отождествляющего себя с демоническим началом, к самоуничтожению, что проявляется *этико-эстетическим мазохизмом* [12, с. 188]: «Я толкователь сновидений, / Король червей и откровений. / Ты не отбрасываешь тени! / Я обучаюсь отчуждению... / Я сокращаю расстояния / С боязнью агнца на заклании. / Мы звезды на Страстной неделе, / И это царство привидений» [19]. Образная сфера рок-текста (*черви, тени, агнец на заклании, царство привидений, горсть пепла, сны*) позволяет визуализировать трагедию происходящего. На овладевший героем страх перед лицом экзистенциального небытия указывают множественные рефрены («Посмотри на меня!», «Иисус любит меня!» [19]) и беспомощность требовательного тона используемых «заклятий» («Меня вылечи!», «Меня научи!» [19]).

Рок-текст «Моя любимая поза» подчинен *субъектно-диалогической схеме* «Ты → Я → Мы», связан с предыдущим произведением призывом-«заклятием» «Посмотри на меня!» и подтверждает демоническое самовосприятие лирического героя рок-поэзии С. Калинина, что усиливает в нем чувство безысходности и продуцирует проявления этико-эстетического мазохизма: «Мне уже не успеть сказать! / Мне уже не спасти себя! / И мне уже не понять тебя! / Мне уже не уйти» [19]. Лирический герой готов к распятию, даже требует его, но в свое воскресение не верит и молитв от Бога не желает: «Твоя плоть не греет душу, / Твоя ложь не так глупа», «Забивай в ладони гвозди! / Воспевай мою мечту! / Не молись – все слишком поздно! / Солнце падает во тьму» [19]. Голос собственно автора, оформившего лирические «вставки» описательно-повествовательного характера, переполнен горечью неизбежной правды: «Это рай для просветленных. / Это боль для молодых» [19]. На неверие лирического героя в возможность спасти душу указывают также финальные строки произведения: «Это забытый сон, / Сон, где мне нет места» [19].

«Торжество жертвы» – произведение-кульминация рок-альбома, демонстрирующее диалог лирического героя с самим собой в момент «распятия» как принесения себя в жертву. Сюжет рок-текста определил его *субъектно-диалогическую схему*: «Я = не воскресший "Христос"». Таким образом, лирический герой С. Калинина отождествляет свои страдания с жертвой Христа: «Спрячу улыбку, ступая на камни, / Иду на Голгофу, объятый ветрами. / Разбужены стаи вновь ищущих птиц; / Я вижу презренье обманутых лиц» [19]. Однако в заключительных строках рок-стихотворения ожидаемого воскресения не происходит: «Упасть с удара плети / Всем телом на песок. / Не спас, в

меня не веря, / Мой персональный Бог» [19]. Собственно автор позволяет читателю выявить главные слова героя («персональный Бог»), которые объясняют причину его обманутых ожиданий: созданный по индивидуальному «проекту», отвечающий всем требованиям героя, «Бог» является лишь иллюзией божественного начала. Образная картина рок-текста выдержана в историко-художественном контексте (*Голгофа, ищущие птицы, презренье лиц, море, ветер, усталая душа, тело, гиены, крест, голодный разум, сон, плоть, песок*), что позволяет читателю сформировать представление о событиях, проживаемых лирическим героем.

Заключительное произведение альбома «Дети телевизора» – «Новое Тело», – субъектно-диалогическая схема которого «демоническое "Я" = Мы» указывает на масштабность духовных «деформаций», переданных на содержательно-формальном и философско-эстетическом уровнях всех произведений рок-альбома. На функционирование феномена идейно-субъектной пограничности указывает духовная двойственность собирательного образа лирического героя, говорящего от лица «Мы», поклоняющихся «пластическому хирургу», создающему тело: «Мы – звезды глупейшей из планет. / Мы – лики мироточенья», «Агнцы, послушники той Звезды, / Что падая тает», «За стенами солнечных очков, / Пугаясь дневного света, / Опять умираем день за днем / Мы в поисках нового тела», «Рожденные, чтоб стать звездой, / Светить над грешною Землей, / Летать и бегать над водой / И выходить из тела» [19]. Свою телесную выявленность собирательное «Я-Мы» надеется прекратить: «Мы ждем освобождения / Из временного тела» [19]. Образы, представленные в оформленной собственно автором картине мира (*звезды, тело, небо, крылья, агнцы-послушники, разбитые зеркала, мертвый холод, ядерная зима, цветные сны, вода, грехоискупление, освобождение, временный плен*), выполняют функцию напоминания-аллюзии, отсылки к предыдущим рок-текстам. Центральный образ-символ – *агнцы-послушники* – обретает особое значение в единстве с образом-символом *разбитое зеркало*, утверждая трагизмом эмоционального тона произведения принципиальную невозможность полного отражения «Мы» в «Я» лирического героя.

Таким образом, медийный автор является полноправным субъектом коммуникативного строя современной русской оригинальной рок-поэзии: пребывая между авторским и геройным планами, между реальным и художественным бытием, он может замещать по своему усмотрению биографического автора, собственно автора, лирического героя и героев ролевой лирики. Однако его медийно-художественная и концептуальная самопрезентация указывают на инфлюенсерный характер его ценностных ориентаций. Собственно автор почти незаметно для читателя формирует эмоциональный тон, в контексте которого душевные переживания лирического героя получают философско-эстетическую трактовку, не совпадающую с интерпретациями, предложенными медийным автором, целью которого чаще всего является мифологизация своей личности в глазах аудитории. Очевидно, что дальнейшее осмысление теоретико-методологических подходов к осмыслению рок-поэзии является перспективным направлением современной поэтики.

Список литературы:

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
2. Бахтин М. М. Философская эстетика 1920-х годов // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003.
3. Бокарев А. С. Поэтика русской лирики второй половины XX – начала XXI века: субъектная структура и образный язык: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.01.01; ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2021.
4. Вестстейн В. Г. О проблеме фиктивности лирического субъекта (на материале стихотворений Е. Шварц, О. Седаковой, П. Барсковой и С. Кековой // Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика. Berlin: Peter Lang, 2018. С. 57–65.
5. Гинзбург Л. Я. О лирике. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение. 1974.
6. Деформатор. Введение в Деформологию. Вступительные главы книги «Путеводитель по Аду повышенной комфортности». М.: Деформатор, 2008.
7. Житенев А. А. Emblemata amatoria: Статьи и этюды. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2015.
8. Корман Б. О. Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992.
9. Корман Б. О. Лирика и реализм. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986.

10. Корман Б. О. Практикум по изучению художественного произведения. Ижевск: Изд-во ИПК; ПРО УР, 2003.
11. Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: «Языки русской культуры». 1998.
12. Локтевич Е. В. Нуарный дискурс в песенной поэзии Эма Калинина: модификация романтического субъекта // Автор–текст–читатель: теория и практика анализа: Материалы Седьмых Междунар. науч. чтений «Калуга на литературной карте России». Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, 2020. С. 181–191.
13. Локтевич Е. В. Феномен демонического эстетства в современной русской рок-поэзии // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 3. С. 111–118.
14. Локтевич Е. В. Феномен идейно-субъектной пограничности в лирике начала XX века. Гродно: ЮрСаПринт, 2020.
15. Саенко Н. Р. Онтологическая поэтика пустоты. М.: Академия Естествознания, 2010.
16. Сулова Е. Субъект и субъективация в новейшей русской поэзии: подступы к типологии // Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика. Berlin: Peter Lang. 2018. С. 129–142.
17. Шталь Х. Многоипостаская модель поэтического субъекта // Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика. Berlin: Peter Lang. 2018. С. 35–55.
18. Deform: наступает новая эра, и это не конец света, а конец тьмы. URL: <https://www.vesti.ru/article/1958326> (дата обращения: 29.07.2022).
19. Deform. Тексты песен // Гуру песен. URL: <https://pesni.guru/search/deform> (дата обращения: 29.07.2022).

Белорусский государственный университет, Минск

УДК 82

Л. Г. Хорева**МОТИВ ОСКОРБЛЕНИЯ ПОКОЙНИКА В ИСПАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

В статье рассматривается зарождение и развитие мотива оскорбления покойника в литературе и культуре Испании. Галисийские и андалусские легенды, возникшие на основе кельтских и иберийских сказаний, доказывают, что оскорбление покойников в испанской культуре было обрядом инициации молодых людей, которые должны были обмануть смерть и тем самым доказать свою зрелость. В дальнейшем мотив оскорбления покойника потерял свою изначальную функцию и стал одним из ключевых мотивов донжуановского сюжета.

Ключевые слова: испанская литература; Дон Жуан; мотив оскорбления покойника; Тирсо де Молина.

L. G. Khoreva**MOTIVE OF INSULTING A DEAD MAN IN SPANISH LITERATURE**

The article deals with the origin and development of the motive of insulting a dead man in Spanish literature and culture. Galician and Andalusian legends, based on Celtic and Iberian myths, prove that insulting a dead man in Spanish culture was an initiation rite of young people who had to cheat the death and thereby prove their maturity. Subsequently, the motive of insulting a dead man lost its original function and became one of the key motives of the plot about Don Juan.

Key words: Spanish literature; Don Juan; motive of insulting a dead man; Tirso de Molina.

Мотив оскорбления покойника можно назвать самым испанским из всех существующих мотивов мировой литературы.

С. де Мадариага [3], пытаясь разгадать тайну популярности Дон Жуана, одного из самых известных архетипических героев как испанской литературы, так и мировой драматургии, приходит к выводу, что за пределами Испании этот образ становится символом коварного соблазнителя и героя-любовника, в то время как в самой Испании, которая является родиной данного образа, главным мотивом донжуановского сюжета считается именно мотив оскорбления покойника.

Тирсо де Молина [10], автор бессмертной пьесы, по его собственным словам, опирался на богатейшую народную традицию, в которой вышеназванный мотив играл первую скрипку. Д. Медина [7] и Р. Менендес Пидаль [4], исследуя корни данного мотива, соглашаются в том, что зародился он в галисийских легендах, которые весьма активно разрабатывали мотив оскорбления умершего, причем варианты оскорбления варьировались весьма широко, от нечаянного касания ногой черепа, лежащего на дороге, до намеренной насмешки и осыпания оскорблениями могил и останков умерших.

Подобный мотив появляется также в легендах Андалусии [2], но в последних, как правило, речь о нечаянном святотатстве не идет. Главный герой (как правило, юноша), еще не осознающий последствий своих поступков, открыто идет на столкновение с потусторонним миром, пиная черепа, найденные на полях, и попутно оскорбляя словесно их бывших владельцев, по сути, вызывая на поединок саму смерть.

Астурия также подарила испанскому фольклору мотивы мести мертвецов за выказанное неуважение. Одна из древних астурийских легенд описывает способность мертвецов насылать проклятие на тех, кто просто прошел мимо могил, не удостоив их каким-либо знаком внимания. Существующий до сегодняшнего дня обычай требует, чтобы случайные путники, увидев незнакомые могилы, положили на них камни и тем самым оказали уважение усопшим. В противном случае, покойники, лежащие в этих могилах, могут рассердиться и проклясть не только этого человека, но и его семью.

С мотивом оскорбления мертвеца тесно связан еще один распространенный мотив в Испании – ужин с покойником. После того, как молодой человек оскорбляет мертвеца (пинает череп, дергает за остатки бороды, волосы), он издевательски приглашает его на обед, что по своей сути является вторым оскорблением. Д. Медина [7] пришел к заключению, что мотив приглашения покойника на ужин берет свое начало в северно-западной Галисии, откуда уходит в Леон, Кастилию и восточную Галисию. В качестве основной легенды он упоминает галисийскую легенду, в которой юноша пинает ногой череп, утверждая, что тот портит ему вид, а позже издевательски приглашает его к себе на ужин. Далее следует визит мертвеца, ответное приглашение и смерть насмешника. Рассматривая мотив ужина с покойником, Д. Медина отмечает культурологическую традицию Испании: люди,

принимающие пищу за одним столом, не могут быть врагами. Убийство того, с кем ты ел за одним столом, недопустимо, именно поэтому в галисийской легенде покойник, как правило, отказывается от предложенного угощения в доме насмешника.

Отдельно стоит отметить тот факт, что оскорблять можно далеко не каждого покойника. Отметим, что все легенды и предания испанского фольклора совпадают в том, что молодые люди находят черепа и останки на дороге или в поле. Никто из них не идет на кладбище, где покоятся добропорядочные соплеменники. Этот факт для нас любопытен, если учесть то обстоятельство, что дорога в испанской культуре считалась местом зла, где можно было встретить посланцев ада чаще, чем ангелов. Черепа, найденные на дороге или прилегающих к ней полях, скорее всего, принадлежали разбойникам и грабителям, которых не хоронили на кладбищах.

Эту теорию подтверждает одна из легенд, в которой череп, вздыхая, говорит юноше, что если он не одумается и не встанет на путь исправления – почитание родителей, честный заработок и уважение соседей, то закончит плохо, он рано погибнет, его откажут хоронить, у него не будет даже могилы, а его кости будут пинать самонадеянные юнцы, надеющиеся таким образом заявить о своем превосходстве над смертью и добиться уважения в обществе. Но, повторимся, ни один юнец никогда не оскорблял покойника, который пользовался уважением соплеменников при жизни. За подобное оскорбление молодой человек мог поплатиться собственной жизнью, о чем опять-таки предупреждают погибшие разбойники. В ряде легенд галисийского фольклора черепа, лежащие на дорогах, сообщают, что рядом в полях есть неуспокоенные останки честных воинов, которые не были найдены и потому не преданы земле надлежащим образом. Молодые люди, прежде чем пнуть череп ногой, часто рассуждают о том, кому он может принадлежать, и только придя к выводу, что это, скорее всего, череп разбойника, уже не боясь далеко идущих последствий, отбрасывают его с дороги.

Попутно стоит отметить, что в Испании с давних времен сложилось особое отношение к смерти, которое в корне отличается от общеевропейского. Кельтские и иберские племена настолько часто сталкивались со смертью, что в конце концов персонифицировали ее и сделали неотъемлемой частью своего фольклора, а также создали огромное количество ритуалов, в конце которых участников ждала не бутафорская, а реальная смерть. Часть ритуалов – танцы с огнем, игры с быками, пастушьи соревнования – прыжки с шестами с высоких скал – дошли до наших дней. Люди намеренно играли со смертью и радовались, когда удавалось ее обмануть и остаться в живых. Смерть перестали бояться, она становилась чем-то обыденным, вполне привычным, ее часто представляли в образе молодой или моложавой красивой женщины, которая приходит за своей жертвой, но одновременно приписывали ей вполне человеческие привычки и пороки. Смерть можно было усыпить, обмануть, обыграть в карты. Она не принадлежала к пантеону богов, перед которыми трепетали. Этот мотив – обман смерти – чаще всего возникает в андалусском фольклоре, там же мотив оскорбления покойника приобретает новое звучание и новую функцию – инициацию молодого человека, который готов уйти из родного дома и заявить о своих правах на самостоятельную жизнь. Начало новой жизни должно быть ознаменовано победой над смертью, а для того, чтобы ее вызвать, надо было оскорбить ее вассалов, то есть умерших. Именно этот факт становится основным генератором огромного количества легенд о молодых людях, оскорбляющих умерших. Здесь же впервые появляется мотив оскорбления не только умершего разбойника или грабителя, но и добропорядочного представителя общества. Именно в андалусской легенде беспутный юноша, понадеявшись на удачу и не желая далеко уходить от дома, отправляется на кладбище и там выказывает насмешку и неуважение недавно покинувшему этот мир отважному воину. Финал жизни юноши плачевен. Оскорбленный воин встает из могилы и жестоко наказывает насмешника. Новый вариант мотива оскорбления начинает широко распространяться в фольклоре, однако цель его уже иная: не инициация нового члена общества, а предупреждение молодым людям, кто легкомысленно относится к силе и возможностям загробного мира.

При этом стоит отметить, что насмешка над смертью и умершими характерна исключительно для молодежи, для представителей других поколений смерть и умершие являются исключительно объектом уважения и почитания. Испания и страны Латинской Америки с давних времен и до сегодняшнего дня удивляют и поражают иностранцев своим отношением к умершим. День мертвых в Испании официально является выходным днем. В этот день все испанцы стараются посетить могилы предков, помыть и украсить могильные плиты. Культ Святой Смерти стал масштабным культурным и религиозным явлением в ряде стран Латинской Америки. В Мексике в этот день принято доставать из склепов кости покойников, очищать их, иногда покрывать лаком и снова помещать в склеп в новой коробке. Во всех испаноязычных странах существует поверье, что забвение умерших является

непочтительным отношением к ним и может быть жестоко наказано. В странах Латинской Америки границы между мирами живых и мертвых прозрачны как нигде. В Боливии, Перу, Колумбии, той же Мексике нередко можно встретить домашние алтари, где стоят настоящие (не бутафорские) черепа, которым вяжут каждый год новые шапочки и ставят угощение. Люди верят, что души умерших не покидают родных стен и ждут уважительного к себе отношения. Те же, кто не исполняет предписанных традициями правил, обрекают и себя, и своих родственников, живых и мертвых, на безрадостное существование. Но, опять-таки, эти правила относятся только к тем умершим, которые заслужили уважительное отношение к себе, и не распространяется на тех, кто вел недостойный образ жизни.

Учитывая вышеперечисленные культурные особенности, мы можем констатировать тот факт, что мотив оскорбления покойников был ритуальным явлением, который в XVI–XVII столетиях утрачивает первоначальный смысл и уходит в художественную литературу, где вкупе с другими мотивами – соблазнения знатной дамы, мести оскорбленного покойника – образует сюжет, вошедший в историю литературы как донжуановский. Обратимся к одному из первых литературных текстов, который французский исследователь Луи Виардо [6] относит к народным легендам, хотя и признает, что текст носит следы литературной обработки. Речь идет о наказании некоего Хуана Тенорио, известного севильского повесы, который ради шутки соблазняет дочь известного севильского дворянина, дона Гонсало. Отец обезбещенной безымянной девушки узнает о случившемся, вызывает дону Хуана на поединок, во время которого погибает. Тело дон Гонало хоронят в семейном склепе в монастыре францисканцев. Монахи, узнав о случившемся, а также о том, что дон Хуан похваляется убийством Командора, назначают ему тайную встречу, во время которой его убивают, а тело оставляют около склепа дон Гонало. На следующий день, во время проповеди, жителям Севильи было объявлено, что грешник дон Хуан поплатился за насмешки над покойным доном Гонало, надгробная статуя которого ожила и покарала своего убийцу.

В этом тексте, одном из первых, который разрабатывает донжуановский сюжет, мы видим первое приближение к тому мотивному комплексу, который в дальнейшем станет его визитной карточкой. Но этот текст еще испанский в полном смысле этого слова. Мы видим, что мотив оскорбления здесь первостепенен, хотя в сюжете появляется второй важнейший мотив (соблазнение дочери Командора), но здесь он еще в зачаточном состоянии. У героини даже нет имени, по сути, она не так уж и важна. Ее образ нужен исключительно для того, чтобы подчеркнуть недостойное поведение дон Хуана. Сцены знакомства с девушкой и ее соблазнения также отсутствуют. О том, что случилось, мы узнаем со слов самого дон Хуана. Все пространство текста отдано под поединок дон Хуана и дон Тенорио, а также беседу монахов, решивших наказать дворянина именно за убийство и последующую насмешку над добропорядочным Командором. Заметим, что о других грехах дон Хуана речи не идет. Повторим еще раз, из всего донжуановского комплекса мотивов именно мотив оскорбления покойника здесь играет ключевую роль.

Фактически первым авторским текстом, который включает мотив оскорбления покойника в свою структуру, становится пьеса Хуана де ла Куэвы «Комедия о клеветнике» [6], которая была поставлена в театре Севильи в 1580-х гг. Главный герой пьесы – юный дворянин Леусино – привык получать все от жизни. Однако первая красавица города, гордая Элиодора, отказывает Леусино во взаимности. Уязвленное самолюбие юнца заставляет его моментально забыть о нежных чувствах, которые он питал к красавице, отныне Леусино полон жадной мщениия. Он клеветает на Элиодору, обвиняя ее практически во всех смертных грехах – прелюбодеянии, убийстве, воровстве. Завершает список злодеяний Леусино оскорбление умершего родственника Элиодоры. Последний, не стерпев такого преступления, встает из могилы и увлекает подлого Леусино за собой, заставив смертью заплатить за все злодеяния. Известие о страшной смерти Леусино тут же распространяется по всему городу, девушка оправдана, так как все видят божий промысел в случившемся. Как и в анонимных текстах этой эпохи, автор сосредотачивает свое внимание именно на финальных эпизодах. Несчастье Элиодоры пересказывают друг другу герои пьесы, но оскорбление покойного родственника несчастной девушки, его мистическое воскрешение и наказание Леусино расписано детально и занимает большую часть пьесы. Рассматриваемый нами мотив становится смыслообразующим для всей пьесы и держит в напряжении зрителей пьесы. Женские персонажи, как и в предыдущих случаях, схематичны и лишены индивидуального начала.

Тирсо де Молина, драматург и монах ордена мерседариев, неоднократно посещал Севилью по делам своего ордена. Возможно, что во время одного из визитов он услышал легенду о беспутном доне Хуане, хотя нельзя исключать, что фольклорные тексты также были ему широко известны. Как

бы то ни было, в 1630 году Тирсо де Молина публикует одну из лучших своих пьес под названием «Севильский озорник, или Каменный гость» [10], которая станет базовой основой для всех авторов, развивающих этот сюжет. В пьесе Тирсо де Молина также наблюдается доминирование мотива оскорбления мертвеца. Как и в предыдущей пьесе, женские образы лишены индивидуальности, их присутствие обусловлено необходимостью подчеркнуть безнравственность дон Хуана, который играя соблазняет женщин и подставляет при этом под удар знакомых и незнакомых ему людей. Мотив оскорбления покойника здесь также становится смысловым центром всей пьесы. Убив дон Гонсало, который пытался защитить честь своей дочери, донья Анны, дон Хуан идет на кладбище, где дергает статую за бороду, насмешливо приглашая старика к себе домой.

Вечером, когда каменный гость приходит на ужин, слуга Каталинон, будучи в ужасе от всего происходящего, пророчит дону Хуану наказание за все его насмешки. Статуя командора, отведав угощение, приглашает дон Хуана на ответный ужин на кладбище. Дон Хуан, не желая прослыть трусом, в назначенный час приходит на кладбище, где уже накрыт стол, севильскому насмешнику поданы жабы и змеи, вместо вина – уксус и желчь. В конце ужина каменная рука Командора сжимает руку дон Хуана, последнего охватывает дьявольское пламя, и он проваливается в преисподнюю.

В этой пьесе мы видим, что мотив оскорбления покойника расширяется. Помимо произнесения оскорбительных слов, здесь значительное место отведено двойному приглашению на ужин. Не только насмешник приглашает убитого им командора отобедать, но и сам Командор, пользуется этим приемом, чтобы заманить грешника к себе на кладбище и там покарать его. Отметим, что двойное приглашение на ужин редко присутствовало в фольклоре, только дважды появившись в галисийских легендах.

Тирсо де Молина, как представитель католической церкви, делает акцент на греховной природе поступков дон Хуана, подчеркивая неотвратимость наказания за нарушение библейских заповедей. Беспрерывный перечень недостойных поступков дворянина, представителя благородного древнего рода, призвана доказать читателю простую истину: даже высшее сословие не властно над решением Божьего суда, исполнителем которого выступает каменная статуя безвинно погибшего Командора. Мотив оскорбления покойника в данной пьесе свидетельствует о неотвратимости божественного наказания отъявленных грешников. Тот факт, что палачом выступает ожившая статуя убитого, значительно усиливает драматический эффект. Не случайно этот эпизод был с легкой руки Тирсо де Молина включен в книги церковных примеров, которые активно использовались католическими священниками для того, чтобы разнообразить проповеди живыми примерами и воздействовать на сознание паствы яркими и действенными картинами.

Сам же Тирсо де Молина неоднократно обращался к этому мотиву как в религиозных, так и светских своих сочинениях. Трехчастная пьеса «Санта Хуана» также разрабатывает подобный сюжет, здесь же, как и в «Севильском озорнике», мы наблюдаем превалирование той же модели – введение мотива оскорбления покойника как последней капли, переполнившей чашу терпения высшего суда. Точно также главный герой, похваляясь многочисленными грехами, идет на кладбище, где открыто смеется над отважным воином, который карает его не столько за свою смерть, сколько за все совершенные поступки. Совпадение мотивов весьма значимо, поскольку свидетельствует об их популярности. Использование данного сюжета, с одной стороны, свидетельствует о его высокой востребованности в испанской литературе XVII столетия, с другой стороны, является доказательством формирования литературной традиции данной эпохи – работы с готовым словом в рамках риторической культуры. Напомним, что риторическая культура XVII столетия активно разрабатывает следующую схему: субъект – текст – окружающая действительность. Именно текст становится медиатором между человеком и окружающим его миром, помогая правильно выстроить ориентиры и сформировать моральные ценности. Здесь следует помнить, что Испания в XVII веке находилась под сильнейшим влиянием католической церкви, постулаты которой обусловили знаковые темы испанской литературы – быстротечность мирской жизни, неотвратимость наказания за совершенные деяния, значение своевременного раскаяния и спасения души. В этом смысле дон Хуан являет отрицательный пример того, каким не должен быть человек с точки зрения католической церкви.

Однако образ дон Хуана и мотив оскорбления покойника отражают и другую традицию, которая весьма активно развивается в этот период, – карнавализацию культуры. Как того требует карнавальная традиция [1], культурные ценности и антиценности меняются местами, вместо почитания умерших во время карнавала принято открыто насмешничать над ними, что и делает Дон Хуан, который, по сути, становится персонифицированной маской карнавального шествия. В пьесе Тирсо де Молина мы не видим истинного лица главного героя, хотя именно он и является главным стержнем

пьесы, все остальные действующие лица существуют только для того, чтобы стать пешками в его игре. Маска – в прямом и переносном смысле – становится его сутью, которая подчеркивает карнавальный характер пьесы. Утопическая свобода карнавала меняет местами веками установленные традиции, верх и низ меняются местами, так что оскорбление покойника становится обратной стороной его глубокого почитания. В этой же пьесе впервые мотив оскорбления окончательно теряет черты обряда инициации и демонстрирует появление зачатков психологизма. Дон Хуан неоднократно слышит предупреждение о смертной каре за свои проступки из уст отца, Тисбеи, Каталинона, Командора, но безрассудно отвергает смерть, наслаждаясь доступными ему удовольствиями, осознанно противопоставляя себя обществу и прямо сообщая об этом Командору. Таким образом, мотив оскорбления покойника здесь имеет еще одну функцию – открытый мятеж и противопоставление себя Богу, смерти, обществу. В таком контексте мотив оскорбления покойника будет прочитан в пьесе драматурга XVII столетия Алонсо де Кордобы «Месть в склепе» (точная дата публикации неизвестна), однако здесь мотив оскорбления покойника уже теряет лидирующие позиции в развитии сюжета, уступая пальму первенства любовным мотивам. Главный герой уже не просто неразумный юноша, прожигающий жизнь и не задумывающийся о последствиях своих поступков. Он начинает задавать себе вопросы о лицемерности общества и впервые в истории развития данного мотива открыто насмехается над Командором как над человеком, прожившим всю жизнь во лжи и фальши.

Подобная интерпретация данного мотива будет востребована в XIX веке, в произведениях испанских романтиков Х. Эспронседы и Х. Соррильи, которые также видят в подобных поступках молодых людей не святотатство, а нежелание примириться с лицемерными традициями общества.

Драма Х. Соррильи «Дон Хуан Тенорио» (1858) [6] предлагает прочесть мотив оскорбления покойника в романтическом и карнавальном ключах. Дон Хуан здесь не треплет бороду статуи, не пинает останки, он ограничивается приглашением каменной статуи на ужин. Как такового оскорбления в прежнем понимании этого слова здесь нет. Но Каменный гость оскорблен, его оскорбляет распутное поведение Дона Хуана по отношению к донье Анне, дочери Командора, и Донье Беатрис, хотя здесь мы наблюдаем ту же карнавальную игру, что присутствовала в пьесе Тирсо де Молины. Дон Хуан и его приятель дон Луис заключают пари, по условиям которого Дон Хуан должен будет соблазнить донью Беатрис, которая живет послушницей в монастыре, а заодно и невесту самого дон Луиса, донью Анну. Свидетелями пари становятся фактически все участники пьесы, чьи лица скрыты за масками. В их числе находится и Командор. Этот эпизод напоминает о карнавальном характере пьесы и ее интерпретации в этом ключе. В финале пьесы, когда Дон Хуан уже понимает, каким будет его приговор, он внезапно раскаивается в содеянном и спасает свою душу.

Спасение души в карнавальной картине мира означало ее погибель, что отвечало первоначальной цели данного мотива: оскорбление загробного мира, покойника и самой смерти не могло пройти безнаказанным.

Однако мотив искреннего раскаяния перед лицом неминуемой смерти от руки оскорбленного покойника становится популярным, следующие авторы активно используют его в своих произведениях, к тому же он ложится в основу легенды о Доне де Миньяре, которую подхватили впоследствии в своих произведениях П. Мериме и А. Дюма.

Дон де Миньяр прославился тем, что в юности вел крайне распутный образ жизни, но после одного мистического случая раскаялся и ушел в монастырь, посвятив остаток жизни благим делам. Народная молва связала воедино имена Дона Хуана и Дона де Миньяра, а оскорбление покойника и его месть воспринимали уже как один из неисповедимых путей господних о принятии христианских ценностей закоренелым грешником. Новые Командоры уже не так мстительны, одноименный герой пьесы К. Серрано [6] утверждает, что его цель – добиться раскаяния грешника, а вовсе не его смерти.

С этого момента мотив оскорбления покойника и его страшная месть в испанской литературе окончательно теряет свои лидирующие позиции в пьесах. В XX веке Командор как антагонист Дона Хуана, олицетворяющий идею наказания-смерти за пренебрежение вечными ценностями, а также являющийся символом загробного мира, противостоящего миру посюсторонних радостей и удовольствий, становится совершенно невостребованным. Мотив оскорбления покойника и его последующей мести часто исключается драматургами и писателями даже из тех сюжетов, где он играл ключевую роль.

В тех же пьесах, где он появляется, этот мотив подвергается полному переосмыслению. Так, пьеса Х. М. Дотреса «Роман Осорио» (1907) [5] подвергает мотив оскорбления покойника травестийному переосмыслению, делая Командора объектом осмеяния и насмешки. В модернистской и постмодернистской литературе Командор также предстает комедийным персонажем, готовым наказать

каждого ловеласа буквально за все их проступки – за плохие стихи, громкий голос, за проигранные политические выборы. В пьесе М. де Пины «Пропавший Хуан» (1996) [9] Командор представлен малообразованным провинциалом, чьи представления о жизни безнадежно отстали. Его ворчание вызывает смех, но никак не благоговейный страх, который испытывал зритель три столетия назад.

Драматические произведения последней четверти XX века – начала XXI века фактически нивелируют данный мотив, сосредоточившись исключительно на истории жизни Дона Хуана. Цель современных драматургов – понять причины поведения знаменитого соблазнителя, в связи с чем на сцене появляются родители Дона Хуана, его друзья и соседи. Образ Командора, его оскорбление и его месть окончательно становятся рудиментом в современной литературе, что порождает новые поиски национальных мотивов и связанной с ними национальной идентичности в Испании конца XX столетия.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990.
2. Легенды и предания Испании. М.: Высшая школа, 2004.
3. Мадариага С. де. Дон Жуан как европеец // Вожди умов и моды: Чужое имя как наследуемая модель жизни. СПб.: Наука, 2003. С. 312–333.
4. Менендес Пидаль Р. Избранные произведения. М.: Издательство художественной литературы, 1961.
5. Dotres J. M. Roman Osorio // Camaval en noviembre. Parodias teatrales de Don Juan Tenorio / ed. de Carlos Serrano. Alicante: Institute de cultura Juan Gil-Albert, 1996. Pp. 315–358.
6. Madariaga S. de. La don-juania o Seis Don Juanes y una Dama // Salvador de Madariaga. Don Juan y la don-juania. Teatro. Buenos Aires: Editorial Sudamericana, 1950. Pp. 43–90.
7. Medina D. Recurrencia del tema del Don Juan: Hipotesis en tomo a la teoria literaria // Filologia i Linguistika. 1991. № 17. Pp. 39–46.
8. Pina Bohigas M. Juan el Perdio // Camaval en noviembre. Parodias teatrales de Don Juan Tenorio / ed. de Carlos Serrano. Alicante: Institute de cultura Juan Gil-Albert, 1996. Pp. 73–116.
9. Tirso de Molina. El Burlador de Sevilla y Convidado de piedra // Tirso de Molina. Obras dramaticas completas / ed. por Blanca de los Rios. Tomo II. Madrid: Aguilar, 1962. Pp. 634–686.

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

УДК 821.161.1

А. А. Чевтаев
«РЫЦАРСКАЯ» ИПОСТАСЬ НОВОГО АДАМА В ТВОРЧЕСТВЕ Н. С. ГУМИЛЕВА
(О ПОЭТИКЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «РЫЦАРЬ С ЦЕПЬЮ»)

В статье предлагается рассмотрение образа «рыцаря» как воплощения «адамических» смыслов в раннем поэтическом творчестве Н. Гумилева. Стихотворение «Рыцарь с цепью», включенное поэтом в состав книги «Жемчуга», свидетельствует, что «рыцарская» ипостась лирического «я» оказывается интегрирована в построение мифа о новом Адаме, который совмещает в себе неоромантические и библейские черты. «Рыцарь» Н. Гумилева стремится максимально полно реализовать в своем бытии «адамические» возможности – онтологически преобразить универсум и явиться ценностным мериллом противостояния земного и небесного начал.

Ключевые слова: Н. Гумилев; «адамизм»; мифопоэтика; рыцарство; художественная символика.

A. A. Chevtsev
THE «KNIGHT» HYPOSTASIS OF THE NEW ADAM IN THE WORKS BY N. S. GUMILEV
(ON THE POETICS OF THE POEM «KNIGHT WITH A CHAIN»)

The article considers the image of «the knight» as the embodiment of «adamic» meanings in the early poetic work by N. Gumilev. The poem «The Knight with the Chain», included by the poet in the book «Pearls», shows that the «knight» hypostasis of the lyrical «the self» is integrated into the construction of the myth of the new Adam, which combines neo-romantic and biblical features. N. Gumilev's «the knight» strives to fully realize the «adamic» possibilities in its human being – to ontologically transform the universe and to be axiological measure of the confrontation between the earthly and heavenly principles.

Key words: N. Gumilev; «adamism»; mythopoetics; knighthood; artistic symbolics.

Одной из ключевых мировоззренческих и эстетических характеристик акмеизма является постулируемое его творцами «адамистическое» видение бытия. В акмеистических статьях-манифестах 1913 года Н. С. Гумилева «Наследие символизма и акмеизм» и С. М. Городецкого «Некоторые течения в современной русской поэзии» под «адамизмом» прежде всего понимается реорганизация миропорядка и его преобразование по-новому осмысленным поэтическим словом. Создатели-идеологи акмеизма определяют мифологемой нового Адама, призванного вскрыть сущность тварного мира в единстве его естественно-природных и духовных воплощений, возможность и необходимость вернуть универсуму его изначальную бытийную целостность.

В художественной практике поэтов-акмеистов «адамизм» воплощается по-разному, вызывая потребность в градации и дифференциации «адамистических» проявлений в поэтике русского акмеизма. Идеология обновления и стихийной реорганизации слова и бытия, определяемая «адамизмом», в наибольшей степени проявилась в творчестве С. Городецкого, М. А. Зенкевича и В. И. Нарбута – поэтов предельно внимательных к разнообразной архаике и разветвленным сюжетам первобытности [21].

Гумилевский «адамизм», в котором на первый план выдвигаются «мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь» и требование «большого равновесия сил и более точного знания отношений между субъектом и объектом, чем то было в символизме» [5, с. 147], изначально нацелен на формирование индивидуально-авторской мифосистемы. В ее центре должен находиться не просто Адам-«обновитель», но Адам-«творец» – тот, кто способен по-настоящему, творчески преобразить миропорядок. Как убедительно доказывает А. В. Филатов, миф об Адаме у Н. Гумилева обладает интегративными свойствами, превращаясь из «адамистической» в «адамическую» концепцию мира [17; 18]. В этой концепции значима не первобытность «взгляда» на бытие, а смысловая целостность существования человека в ценностном единстве всех его мифологических, исторических, современных и провиденциально полагаемых ипостасях. Поэтому «Адам для Гумилева не только первый поэт и носитель мироощущения адамизма <...>, но и универсальный мифологический прототип для героев лирики» [17, с. 142]. Мифологизация Адама как инварианта человеческого «я» в его стремлениях освоить бытие, очевидно, выходит за пределы собственно акмеистической парадигмы творческого самосознания и свидетельствует об индивидуации «адамизма» в гумилевской поэзии.

Окказиональный путь к постижению Адама как антропологической основы человеческого «я» эксплицируется в доакмеистической лирике Н. Гумилева и потому оказывается неразрывно связанным с опытом символизма. В третьей книге стихов «Жемчуга» (1910), маркирующей начальный этап перехода гумилевского творческого сознания от символистского неоромантизма к акмеистическому мировидению, «адамизм» предстает в качестве одного из ключевых параметров мифопоэтики. Сохраняя приверженность константам символизма, Н. Гумилев акцентирует движение лирического сознания к иным ориентирам бытия, контуры которых еще не вполне ясны, но уже обозначены. Именно Адам становится героем-поводырем и героем-деятелем, с которым связана онтологическая инициация «я» – переход от бытийных спекуляций о потустороннем мире к данности «посюсторонней» реальности. Поэтическое «я», раскрывая опыт волевого освоения мироздания посредством широкого спектра лирических «масок» (воина, жреца, читателя-эстета, любовника, путешественника), явно тяготеет к постулированию микрокосма Первочеловека как точки отсчета для всех последующих реализации человечества в макрокосме. В структуре «Жемчугов» представлен ряд стихотворений, актуализирующих ветхозаветный контекст «адамизма». «Адам» (1910), «Потомки Каина» (1909) и «Сон Адама» (1909) репрезентируют различные аспекты существования Первочеловека и следствия его грехопадения. Как замечает Ю. В. Зобнин, гумилевская рефлексия над сущностью Адама представляет «попытку эстетического выражения результатов духовного созерцания исторического бытия человечества» [7, с. 210]. Соответственно, «адамизм» Н. Гумилева, формирующийся гораздо раньше акмеистического мировидения, оказывается сопряженным не столько с идеей возвращения к бытийным первоистокам, сколько с уяснением траектории онтологического движения человека от «эдемской» гармонии через ее нарушение к историческим перспективам ее восстановления. Инициация личности в лирике Н. Гумилева своим сокровенным результатом предполагает обретение того равновесия, которое было некогда утрачено, но память о котором живет в человеке и определяет его стремление преобразить трагизм наличествующего бытия.

Поэтому нам представляется возможным рассматривать в «адамическом» аспекте не только образ Адама, но и различные ипостаси и «маски» гумилевского поэтического «я», на которые проецируется «адамический» инвариант постижения жизни и смерти. Одним из принципиально значимых вариантов репрезентации «адамизма» оказывается постулирование «рыцарской» ипостаси лирического героя, которая в поэзии Н. Гумилева обладает статусом тематической и субъектно-образной константы.

Вопрос о специфике «рыцарства» в гумилевской поэзии достаточно часто поднимается в «гумилеведении». Образ «рыцаря» и рыцарская тематика, как правило, рассматриваются или в контексте творческой рецепции Н. Гумилевым культуры и истории европейского средневековья [11; 12; 14, с. 95–98], или в аспекте духовного самоопределения лирического сознания поэта [6; 8, с. 33–36; 15]. Существующие исследования показывают, что в гумилевском творчестве «рыцарство» является не просто тематической реализацией неоромантического идеала, но мощным инструментом построения индивидуально-авторского мифа о духовном преображении личности. В лирике Н. Гумилева «тема рыцарства» оказывается «понятой <...> не отвлеченно-декоративно, а со всей философской и религиозной ответственностью и полнотой» [8, с. 34] и способствует углублению поисков онтологического равновесия между внутренним и внешним аспектами человеческого бытия.

Несмотря на акцентирование смысловой глубины «рыцарской» образности в произведениях поэта, до сих пор она не рассматривалась в контексте «адамизма». Однако «рыцарь» Н. Гумилева обнаруживает «адамические» черты и имплицитно встраивается в миф об Адаме, призванном преобразить миропорядок. В традиционной мифопоэтике «рыцарь» олицетворяет духовное начало, подчиняющее себе материально-телесное. Он «должен овладеть своим телом и духом, чтобы <...> приготовить то и другое к задачам управления и контроля над реальным миром» [9, с. 375]. «Рыцарская» стезя сопряжена, с одной стороны, с жизненной аскезой, позволяющей отыскать тождество между земным и небесным началами бытия, а с другой – с духовным восхождением / преображением «я» в процессе волевого освоения реальности. Бытийный маршрут «рыцаря» символизирует «путешествие души в этом мире, с его соблазнами, препятствиями, испытаниями, проверкой характера и продвижение к совершенству», и потому «рыцарь» отождествляется с «иницируемым» [10, с. 284]. Такое понимание «рыцарского» пути соотносится с гумилевским представлением об «адамическом» пути человечества в пространственно-временных координатах мировой истории, и поэтому на образ «рыцаря» вполне проецируется мифологема Адама.

Целью данной статьи является рассмотрение репрезентации в поэзии Н. Гумилева «рыцарской» ипостаси лирического героя как одной из граней воплощения «адамического» мифа. Так как концептуальное оформление гумилевского «адамизма» совершается в поэтике книги «Жемчуга», мы сосредоточим внимание прежде всего на структурно-семантической организации стихотворения «Рыцарь с цепью», вошедшего в состав данной книги и согласующегося с построением мифа об Адаме. Несмотря на очевидную укорененность этого текста в символистскую поэтику, в нем эксплицируются и идеологема обновления человеческого «я», намечающая контуры будущего акмеизма, и мифологизированное видение смыслов исторического движения личности.

В «Жемчугах», в которых воинские и любовные деяния выдвигаются на первый план не только как мотивно-сюжетные индексы неоромантизма, но и как событийные параметры осмысления гумилевским лирическим субъектом антиномичности земного и небесного измерений бытия, «рыцарская» «маска» лирического «я» определяет его устремленность к иным духовным горизонтам. «Идеальный» статус «рыцаря» как носителя неоромантической системы ценностей здесь, с одной стороны, сопрягается с опытом приобщения к смерти и inferнальной области мироздания, а с другой – свидетельствует о попытках соединить профанный и сакральный модусы земного существования в единую картину мира и тем самым утвердить «адамическое» переживание полноты тварного универсума.

Представляется, что, несмотря на внешнее отсутствие каких-либо «адамических» сигналов в структуре текста, именно в стихотворении «Рыцарь с цепью» обнаруживаются значимые для Н. Гумилева параметры построения индивидуального мифа об Адаме, свидетельствующие о смысловой интеграции «рыцарской» ипостаси лирического «я» в формирующуюся концепцию «адамизма». Конечно, написанное весной 1908 года, данное стихотворение сопрягается с символистским осмыслением образа «рыцаря» и находится за пределами «адамической» поэтики Н. Гумилева, целенаправленное становление которой начинается в 1909 году. Более того, изначально поэт весьма критично оценивает созданный им текст, о чем прямо заявляет в письме к В. Я. Брюсову от 09/22 апреля 1908 года: «"Рыцарь с цепью" мне нравится мало: он какой-то легкомысленный» [13, с. 318]. В свете такого первоначального пренебрежения стихотворением особую важность приобретает его последующие включения Н. Гумилевым в состав обеих редакций «Жемчугов» – 1910 и 1918 года, причем и в первом, и во втором изданиях этот текст маркирует сюжетный поворот в развертывании единой смысловой структуры книги. Думается, что такая перемена в восприятии поэтом «Рыцаря с цепью» во многом обусловлена интеграцией его в складывающийся миф об Адаме.

Смысловой центр данного стихотворения образует идеологема обновления. В редакции «Жемчугов» 1910 года «Рыцарь с цепью» открывает 3-й раздел книги «Жемчуг розовый», эксплицируя выход гумилевского «я» к обретению новых ценностей: неоромантическая отдаленность от реальности сменяется стремлением к целостности мироздания. «Рыцарская» ипостась лирического героя маркирует начальную точку его вхождения в по-новому постигаемый универсум:

Слышу гул и завыванье призывающих рогов,
И я снова конквистадор, покоритель городов [2, с. 182].

Традиционный знак «рыцарского» погружения в стихию героических свершений («призывающие рога») здесь становится маркером возрождения лирического «я», возвращающегося к былому «пути конквистадоров». Актуализация «конквистадорской» лирической «маски», во-первых, восстанавливает связи нового самополагания героя с его изначальной неоромантической автопрезентацией, воплощенной в «визитной карточке» ранней поэзии Н. Гумилева – стихотворении «Я конквистадор в панцире железном...» (1905), а во-вторых, в структуре «Жемчугов» устанавливает диалог данного текста со «Старым конквистадором» (1908), помещенным во 2-й раздел книги и эксплицирующим жизненный итог персонажа-воина [20]. Соответственно, возвращение / возрождение героических смыслов движения «я» в мире определяет вектор сюжетного развертывания рассматриваемого стихотворения.

Лирический герой сообщает о своем былом «падении» и забвении героики жизни, тем самым подчеркивая темпорально-аксиологическую оппозицию «профанное прошлое – сакральное настоящее»: «Словно раб, я был закован, жил, униженный, в плену / И забыл, неблагодарный, про могучую весну» [2, с. 182]. «Плен» в прошлом и «гул рогов» в настоящем индексируют противопоставленные этапы жизненного пути героя-«рыцаря» – утрату подлинных смыслов бытия и их восстановление, сопряженные с действием в мире «весенних» сил. «Весна» являет собой сверхчеловеческое начало,

преображающее человеческое «я» и возвращающее ему ощущение витальной полноты самоосуществления в макрокосме. «Весеннее» измерение универсума, в персонификации которого обнаруживаются явные «женственные» коннотации, маркирует обретение героем свободы, тождественной избытанию прежних – ложных ценностей:

А она пришла, ступая над рубинами цветов.
И, ревнивая, разбила сталь мучительных оков [2, с. 182].

«Весна» здесь предстает в очевидном символистском понимании ее сущности – не как природное время, а как мифопоэтический знак онтологического восхождения к мировой гармонии. В этом отношении гумилевская «весна» обнаруживает явное родство с «весенней» символикой А. А. Блока, в которой на первый план выдвигается именно значение гармонизации мира и принятие его целостности (ср.: «О, весна без конца и без краю – / Без конца и без краю – мечта! / Узнаю тебя, жизнь! Принимаю! / И приветствую звоном щита!» [1, с. 185]). Такая укорененность знаковой системы стихотворения в поэтику символизма определяет способ сюжетной репрезентации возрождающейся «рыцарской» ипостаси лирического «я»: его движение осуществляется в предельно отвлеченных пространственных координатах, обозначающих витальную неизбежность макромира. При этом акцентируются целительные возможности пространства, способствующие восстановлению бытийных сил «рыцаря»:

Я опять иду по скалам, пью студеные струи,
Под дыханьем океана раны зажили мои [2, с. 182].

Именно символический приход «весны» определяет возвращение героя на путь волевого освоения мира и его готовность к новым героическим свершениям. Утверждаемая здесь идеологема ценностного преобразования лирического «я» согласуется с неоромантическими представлениями раннего Н. Гумилева, однако при этом в смысловой структуре данного текста проступают явные «адамические» коннотации. Конечно, их возникновение и возможность выявления обусловлены контекстом книги «Жемчуга», в концепции которой Адам постулируется в качестве инварианта человеческой самоактуализации в земном измерении миропорядка. В гумилевском построении «адамического» мифа в равной степени значимы и общая для концепции акмеистического «адамизма» идея онтологического обновления универсума посредством нового Адама, и христианское учение о двух Адамах – ветхозаветном Первочеловеке и новозаветном Спасителе. Стихотворение «Рыцарь с цепью» соотносится с обоими аспектами гумилевского «адамизма».

Эксплицированная семантика возрождения / преобразования лирического «я» прежде всего наделяет гумилевского «рыцаря» статусом реорганизатора бытийных смыслов, который, подобно Адаму, давшему имена всему сущему, своими деяниями призван вернуть миру естественность и чистоту. Предельная редукция в сюжете стихотворения традиционных для «рыцарской» поэтики мотивов – воинских свершений и любовного служения – свидетельствует, что «рыцарь» здесь является не столько самодостаточной «маской», сколько неоромантически представляемым принципом взаимодействия с миром. Стремление познать бытие в его витальной полноте («стudenые струи», «дыханье океана») обуславливает путь героя, освободившегося от прежних и принявших новые ценностные установки. Не переживание трагичного распада микрокосма и макрокосма, а поиск целостности определяют движение возрожденного «рыцаря». «Неизвестная страна», которая акцентирована в финале стихотворения и которую предстоит постичь лирическому «я», оказывается символом универсума, освобождаемого от ложных смыслов и предстающего в своей тварной первозданности:

Но, ступая, обновленный, в неизвестную страну,
Ничего я не забуду, ничего не прокляну

И чтоб помнить каждый подвиг, – и возвышенность, и степь, –
Я к серебряному шлему прикую стальную цепь [2, с. 182].

Соответственно, настоящим «рыцарским» деянием оказывается постижение этой неведомой «страны» (мироздания) в ее подлинной сущности. Гумилевский «рыцарь» нацелен на освоение мира и возвращение ему первоначальной целостности. «Рыцарская» ипостась лирического героя

очерчивает контур грядущего акмеистического «адамизма» и его центральной идеологемы – тотального обновления представлений о бытии. При этом Н. Гумилев не порывает связей с мифопоэтикой русского символизма, в которой «рыцарство» встраивается в образный ряд проницающих тайные завесы мира воплощений поэтического «я», таких как «странник-визионер» и «пророк» [19, с. 331]. «Рыцарь» обладает сакральной возможностью снятия тайных покровов, но этими покровами мыслится сама таинственность символизма, вуалирующая подлинную жизнь и требующая разоблачения.

Однако в рецепции Н. Гумилева Адам – это не только символ первозданности, но и средоточие онтологических противоречий, истоком которых является грехопадение Первочеловека. Рефлексия поэта над этой темой в «Жемчугах» способствует уяснению смыслов «Рыцаря с цепью» именно в контексте христианской аксиологии. Отмеченное расподобление прошлого и настоящего вполне может быть означено историсофски – как исторический путь человечества, отпавшего от божественной гармонии («жил, униженный, в плену») и утратившего рай («забыл, неблагодарный, про могучую весну»). В настоящем же происходит «весеннее» освобождение от морока истории («сталь мучительных оков»), в результате чего человек оказывается готовым принять откровение Христа и «рыцарски» утверждать его Истину.

Возможность такой интерпретации «адамизма» в рассматриваемом стихотворении определяется двумя контекстуальными обстоятельствами. Оба они связаны с постулированием в гумилевской поэтике 1908–1910 годов образа Иисуса Христа как ценностного средоточия мифопоэтических исканий поэта. Во-первых, это экспликация Спасителя в «рыцарской» ипостаси в рассказе Н. Гумилева «Золотой рыцарь» (1908), написание которого непосредственно предшествовало созданию «Рыцаря с цепью». В этом прозаическом произведении Христос является рыцарям-участникам Крестового похода в облике «золотого рыцаря» и тем самым приобщает их к подлинному (небесному) бытию: «Неизвестный рыцарь показывал дорогу, и скоро уже ясно стали различаться купы немыслимо дивных деревьев, утопающих в синем сиянии. Среди них свирельными голосами пели ангелы. Навстречу едущим вышла нежная и благостная Дева Мария, больше похожая на старшую сестру, чем на мать золотого рыцаря, Властительного Синьора душ, Иисуса Христа» [4, с. 31]. Как отмечает Ю. В. Зобнин, гумилевский «рыцарский» Христос явлен «ликующим и торжественным, делающим землей обетованной выжженную солнцем пустыню, изгоняющим страх из мира» [8, с. 33]. «Рыцарь»-Христос задает вектор движения «рыцарю»-Адаму, призванному очистить и возвысить человеческую душу.

Во-вторых, в структуре «Жемчугов» особое место занимает стихотворение «Христос» (1910), в котором акцентированы «искательная» миссия Спасителя в координатах земного мира и явленная им вечность (ср.: «"Солнце близится к притину, / Слышно веянье конца, / Но отрадно будет Сыну / В Доме Нежного Отца" // Не томит, не мучит выбор, / Что пленительней чудес?! / И идут пастух и рыбарь / За искателем небес» [2, с. 277]). В христианской сотериологии перспектива искупления грехопадения определяется глубинным родством ветхозаветного Адама и Христа (нового Адама). Их со-противопоставление свидетельствует о целостности онтологического развития универсума, в котором свершаются сначала расподобление, а потом преобразование телесного и духовного начал в человеке. Первый Адам тварно предворяет второго, а второй искупает грехи и бытийно восстанавливает первого: «Так и написано: "первый человек Адам стал душой живущей", а последний Адам есть дух животворящий. Но не духовное прежде, а душевное, потом духовное. Первый человек – из земли, перстный; второй человек – Господь с неба. Каков перстный, таковы и перстные; и каков небесный, таковы и небесные; И как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного» (I Кор. 15: 45–49). В свете новозаветной парадигмы миропредставления принципиально важным оказывается то, что «Рыцарь с цепью» предшествует стихотворению «Христос», причем в редакции «Жемчугов» 1918 года – непосредственно, образуя семантическое единство двух стоящих рядом и неизбежно взаимодействующих текстов. «Рыцарь с цепью» концептуально продуцирует «Христа», что вполне может прочитываться как «рыцарское» стремление к преодолению греховности и ценностному обновлению мира: прежний Адам-«рыцарь» предопределяет явление нового Адама-Христа.

Соответственно, финал стихотворения в его предельно символической репрезентации может быть прочитан сквозь призму христианского (историсофского) «адамизма». Принятие мира раскрывается посредством знаков «серебряный шлем» и «стальная цепь». Оппозиция «серебра» и «стали» маркирует преодоление границ между профанным и сакральным, «высоким» и «низким», небесным и земным аспектами миропорядка. При этом «шлем» обозначает «рыцарское» желание сохранить свое «я» в его самодостаточности, а «цепь» указывает на неизбежную жажду

освободиться от реальности во всей полноте ее проявления и неизбежность «прикованности» к реалиям бытия [16, с. 46]. Гумилевский «рыцарь с цепью» – это Адам, который уже осознает, что он движется в истории и сохраняет память о ней, но еще не знает, какова телеология его исторического движения.

В последующей поэтике Н. Гумилева «адамическое» «рыцарство» сопряжено, во-первых, с христианской идеализацией рыцарского ордена («Родос» (1912)), а во-вторых, с концептуальным преобразованием бытия, в результате которого «рыцарь-Адам» становится универсальной личностью. Так, в стихотворении «Рыцарь счастья» (1917) акцентируется абсолют преобразования бытия посредством волевых устремлений лирического «я», который со всей очевидностью свидетельствует о радостном «адамическом» освоении мира:

Как в этом мире дышится легко!
Скажите мне, кто жизнью недоволен,
Скажите, кто вздыхает глубоко,
Я каждого счастливым сделать волен.

Пусть он придет, я расскажу ему
Про девушку с зелеными глазами,
Про голубую утреннюю тьму,
Пронзенную лучами и стихами [3, с. 128].

При этом, проживая полноту бытия и выражая готовность раскрыть ее несчастным людям, еще не постигшим сущностные основания мироздания, новый Адам обнаруживает и свою «рыцарскую» сущность – способность и желание сражаться за открывшуюся ему истину о мире, что акцентируется в финале данного стихотворения: «А если все-таки он не поймет, / Мою прекрасную не примет веру / И будет жаловаться в свой черед / На мировую скорбь, на боль – к барьеру!» [3, с. 128]. В этом смысле Адам-рыцарь мыслится не только апологетом онтологической радости бытия, но и ее воинственным защитником, что актуализирует мистическое понимание рыцарства как служения высшим смыслам универсума.

Итак, анализ имплицитной семантики и контекстуальных значений стихотворения Н. Гумилева «Рыцарь с цепью» как наиболее репрезентативного текста «рыцарской» тематики показывает, что поэт в своем предакмеистическом творчестве использует неоромантическую символику и символистские принципы миромоделирования для воплощения мифа об Адаме. «Рыцарская» ипостась лирического «я» в ранней гумилевской поэзии, будучи укоренной в символистский неоромантизм, тем не менее обозначает выход лирического сознания поэта за пределы символизма. «Конквистадорское» возрождение / преобразование героя в ценностных координатах «весеннего» мира, с одной стороны, свидетельствует об обретении поэтическим «я» нового бытийного смысла, а с другой – формирует концепцию онтологического единства ветхого Адама и нового Адама, индексированную знаком «стальная цепь». Именно «рыцарь» становится антропологической точкой соединения прошлого, настоящего и будущего, сюжеты которого проецируются в различные (всегда – «адамические») контексты – антропософский («Сон Адама»), религиозно-нравственный («Родос»), интимно-личный («Ангел-хранитель»).

Таким образом, «рыцарское» поэтическое «я» Н. Гумилева стремится максимально полно воплотить в себе возможности бытия Адама – как инвариантного воплощения духовно преображенного человека и как ценностного мерила земного и небесного начал в их неизбывном противостоянии.

Список литературы:

1. Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20-ти томах. Т. 2. Стихотворения. Книга вторая (1904–1908). М.: Наука, 1997.
2. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902 – 1910). М.: Воскресенье, 1998.
3. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. Т. 3. Стихотворения. Поэмы (1914 – 1918). М.: Воскресенье, 2005.
4. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. Т. 6. Художественная проза. М.: Воскресенье, 2005.

5. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. Т. 7. Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. М.: Воскресенье, 2006.
6. Жукова А. А. Архетипы и их образные реализации в ранней лирике Н. С. Гумилева // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2016. № 1 (55). Ч. 1. С. 23–27.
7. Зобнин Ю. В. Николай Гумилев – поэт православия // Зобнин Ю. В. Николай Гумилев и поэты русской эмиграции. СПб.: СПбГУП, 2020. С. 11–460.
8. Зобнин Ю. В. Странник духа (о судьбе и творчестве Н. С. Гумилева) // Н. С. Гумилев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2000. С. 5–52.
9. Кирло Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010.
10. Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: «Золотой век», 1995.
11. Матрусова А. Н. Артуровские легенды как источник романтических образов у Николая Гумилева // Мировая словесность для детей и о детях. М.: Литера, 2007. С. 248–251.
12. Пахарева Т. А. Культура европейского средневековья в рефлексии Серебряного века: Николай Гумилев // Русский язык и литература: проблемы изучения и преподавания в школе и вузе. Киев: [б.и.], 2009. С. 233–238.
13. Письма Н. С. Гумилева. Первый период: 1906–1908. Вхождение в литературу // Степанов Е. Е. Летопись жизни Николая Гумилева на фоне его полного эпистолярного наследия. 1886–1921 (Том 1. Часть 1: 1886–1908; Часть 2: 1909–1913). М.: Издательский центр «азбуковник», 2019. С. 64–416.
14. Раскина Е. Ю. Геософские аспекты творчества Н. С. Гумилева. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2009.
15. Раскина Е. Ю., Сорокина Е. Р. Тема рыцарства и образы рыцарей в творчестве Н. С. Гумилёва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія Філологія. Соціальні комунікації. Київ, 2017. Т. 28 (67). № 2. Український Гумільовський збірник ((Випуск 1). С. 76–80.
16. Смелова М. В. Онтологические проблемы в творчестве Н. С. Гумилева. Тверь: ТГУ, 2004.
17. Филатов А. В. Аксиологический подход к изучению мифопоэтики: адамический миф в лирике Н. С. Гумилева // Новый филологический вестник, 2017. № 4 (43). С. 141–149.
18. Филатов А. В. Аксиология пространства и времени в адамическом мифе Н. С. Гумилева // Соловьёвские исследования, 2019. Вып. 3 (63). С. 162–171.
19. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб.: Академический проект, 2003.
20. Чевтаев А. А. Два «конквистадора» в «Жемчугах» Н. Гумилева (Об одном неавторском лирическом диптихе) // Проблемы реинтерпретации произведений мировой литературной классики. Астрахань: АГУ, 2012. С. 47–51.
21. Rusinko E. Adamism and Acmeist Primitivism // Slavic and East European Journal. 1988. Vol. XXXII. P. 84–97.

Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 82.0

С. Ю. Артёмова

ЧТО ТАКОЕ МЕТАБОЛА

РЕЦЕНЗИЯ НА: МАСАЛОВ А. Е. МОРФОЛОГИЯ МЕТАБОЛЫ

В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ МЕТАРЕАЛИЗМА:

ДИССЕРТАЦИЯ КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК:

10.01.08. – ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ. – МОСКВА: РГГУ, 2022. – 290 С.

В рецензии идет речь о диссертации А. Е. Масалова, посвященной метаболе в поэзии метареализма, указываются ее достоинства и спорные моменты, уточняются теоретические положения и объясняется, чем эта диссертация выделяется из ряда многих.

Ключевые слова: метабола; метареализм; диссертация; метафора; поэзия XX века.

S. Y. Artemova

WHAT IS A METABOLA

REC. AD OP: MASALOV A. E. MORPHOLOGY OF THE METABOLA

IN THE POETIC LANGUAGE OF METAREALISM:

CANDIDATE THESIS IN PHILOLOGY:

10.01.08. – THEORY OF LITERATURE. TEXTOLOGY. – MOSCOW: RSUH, 2022. – 290 P.

The review refers to A. E. Masalov's dissertation on metarealism's metabola in poetry, points out its merits and controversial points, clarifies theoretical provisions and explains how this dissertation stands out
Key words: metabola; metarealism; dissertation; metaphor; poetry of the twentieth century.

30 июня 2022 года в диссертационном совете РГГУ прошла защита кандидатской диссертации Масалова Алексея Евгеньевича «Морфология метабола в поэтическом языке метареализма» по специальности 10.01.08 – Теория литературы. Текстология. Диссертация посвящена вопросу о «третьем тропе» и его структуре в лирике метареализма и является давно назревшим исследованием о природе метабола: становится она отдельным видом метафоры или новым уникальным тропом. Ряд шагов в этом направлении уже был совершен: тропеичность как особый тип создания многозначности в поэзии Маяковского, Пастернака и Бродского исследовалась в диссертации Н. А. Макаровой [4], грамматический строй современной поэзии описан в книге Л. В. Зубовой [3]. Исследованию поэзии метареализма посвящены работы О. И. Северской [6], Е. И. Зейферт [2] и многих других. Идея о новом виде тропеичности волновала уже В. М. Жирмунского, писавшего о «грозди метафор» XX века [1].

Данная работа интересна тем, что впервые ставится на определенном историко-литературном материале (поэзии метареализма) и оригинально решается проблема семиотики и структуры тропа. Специфику метабола А. Е. Масалов описывает как «эволюционный тип реализованной метафоры» [5, с. 130], этому вопросу посвящен параграф 2.4 «Метабола в контексте эволюции механизма реализации метафоры в русскоязычной поэзии XX века». (Не вполне удачно с точки зрения грамматики названный, но воплощающий идею эволюции метафоры от «простого тропа неявного сопоставления» до синтетической, нерасчленимой метабола).

На наш взгляд, автору удалось точно и последовательно описать семиотику метабола на материале поэзии метареалистов, основываясь на идее М. И. Шапира о специфике поэтического языка. Отношения между референтом и смыслом метабола в поэтическом языке зависят от контекста всего высказывания, поэтому автор обращается к идее «изъятия явления из предмета» (формула Жданова) и приходит к выводу о том, что «метабола представляет собой сдвиг сразу в двух областях семантической структуры: референта и значения» [5, с. 106].

Отдельно следует проговорить принципы отбора материала диссертации. В работу включены тексты В. Аристова, А. Еременко, А. Драгомощенко, И. Жданова, В. Кальпиди, И. Кутика, А. Парщикова, С. Соловьева, А. Таврова, М. Шатуновского, метабола в них показывается не как самоцель высказывания, а как средство выражения «постнеклассической онтологии и феноменологии» [5, с. 150]. Поэтому она имеет и общие черты, и индивидуальные особенности в творчестве каждого автора, описанные подробно, со знанием дела и с большим заделом на будущее.

Степень обоснованности научных положений диссертации не вызывает сомнений. Они логически выверены и строятся на базе теоретических положений авторитетных исследователей, собственных теоретических конструкций и допущений и практического анализа текста, поскольку формируются и формулируются в процессе анализа поэтики.

Однако положения, выносимые на защиту, неравноценны, некоторые тезисы нуждаются в обсуждении.

Во-первых, вызывает сомнение формулировка «Метабола является не шифрующим смыслом тропом, а способом изображения...» [5, с. 9]. Строго говоря, все знаки в тексте являются «шифрующими смыслом», поскольку смысл текста может быть явлен только через знаки языка художественной литературы, о чем писал М. И. Шапир.

Во-вторых, положение 4 противоречит предшествующему тезису: «Метабола является синтетическим, контаминирующим тропом, т. е. сложным способом словообразования, основанным на более простых (метафоре...)» [5, с. 9]. Если метабола основана на метафоре и вбирает в себя ее принципы, можно говорить о ней как о более сложной метафоре, но нельзя ее метафоре противопоставлять.

Достоверность и научная новизна работы обеспечиваются самим подходом: метареализм рассматривается не в противопоставлении концептуализму, а в контексте «непрозрачной поэзии» как явлении второй половины XX века. При этом диссертация описывает инструментальный анализ метабола как особого типа тропа. Важно и то, что автор пытается проследить «наследующие метареализму тенденции» [5, с. 262] и видит перспективы дальнейшего исследования в «инвентаризации приемов и способов словообразования, анализа языковых и семантических смещений в новейшей поэзии» [5, с. 262].

Структура диссертации вызывает смешанные чувства. Так, в первой главе сначала обсуждаются концепции Кедрова и Эпштейна, а затем дается рефлексия самих метареалистов по поводу словесного образа как составляющей поэзии. Не логичнее ли было идти от авторской декларации к реализации, а не наоборот?

Гораздо больший интерес вызывает вторая глава, посвященная механизмам словообразования метабола, ее семантике, синтактике и прагматике. Правда, не совсем понятно, почему метабола называется «единицей поэтического языка» метареализма, единственная ли это единица? И минимальная ли это единица, или все же минимальной единицей художественного текста является слово. В параграфе 2.3 описывается метабола как троп, синтезирующий все способы словообразования. Троп, совмещающий метафору, метонимию и сравнение, по мнению автора, строится не на уподоблении, а на тождестве, но полное тождество элементов невозможно ни на семиотическом, ни на прагматическом уровнях. Метабола, «вбирающая» в себя функции сравнения, не может автоматически не включать уподобление, иначе это не термин, а метафора.

Третья глава оказывается практически безупречной, поскольку включает исследование поэтики текста, анализ контекстов метареализма десяти авторов. Солидный материал и интересные интерпретации показывают адекватность гипотезы, хотя и не компенсируют до конца небрежность некоторых положений. Но анализ стихотворений А. Еременко «Дума» [5, с. 167–169], А. Драгомощенко «Ужин с приветливыми богами» [5, с. 189–193], И. Жданова «Кости мои оживут во время пожара...» [5, с. 198], И. Кутика «Ода на посещение Белосарайской косы...» [5, с. 208–213] интересен не только в качестве описания метабола, но и сам по себе, как пример скрупулезного и глубокого анализа новейшей поэзии.

Можем лишь констатировать: диссертация А. Е. Масалова является состоявшимся научным исследованием, основные результаты которого прошли апробацию на конференциях различного уровня, отражены в многочисленных научных публикациях (по теме кандидатской диссертации опубликовано 19 работ), автор активно участвует в научной жизни, делает доклады на конференциях и участвует в дискуссиях. Это труд выстраданный и выношенный, теперь он отдан на суд потомков.

Список литературы:

1. Жирмунский В. М. Поэзия Александра Блока // Жирмунский В. М. Поэтика русской поэзии. СПб.: Азбука – классика, 2001. С. 282–350.
2. Зейферт Е. И. Лекция Елены Зейферт «Метареализм Алексея Парщикова и Аркадия Драгомощенко». Германия, DAAD (Deutscher Akademischer Austauschdienst). Немецкая служба академических обменов. 30.11.2021. URL: <http://parshchikov.ru/video/lekcija-elenu-zeufert-metarealizm-alekseya-parshchikova-arkadiya-dragomoshchenko> (дата обращения: 22.07.2022).
3. Зубова Л. В. Грамматические вольности современной поэзии: 1950–2020. М.: НЛО, 2021.
4. Макарова Н. А. Метафора как структурообразующее начало в лирике русского модернизма: на материале книги стихов Б. Пастернака «Сестра моя – жизнь»: Дисс... канд. филол. наук по специальности 10.01.08. Тверь: ТвГУ, 2012.
5. Масалов А. Е. Морфология метабола в поэтическом языке метареализма: Дисс ... канд. филол. наук по специальности 10.01.08. М.: РГГУ, 2022.
6. Северская О. И. Метареализм. Язык поэтической школы: социолект – идиолект/идиостиль // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Опыты описания идиостилей. М.: Наука, 1995. С. 541–557.

Тверской государственный университет, Тверь

УДК 82

Е. А. Балашова, И. А. Каргашин
РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ СВЕТЛАНЫ ЮРЬЕВНЫ АРТЕМОВОЙ
«ЛИРИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ СЕГОДНЯ»
// ТВЕРЬ: ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, 2020. – 191 С.

Предпринятое С. Ю. Артемовой научное исследование отвечает важным тенденциям в развитии современной филологической мысли, сближается по своей тематике и методологии с целым рядом историко-литературных работ, актуализирующих внимание к проблемам исторической поэтики. В центре внимания автора – лирический жанр в рамках новой научной парадигмы. В работе С. Ю. Артемовой представлено множество текстов с различной степенью известности, а предложенная исследовательницей их интерпретация позволяет взглянуть по-новому даже на хорошо известные тексты. Опора на богатый материал делает убедительным, аргументированным и достоверным вывод о том, что назрела необходимость описать как частности жанрообразования (послания, оды, элегии, эпиграммы), отступления от схемы, так и общие тенденции трансформации жанров сегодня.

Ключевые слова: русская поэзия; жанр; С. Ю. Артёмова; послание; ода; элегия

E. A. Balashova, I. A. Kargashin
REVIEW OF THE MONOGRAPH BY SVETLANA YURIEVNA ARTEMOVA
«LYRICAL GENRES TODAY»
// TVER: TVER STATE UNIVERSITY, 2020. – 191 P.

The scientific research written by S. Y. Artemova corresponds to important trends in the development of modern philological thought, converges in its subject matter and methodology with a number of historical and literary works that actualize attention to the problems of historical poetics. The author focuses on the lyrical genre within the framework of a new scientific paradigm. S. Y. Artemova's work contains many texts with varying degrees of fame, and their interpretation proposed by the researcher allows us to look in a new way even at well-known texts. Relying on rich material makes a convincing, reasoned and reliable conclusion that there is a need to describe both the particulars of genre formation (epistles, odes, elegies, epigrams), deviations from the scheme, and the general trends of genre transformation today.

Key words: Russian poetry; genre; S. Y. Artemova; epistle; ode; elegy

Монография С. Ю. Артемовой, несомненно, принадлежит к одному из наиболее актуальных направлений современного литературоведения. Это обеспечено самим предметом исследования, в центре которого – теория и история лирических жанров на протяжении минувшего столетия.

Определить жанровую природу произведения – это значит установить наличие объективно существующих связей между ним и родственными ему произведениями по жанровым признакам. Несмотря на то, что в XX в. центральной фигурой литературного процесса стал автор, литературные жанры не утратили своего значения, в них находят выражение важнейшие закономерности литературного процесса.

Жанр обретает смысл и функцию литературного кода, с помощью которого читатель получает информацию о способе прочтения данного текста, что в определенной степени обеспечивает понимание этого текста. Так, распространенным определением литературного жанра является следующее: жанр фиксирует типовую общность художественной структуры группы произведений, обладающую исторически устойчивыми содержательными и формальными признаками. Результатом анализа сущности жанра становится предлагаемое С. Ю. Артемовой авторское определение этого явления: «Жанром в XX веке может называться система признаков (существующих в сознании читателя и автора как фон восприятия произведения), причем набор признаков динамичен. Если в жанре классической литературы существовало "ядро" неизменных и постоянных признаков, то основой современного жанра является лишь один общий признак жанра, от которого отталкивается автор (скажем, коммуникативная ситуация с названным адресатом – в послании), прочие признаки произвольны, что дает возможность говорить о большей вариативности жанров. При этом жанр меняет не только свои характеристики, но и степень актуальности среди других жанров» (с. 13).

Автор монографии «Лирические жанры сегодня» исследует не только лирический жанр как таковой (на примере жанров оды, послания, элегии, эпиграммы и цента), но и единые принципы

трансформации жанров в лирике XX века. Убедительной и научно обоснованной представляется и общая концепция исследования: очевидно, что в неканоническую эпоху жанр перестал функционировать в качестве литературной нормы. Но правомерно ли на основании этого говорить о разрушении самой концепции жанра? Обновление жанровой системы – в частности лирической – не означает наступления «кризиса жанрового мышления» или пресловутой «смерти жанра».

В данной книге жанр рассмотрен не только как устоявшийся тип произведения, но и как своего рода механизм культурной памяти, а именно: жанр есть не застоявшееся образование, а некая модель мировидения, которая способна продуцировать многие и разные художественные тексты. Делая сопоставительный анализ текстов русской лирики на протяжении XIX – XX вв., С. Ю. Артемова пытается выявить жанрообразующие факторы, остающиеся жизнеспособными в современных условиях, и факторы, утратившие свою продуктивность.

Несмотря на масштабность поставленных задач, Артемовой С. Ю. удается решить их в полном объеме. В частности, подведены итоги и обобщены материалы лирической жанрологии; описаны факторы и механизмы трансформации лирических жанров; рассмотрены особенности трансформации канонических лирических жанров, таких как послание; прослежена судьба лирических жанров (оды, элегии, послания, эпиграммы, центона) в русской поэзии XX века – исследованы их особенности, вариативные признаки, тенденции смещения, специфика жанрообразовательной модели.

В итоге убедительно показано, что жанры лирики, видоизменяясь, продолжают существовать до сих пор, и – главное – выявлены общие принципы их трансформации.

Следует отметить, что попытки проследить судьбу отдельного жанра в отечественной науке предпринимались, что подчеркивает и автор работы, в данном же случае объектом исследования становится не какой-то конкретный жанр, а в целом система лирических жанров на протяжении более века. Именно этот подход, на наш взгляд, и позволяет автору сделать очень важный и ответственный вывод о том, что тенденции эволюции и закономерности трансформации жанров могут быть прослежены именно в случае анализа всей жанровой системы, функционирующей в определенный исторический период.

С. Ю. Артемова поставила перед собой масштабную задачу выявить стратегии изменения принципов жанрообразования в лирике XX века. Подобные задачи не могут иметь окончательного решения в силу того, что каждый исследователь в соответствии с состоянием науки и собственным опытом корректирует предшествующие. Кроме того, приходится обходить стороной новые лирические жанры современной поэзии, бытующие на правах эксперимента и не имеющие традиции (видеопоззия, акустическая поэзия, асемическая поэзия). Такие жанры остаются изобретением авторов и узкого круга критиков и слабо вписываются в представление о непрерывности литературного процесса.

Предпринятый С. Ю. Артемовой «комплексный» жанровый анализ позволил выявить общие тенденции трансформации – то есть закономерности эволюции, свойственные столь несхожим, казалось бы, жанровым образованиям, как ода, послание, элегия, эпиграмма и центон и, соответственно, всей системе лирических жанров в минувшем столетии. Вот, например, вывод исследователя о схождениях в процессе трансформирования оды, эпиграммы и центона: «Ода, эпиграмма и центон XX века показывают одинаковые тенденции жанровых вариаций и расслоение лирики на канонические жанры и "жанровый шлейф", в который входят тексты, находящиеся на границе нескольких жанров».

Ср. итоговое положение исследования: «В трансформации разных жанров лирики (послания, оды, элегии, эпиграммы, центона) прослеживаются закономерности (замена пафоса на противоположный, тематизация, формализация, метажанровая рефлексия), позволяющие говорить о тенденции смещения жанров».

Отстаивая тезис о том, что текст вне жанра невозможен, а говорить следует о модификации жанровых систем, С. Ю. Артемова в числе прочих аргументов указывает на то, что жанр – это «инструмент прочтения». Данное положение кажется нам принципиальным, ведь в таком случае жанр рассматривается не как единица классификации, не номенклатурная единица, а путь к адекватному пониманию художественного произведения.

В четвертой главе монографии сказано: «Авторы XX–XXI веков продолжают маркировать свои тексты жанровыми заглавиями и подзаголовками, акцентируя внимание читателей на известных правилах». И далее автор показывает, что «жанровое чтение позволяет воспринимать сразу несколько смысловых пластов текста, видеть произведение в синтезе теоретической модели и практического историко-литературного воплощения» (с. 105).

Особо хотелось бы сказать о замечательном, на наш взгляд, качестве ученого, которое демонстрирует С. Ю. Артемова в данной работе. Светлана Юрьевна не боится иметь собственное мнение по той или иной научной проблеме и умеет его отстаивать – даже если оно и расходится с авторитетными точками зрения или, скажем, модными сегодня концепциями. Например, интересным и доказательным видится раздел книги, в котором ее автор оспаривает популярное сегодня положение о диалоге сознаний как родовой черте лирики. «Нам представляется, – подчеркивает С. Ю. Артемова, – лирика все же монологична. Дело не только в концепции Аристотеля, согласно которой он <автор – С. А.> ... остается самим собой и не меняется, и даже не в общеизвестном тезисе М. Бахтина о том, что междисциплинарные отношения "я" и "другого" в лирике не принимают диалогического характера. Все дело в том, как мы будем понимать диалог: как потенциальную ориентированность на "другого" или как особого рода структуру самого лирического текста, специфику поэтики. В первом случае диалогична вся литература, так как она ориентирована (как минимум) на читателя, во втором – диалог в лирике отсутствует, кроме отдельных жанров, в которых он воспроизведен с иными целями (например, жанре "диалогов"). Чем больше исключений, которые выявил Б. О. Корман и о возрастании доли которых писал С. Н. Бройтман, тем более очевидно, что основной корпус лирических текстов представляет собой если и диалог, то диалог поэта с самим собой, автокоммуникацию и авто-refлексию, формально выраженную в структуре текста именно в монологе» (с. 47–49). На наш взгляд, автор прав, когда отмечает, что тем интереснее посмотреть на попытки преодоления такой лирической монологичности. В частности, С. Ю. Артемова рассматривает формы диалогизации лирики, анализируя поэзию Марины Цветаевой.

Интересными и перспективными представляются нам попытки автора работы рассмотреть центон и циклические образования как разновидности жанровых форм лирики. На первый взгляд, анализ центона (традиционно воспринимаемого как литературная игра, как шутивная форма интертекста), казалось бы, не совсем вписывается в контекст обозначенного исследования. Однако Светлана Юрьевна Артемова демонстрирует уместность и правомерность такого подхода. Она показывает, что «на базе центона формируются две разновидности текстов: центон пародийный, то есть вторичный центонный текст, безразличный к тем источникам, из которых он составлен, и центон жанровый, где чужое слово осознается как свое, демонстрируя тот принцип отклика культуры, который декларировал О. Мандельштам: *И снова скальд чужую песню сложит И, как свою, ее произнесет...*» (с. 180).

Что касается жанрового аспекта рассмотрения авторского цикла, достаточно изученного в современной науке, автор и здесь находит материал для глубоких и тонких дополнений – например, когда рассматривает лирические циклы И. Бродского как систему жанровых смещений и наращений.

При этом, безусловно, сильная и привлекательная сторона данного монографического исследования – опора на текст. Теоретические выводы и положения, формулируемые С. Ю. Артемовой, оказываются следствием анализа стихотворных текстов и в свою очередь проверяются, уточняются и подтверждаются обращением к произведениям других авторов. Всего материалом исследования выступают произведения более ста поэтов (более 1000 стихотворений, написанных с 1898 года до 2014 года).

Вообще автора отличает умение чувствовать и «слышать» слово, наблюдения Светланы Юрьевны над «речевой материей» текста всегда интересны и глубоки, а суждения о поэтике стихотворений точны и остроумны. Например, мы видим это в § 2 четвертой главы «Жанровое ядро элегии и его трансформация» – имеется в виду сравнительный анализ «иронических» элегий Г. М. Газизулина и серьезных элегий Пастернака, Чичибабина, Гандлевского и других (с. 112) – или скрупулезный анализ посланий И. Бродского и, можно сказать, виртуозный анализ стихотворения Евгения Клюева «Я не знаю, зачем произносится День Восьмой...», в котором демонстрируются признаки притчи, послания и элегии, а читательское ожидание будет определять, какая из жанровых традиций окажется сильнее в каждом конкретном случае прочтения. Таким образом, пафос авторской оригинальности, деканонизация жанров вовсе не отменяют жанрового бытовая поэзии XX века.

То же можно сказать о разделе монографии, посвященном игре с жанровыми признаками в посланиях И. Бродского или, например, об элегическом модуле в творчестве одного автора (на примере поэзии Б. Л. Пастернака).

Подобный подход к тексту художественного произведения вообще свойствен школе Игоря Владимировича Фоменко, ученицей которого является С. Ю. Артемова. Читатель данной работы чувствует, что автор ее по-настоящему интересуется отечественной поэзией и своими находками рад

поделиться с другими. Не случайно многие фрагменты работы становятся самоценными и с интересом читаются независимо от конкретной цели исследования. Например, о поэтике посланий в годы войны, о формах и способах прозаизации лирики в рассматриваемый период. Точно так же интересен анализ «сталинской оды» Мандельштама, замечания об элегиях, объединенных семантикой плача по поводу собственной смерти и т.п.

Особо хотелось бы отметить, что исследование С. Ю. Артемовой – плод многолетних научных изысканий и размышлений. Светлана Юрьевна давно и плодотворно занимается проблемами теории и истории лирических жанров в русской литературе. Об этом красноречиво свидетельствует и ее репутация добросовестного и авторитетного исследователя, сложившаяся в научном сообществе, и ее монографии, статьи, участие в многочисленных конференциях.

Если в связи с монографией С. Ю. Артемовой мы говорим о сущности и специфике жанра, необходимо вспомнить, что жанр рецензии требует и критических замечаний, указания на неточности, содержащиеся в работе. Отметим следующее:

Как показалось, в работе не совсем четко и ясно изложено понятие «внутренняя мера жанра» и, соответственно, конкретный «механизм» реализации этого жанрообразующего фактора. Это тем более заметно в контексте точного и ясного толкования «предшествующих» (с точки зрения исторической поэтики) жанрообразующих сил. Ср.: «Канон – обязательное соблюдение жанровых правил»; «жанровый закон – известные правила сохраняются, но уже не обязательно соблюдаются». Однако для «внутренней меры жанра» подобных формулировок в работе не нашлось.

Рассматривая формы трансформации жанра эпиграммы, Светлана Юрьевна Артемова в качестве примера приводит знаменитую эпиграмму на Михалковых («Россия, слышишь этот зуд...»), ошибочно приписывая данный текст В. Гафту. К слову сказать, именно так чаще всего сегодня определяют его авторство в критике. Между тем неоднократно в интервью В. Гафт рассказывал об истории этой эпиграммы и подчеркивал, что ему этот текст не принадлежит.

Конечно же, не стоит доказывать, что некоторые немногочисленные недостатки и недочеты ни в коей мере не умаляют значения и научной состоятельности данного научного сочинения. Перед нами, несомненно, солидное и глубокое исследование, ставшее серьезным вкладом в современную жанрологию.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга

УДК 791

Ю. В. Доманский
ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ АНДРЕЯ ТАРКОВСКОГО:
О КНИГЕ ЛЬВА НАУМОВА «ИТАЛЬЯНСКИЕ МАРШРУТЫ АНДРЕЯ ТАРКОВСКОГО»
// МОСКВА: ВЫРГОРОД, 2022. – 1024 С. + 48 С. ЦВ. ИЛ.)

Рассматривается книга писателя и историка кино Льва Наумова «Итальянские маршруты Андрея Тарковского»; делается вывод об уникальности этой книги, как в ряду работ о Тарковском, так и в ряду работ, посвящённых великим деятелям культуры.

Ключевые слова: Лев Наумов; Андрей Тарковский; Италия; история и теория кино.

Yu. V. Domanski
THE GEOGRAPHICAL BIOGRAPHY OF ANDREY TARKOVSKY:
ON THE BOOK BY LEV NAUMOV «THE ITALIAN TRAVELS OF ANDREY TARKOVSKY»

The book under review «The Italian Travels of Andrey Tarkovsky» is by the writer and film historian Lev Naumov. This book is unique, both among the works on Tarkovsky and among books devoted to great cultural figures.

Key words: Lev Naumov; Andrey Tarkovsky; Italy; cinema history and theory

Не секрет, что исследовательских работ об Андрее Тарковском очень и очень много. И это работы очень разные – биографические, аналитические, теоретические... Только за последние пару лет к отечественному читателю (в числе прочего, разумеется) пришли такие весьма качественные, важные и глубокие книги о мастере, как детальное исследование наследия Тарковского американского учёного Роберта Бёрда [1], переиздание давно ставшей классической работы Майи Туровской, дополненное справочным аппаратом и хронологией жизни режиссёра [11], совсем небольшая, но очень ёмкая книга Андрея Галкина, построенная как аналитический комментарий к разного рода интересным моментам в фильмах Тарковского [3]. Так чем же в контексте этих и многих других работ о Тарковском выделяется новая книга Льва Наумова [7] – писателя [6; 8; 9], биографа Александра Башлачёва [5], историка и теоретика кино [10]? Ответ, на наш взгляд, очень прост: признаться, не припоминаются ещё какие-либо книжные опыты такой географической биографии или, если кому-то больше по душе, биографической географии, какая предложена в «Итальянских маршрутах», не припоминаются не только применительно к Тарковскому, но и вообще; единственный приходящий на ум аналог (правда, весьма относительный) – это выдержавшая уже не одно издание книга Петра Вайля «Гений места» [2]. Напомним, книга Вайля построена таким образом, что входящие в неё очерки о тех или иных городах мира являются одновременно и текстами о деятелях культуры, судьбы и творчество которых так или иначе связаны с этими городами; у каждого представленного в книге города есть такой гений – гений места: для Сан-Франциско это Джек Лондон, для Парижа Александр Дюма, для Дублина Джеймс Джойс и т. д. Есть в книге Вайля и прекрасные парадоксы: например, гением испанской Севильи стал по воле автора (и спорить с автором тут не приходится) никогда там не бывавший Проспер Мериме, а гениев Стамбула оказалось сразу два – Байрон и Бродский. И городам Италии с их гениями в книге Вайля тоже нашлось место: за Рим ответил Петроний, за Виченцу – Палладио, за Венецию – Карпаччо, за Флоренцию – Макиавелли, за Палермо – Пьюзо; разумеется, не обошлось среди гениев итальянских мест без кинорежиссёров: Висконти назначен Вайлем гением Милана, а Феллини – Римини. Естественно, что оба мастера и оба города оказались активно востребованы и в книге Льва Наумова о Тарковском в Италии. И действительно, книга получилась далеко не только о Тарковском и не только об Италии. Но – обо всём по порядку.

Книга Наумова устроена так, что при необходимости автор уходит от главного объекта своего исследования, погружаясь сам и погружая читателя в параллельные миры: например, целый раздел (а это более полусотни страниц большеформатной книги) посвящён истории итальянского кино с подробным анализом ключевых работ самых значительных режиссёров Апеннинского полуострова. Раздел называется почти по Ленину (точнее, учитывая материал – по Муссолини: диктаторы-современники зачастую мыслили одинаково): «Важнейшее из искусств». При этом Наумов (может, несколько кокетливо) предлагает «подкованному читателю» пропустить эту главу, однако, поверьте, даже очень подкованным делать этого не стоит: во-первых, из-за весьма нетривиальных

интерпретаций шедевров мастеров с «сапога», интерпретаций, которые, уверен, заденут за живое именно «подкованного читателя», во-вторых, по причине того, что Наумов и здесь ни на минуту не забывает о Тарковском, проводя параллели (зачастую довольно неожиданные, а потому – изящные) между мирами русского режиссёра и теми фильмами, которые создавались в Италии весь прошлый век. Автор при этом на протяжении всей книги не только демонстрирует превосходное знание итальянского (да и мирового) кинематографа, но и умело передаёт своё знание читателю таким образом, что читатель оказывается уже сам в состоянии оценивать и анализировать те шедевры, о которых по тем или иным поводам заходит речь.

Однако главное в книге Льва Наумова, конечно же, всё-таки Тарковский. И среди множества книг о великом режиссёре книгу эту выделяет не только объём (более тысячи страниц большого формата, на цветных вклейках более полутора сотен разнообразных фотографий, к каждой из которых непременно содержится отсылка в тексте; вообще, в плане внешнего вида издательство «Выргород» в очередной раз предложило читателям прекрасный образец современной книги), не только необычный географо-биографический подход, но – в первую очередь – обилие и многообразие информации. Именно многообразие позволим себе отметить в качестве ведущей характеристики всего того, что автор книги предлагает своему читателю. Помните финал знаменитого пушкинского «К***»?

И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

В двух строчках уместился список того, чем живёт человек. Не только, конечно, этим, но – этим в первую голову. И в книге Льва Наумова, как и в жизни, много всего очень разного. В основе, разумеется, итальянские маршруты Тарковского: по многочисленным источникам (зачастую, кстати, уточняя сказанное в них, а порою даже и аргументированно опровергая) Наумов хронологически воссоздаёт всё то, что случилось с мастером в Италии во все его визиты сюда и в годы жизни тут впоследствии. Но отнюдь и далеко не только: каждому визиту мастера в Италию в книге предшествует детальное и аналитическое описание того, что было до этой поездки; потом же – подробно рассматриваются последствия путешествия. По такой же схеме строятся рассуждения автора о фильмах Тарковского – обо всех «главных» фильмах, но, учитывая специфику темы книги, в особенности о двух последних: о «Ностальгии» и о «Жертвоприношении» – сначала читателю предлагается много систематизированной и осмысленной информации о том, что фильму предшествовало (в самых разных аспектах), потом – о самом фильме, включая сюда и аналитический момент, а не только то, что касается сугубо истории, и наконец – о тех последующих событиях и явлениях, что состоялись благодаря тому, что состоялся тот или иной фильм.

Находится в книге место и для осмысления пребывания Тарковского в других странах, в результате чего из-под пера Льва Наумова выходит полноценное жизнеописание как описание *пути* – во всех смыслах этого слова. Однако это жизнеописание человека творческого, то есть очевидно, что тут не обойтись без обращения к миру художественному; и вот тут автор книги показывает себя глубоким аналитиком, способным и учесть мнения предшественников о шедеврах мастера, и привлечь обширный материал, связанный с историей создания и репутацией фильмов Тарковского, и – самое главное – посмотреть на них аналитически: как в свете заявленного предмета – Италии в судьбе режиссёра, так и по необходимости выходя за границы центральной проблемы всей книги. В итоге, помимо всего прочего, книга носит и этапный для осмысления художественного наследия Тарковского киноведческий (как с точки зрения истории кино, так и его теории) характер. Добавим к этому, что присутствующие в книге многочисленные интерпретации тех или иных моментов, характеров, деталей из анализируемых фильмов существенно углубляют и уточняют представления о смыслах, таящихся в шедеврах мастера.

Все интерпретации, факты и размышления (как свои, так и чужие) весьма умело автором книги komponуются, формируя цельную систему, в которой – воспользуемся словами Наумова о деталях в фильмах Тарковского – всё «не просто так» [7, с. 150]: каждая фраза, каждое слово настолько на своём месте, что совершенно невозможно перескочить в следующий раздел, не завершив чтение раздела предыдущего. И такая незыблемая цельность отнюдь не противоречит отмеченному выше многообразию всего того, о чём идёт речь в книге; то есть многообразие превосходно сочетается с главной и весьма конкретной авторской задачей, как бы вскользь, но при этом весьма чётко сформулированной Наумовым по ходу своего повествования: «...книга, которую читатель держит сейчас в

руках – своего рода иллюстрированная конкретными примерами попытка ответить на <...> вопрос <...>: как именно возникает идея, как она видоизменяется и оттачивается» [7, с. 161]. И автору – следует это признать – удалось на этот вопрос ответить; а вместе с этим удалось ответить и на целый ряд других не менее важных и принципиальных вопросов, касающихся самых разных аспектов в русле рассматриваемой проблемы и – при необходимости – за её пределами.

Автор, действительно, как уже было сказано, закономерно и справедливо не ограничивается только фильмами Тарковского – по ходу развития действия читатель обнаружит множество авторских размышлений о природе кино, о возможностях анализа его образцов, об индивидуальных особенностях того или иного мастера, того или иного национального кинематографа, о месте кино среди других видов искусства, о тех возможностях, что открываются перед кинорежиссёрами, когда они обращаются к художественной литературе, к живописи, к архитектуре, к музыке, к театру...

В этой связи на страницах книги, на фоне и в контексте главного героя – Андрея Тарковского – неизбежно появляются и другие персонажи: отечественные и зарубежные режиссёры, сценаристы, актёры, чиновники из мира кино, то есть все те, кто так или иначе соприкасался с Тарковским и его творчеством. Во множестве присутствуют в книге и персоны исторические – из мира культуры, из мира политики. В итоге получается весьма разветвлённая система действующих лиц, каждый из которых помогает в раскрытии творческой и биографической личности Тарковского; впрочем, и многие другие действующие лица в контексте главного героя раскрываются перед читателем, и раскрываются зачастую такими гранями, которые прежде были скрыты. При этом ряд героев книги (как и, разумеется, главный герой) наделены прямой речью, то есть говорят сами за себя своими словами, взятыми из различных источников, добросовестно проштудированных и осмысленных автором, который детально комментирует и анализирует приводимые цитаты, а при необходимости в чём-то поправляет своих героев, для чего порою даже сталкивает разные точки зрения между собой, и всё это – ради стремления к достижению истины; и точка зрения Тарковского тут не становится неприкасаемым исключением: когда это необходимо, автор готов поспорить и с ним.

Действующих же лиц в книге очень много, в подтверждение чего достаточно сказать, что расположенный в два столбца именной указатель занимает 25 большеформатных страниц. Есть в книге и указатель предметный. То есть книгой Наумова можно пользоваться не только как цельным повествованием, читаемым от начала к финалу, но и как справочником или даже энциклопедией – узнавать, каким образом с жизнью, личностью, творчеством Тарковского связана та или иная персона, тот или иной фильм, то или иное явление культуры (и не только культуры). Открывает же «указательный аппендикс» отдельный географический указатель: не будем забывать, что перед нами путеводитель, в названии многих глав которого уже содержатся топонимы; в самом же тексте топонимов так много и они так важны, что наличие самостоятельного географического указателя выглядит более чем оправданно (отметим только, что в географический указатель не вошли названия географических пунктов, находящихся в пределах СССР).

В самой книге заслуженно большая часть отведена информации об итальянских местах, связанных с Тарковским, информации исторической, географической, антропологической, этнографической. Лев Наумов сам прошёл апеннинскими маршрутами мастера, возможно, потому ему удалось преподнести всю эту информацию не сухо, как в справочнике, а так, чтобы читателю было интересно. Наумов настолько умело ведёт своё повествование, что читатель вслед за словом автора глубоко погружается в описываемую местность, начинает видеть всё своими глазами. И через призму взгляда на тот или иной итальянский локус читатель стараниями автора оказывается способен разглядеть гения – Андрея Тарковского, понять те моменты его художественного наследия (прежде всего – поздних его сегментов), которые вне проникновения в места, с ними связанные, отнюдь не раскрываются должным образом. А через Тарковского – опять же стараниями автора книги – неожиданными, неведомыми прежде сторонами открывается и Италия; и Италия как таковая, и каждый участвующий в книге сегмент её: город, городок, та или иная местность. В результате Льву Наумову в его книге о Тарковском удаётся в полной и равной мере и гения раскрыть через место, и место раскрыть через гения.

Чего бы хотелось пожелать – и автору, и всем поклонникам Тарковского – так это того, чтобы книга не осталась только на бумаге, а, подобно упомянутому в начале «Гению места» Вайля, воплотилась бы в серию фильмов [4]. Всем же остальным исследователям культуры желаем, чтобы создавали они побольше именно таких географических биографий писателей, режиссёров, актёров, музыкантов, художников, ведь через пространство мира лучше понимаются великие личности; да и мир через личности великих постигается лучше.

Список литературы:

1. Бёрд Р. Андрей Тарковский: Стихии кино. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021.
2. Вайль П. Гений места. М.: АСТ, 2019.
3. Галкин А. Б. Тарковский. Инструкция для зрителя, или Как смотреть гения? М.: Проспект, 2022.
4. «Гений места» с Петром Вайлем URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/818715/> (дата обращения: 04.08.2022).
5. Наумов Л. Александр Башлачёв: человек поющий. Стихи, биография, материалы, интервью. Издание третье, исправленное и дополненное. М.: Выргород. 2017.
6. Наумов Л. Гипотеза Дедала. М.: Рипол-классик, 2018. (Новая проза).
7. Наумов Л. Итальянские маршруты Андрея Тарковского. М.: Выргород, 2022.
8. Наумов Л. Пловец снов: [роман]. М.: Издательство «Омега-Л», 2001.
9. Наумов Л. Шёпот забытых букв. СПб.: Амфора, М.: Бертельсманн Медиа Москау. 2014.
10. Наумов Л. Homo cinematographicus, modus visualis. М.: Выргород. 2022.
11. Туровская М. 7^{1/2}, или Фильмы Андрея Тарковского. СПб.: Сеанс, 2021.

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

УДК 82

Н. В. Кулабухов
РЕЦЕНЗИЯ НА: ДЕСЯТСКАЯ С. В.
КАТЕГОРИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СЕМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ):
ДИССЕРТАЦИЯ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК:
10.02.04 – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ. – МОСКВА, 2017. – 168 С.

Диссертация С. В. Десятской посвящена анализу выражения интенсивности высказывания в англоязычных художественных текстах, а также характеристике и типологии имен прилагательных, встретившихся в указанных текстах и ставших материалом для проведенного автором анализа. Проанализировав все главы диссертации, рецензент делает вывод о ее научной новизне, оригинальности и важности для понимания категории интенсивности как средства выразительности. Рецензент делает вывод о соответствии научной работы требованиям ВАК РФ.

Ключевые слова: интенсивность; экспрессивность; диктема; художественный текст; имя прилагательное; признак.

N. V. Kulabukhov
REC. AD OP: DESYATSKAYA S. V.
CATEGORY OF INTENSITY AS A MEANS OF EXPRESSIVENESS
IN A MODERN ENGLISH LITERARY TEXT
(BY THE MATERIAL OF THE SEMANTIC ANALYSIS OF ADJECTIVES):
CANDIDATE THESIS IN PHILOLOGY:
10.02.04 – GERMAN LANGUAGES. – MOSCOW, 2017. – 168 P.

The thesis by S. V. Desyatskaya is devoted to the analysis of the expression of the intensity of utterance in English-language literary texts, as well as to the characteristics and typology of adjectives found in these texts, which became the material for the analysis carried out by the author. Having analyzed all the chapters of the thesis, the reviewer concludes about its scientific novelty, originality and importance for understanding the category of intensity as a means of expressiveness. The reviewer concludes that the scientific research meets the requirements of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation.

Keywords: intensity, expressivity, dictum, literary text, adjective, attribute.

Диссертационное исследование С. В. Десятской посвящено, несомненно, актуальной теме, однако непростой, недостаточно определенной до сих пор, как справедливо отмечает сам автор, вызывающей множество дискуссий, но от этого не менее интересной.

Работа С. В. Десятской выполнена на базе более 200 источников, из которых около 20 представляют собой исследовательский материал – произведения англоязычной художественной литературы. В работе проанализированы и охарактеризованы по типам имена прилагательные, отобранные автором из исследуемого материала, выступающие одним из средств выражения интенсивности высказывания, что стало большим достижением для автора и является несомненным достоинством всего проведенного исследования.

Автор четко сформулировал объект и предмет исследования, его цель и задачи, убедительно обосновал теоретическую и практическую значимость своего диссертационного исследования. Приведенные автором положения, выносимые на защиту, также являются, в целом, обоснованными.

Структура работы также вопросов не вызывает: введение, три главы, разделенные на параграфы, заключение и список литературы. Все главы заканчиваются обоснованными выводами.

Во введении представлены актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, объект, предмет, цель и задачи исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту.

В первой главе автор анализирует теоретико-методологические основы диссертационного исследования. Рассматриваются подходы к определению интенсивности и способы ее выражения в художественном тексте, дифференцируются понятия интенсивности, эмоциональности и экспрессивности, анализируется реализация категории интенсивности в диктеме и жанрово-стилевой

дифференциации художественного текста, обозначается роль категории интенсивности в реализации художественного противопоставления и описывается методология исследования имен прилагательных современного английского языка, маркирующих выражение категории интенсивности (С. 11–51). Автор критически анализирует источники по аспектам своей диссертации, пытается дать им объективную оценку, выявить достоинства и недостатки предыдущих исследований.

Далее автором анализируются имена прилагательные в интенсивно-маркированной диктеме художественного текста. Здесь автор проделал большую работу, поскольку обычно имена прилагательные понимаются как обозначающие признак предмета. Но автор подразделил все прилагательные на четыре больших разряда в соответствии с проявлением характерных признаков (С. 49). Таким образом, у автора диссертации имена прилагательные делятся на обозначающие признак предмета, признак явления, признак образа действия и признак отношения. Деление на этом не заканчивается, и прилагательные, обозначающие каждый из указанных признаков, делятся далее на классы, подклассы и ярусы (уровни).

Во второй главе автор проводит анализ прилагательных, обозначающих признак предмета и признак явления в интенсивно-маркированной диктеме художественного текста. Признак предмета стал самым обширным семантическим разрядом, который, как указывает диссертант, включает 21 класс с различными значениями и 47 номинально-семантических подклассов с дальнейшим подразделением на более мелкие подклассы нижерасположенных ярусов (С. 90).

С. В. Десятская выдвинула положение о том, что представленные в указанных классах имена прилагательные, образуют градационную интенсивность как синтетическим способом (при помощи аффиксов), аналитическим способом (при помощи *more / the most, less / the least*), так и при помощи слов-маркеров (слов-интенсификаторов, слов-усилителей) (С. 106), являющееся вполне убедительным.

Признак явления, согласно проведенному автором анализу, включает 2 класса с различными значениями и 25 подклассов, некоторые из которых далее подразделяются на более мелкие подклассы нижерасположенных ярусов (С. 104).

Автор выдвигает вполне убедительное положение о том, что представленные в этом разряде маркированные словесные компоненты, образуют градационную интенсивность преимущественно аналитическим способом (при помощи *more / the most, less / the least*) или при помощи слов-маркеров (слов-интенсификаторов, слов-усилителей) (С. 106).

В третьей главе диссертантом проводится анализ прилагательных, обозначающих признак образа действия и признак отношения в интенсивно-маркированной диктеме художественного текста. Признак образа действия, как показал проделанный С.В. Десятской анализ, включает 3 класса с различными значениями и 10 номинально-семантических подклассов, некоторые из которых подразделяются на более мелкие подклассы нижерасположенных ярусов (С. 123).

Выдвинутое автором положение о том, что имена прилагательные, обозначающие признак образа действия, образуют градационную интенсивность преимущественно аналитическим способом (при помощи *more / the most, less / the least*) и при помощи слов-маркеров (слов-интенсификаторов, слов-усилителей), что указывает на их сходство с именами прилагательными, обозначающими признак явления (С. 144), является вполне убедительным.

Признак отношения, согласно указанным диссертантом данным, включает 8 классов с различными значениями и 26 номинально-семантических подклассов первого яруса, некоторые из которых подразделяются на более мелкие подклассы нижерасположенных ярусов (С. 143).

Выдвинутое С. В. Десятской положение о том, что имена прилагательные, обозначающие признак отношения, образуют градационную интенсивность как синтетическим способом (при помощи аффиксов), аналитическим способом (при помощи *more / the most, less / the least*), так и при помощи слов-маркеров (слов-интенсификаторов, слов-усилителей), что указывает на их сходство с именами прилагательными, обозначающими признак предмета (С. 145), вполне убедительно.

Заключение диссертации (С. 146–150) соотносится с положениями, вынесенными на защиту. Автор делает вывод о том, что не было выявлено дифференциации между семантическими разрядами при анализе неградационного воплощения интенсивно-маркированных имен прилагательных в диктеме художественного текста (С. 149), и объясняет это тем фактом, что данный тип интенсивности указывает лишь на максимально возможное выражение значения словесной единицы. Здесь мы согласны с мнением автора и считаем, что, действительно, только градационный тип интенсивности может иметь особенности выражения, которые можно анализировать. Также научную ценность, на наш взгляд, представляет вывод С.В. Десятской о том, что материал о неградационном и

градационном типах интенсивности представляет интерес как новая модель анализа текста, открывающий перспективы для дальнейших лингвистических исследований (С. 150).

Основные положения диссертационного исследования прошли апробацию на международных научно-практических конференциях в Москве и на научных сессиях по итогам научно-исследовательской работы Института иностранных языков МПГУ. Помимо этого, по результатам исследования опубликовано 4 статьи в журналах, рецензируемых ВАК РФ.

Как и любое научное сочинение, данная работа не лишена ряда недочетов. К недостаткам диссертации можно отнести следующее:

– в самом начале введения автор указывает на трудность решения изучаемой проблемы, которую он видит в неразличении понятий интенсивности, эмоциональности и экспрессивности. Далее автор обращается к определению каждого из представленных терминов, чтобы как-то их дифференцировать (С. 4–5). Возникает вопрос о том, зачем нужно было давать определения основных изучаемых терминов уже во введении, а затем вновь возвращаться к этому во втором пункте первой главы. В начале введения лучше было бы указать на исторический аспект исследования интенсивности: сказать о том, какие исследователи изучали данную категорию, что нужно было бы исследовать из того, что еще не исследовано, таким образом подойти к исследуемой автором настоящей проблеме;

– в тексте работы далеко не везде указаны ссылки на источники. Так, непонятно, являются ли определения интенсивности и ее типов – градационной и неградационной – авторскими или заимствованными из какого-то источника (С. 11–12). Тот же вопрос возникает относительно классификации имен прилагательных (С. 49);

– в процессе знакомства с текстом диссертации было обнаружено немало пунктуационных ошибок, что немного портит впечатление от прочитанного.

Указанные замечания имеют дискуссионный и рекомендательный характер и не влияют на общее впечатление от исследования, проведенного С. В. Десятской. Автор представил законченное самостоятельное научно-квалификационное сочинение, в котором содержится решение исследовательской проблемы, важной для понимания особенностей выражения категории интенсивности.

Исходя из всего вышесказанного, мы можем прийти к выводу, что рецензируемая научная работа соответствует всем требованиям, изложенным в пунктах 9 – 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 1 октября 2018 г. № 1168), а ее автору Светлане Вадимовне Десятской заслуженно была присуждена ученая степень кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – Германские языки.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Артёмова Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета. E-mail: svart1@yandex.ru.

Балашова Елена Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: balashova_ea@mail.ru.

Васильев Лев Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и иностранных языков Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: vasilevl@tksu.ru.

Васильева Мария Львовна – преподаватель Калужской международной школы. E-mail: vml1412@mail.ru.

Григорьева Валентина Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация» Тамбовского государственного технического университета. E-mail: grigorieva@mail.ru.

Гринева Мария Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: GrinevaMS@tksu.ru.

Доманский Юрий Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: domanskii@yandex.ru.

Жияков Сергей Викторович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии Старооскольского филиала Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: szhil@list.ru.

Каргашин Игорь Алексеевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: iakargashin@gmail.com.

Кулабухов Никита Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и иностранных языков Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: KulabukhovNV@tksu.ru.

Лобков Александр Евгеньевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета. E-mail: aelobkov@sevsu.ru.

Локтевич Екатерина Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературно-художественной критики Белорусского государственного университета. E-mail: lichorad.kat@mail.ru.

Мельничук Наталия Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко. E-mail: natki@inbox.ru.

Павленко Александр Игоревич – преподаватель кафедры теории и практики перевода Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко; аспирант Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: pavlenko199507@mail.ru.

Рыбалко Светлана Александровна – старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики, аспирант Байкальского государственного университета. E-mail: sveta.rybalko@gmail.com.

Сорокина Ангелина Игоревна – аспирант Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: sorokina_angeline@mail.ru.

Стрелкова Елизавета Валерьевна – аспирант Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: StrelkovaYV@studklg.ru.

Фанян Нелли Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии Кубанского государственного университета. E-mail: nellyfanian@mail.ru.

Филиппова Мария Петровна – преподаватель-исследователь, старший эксперт экспертно-криминалистического центра МВД по Удмуртской Республике. E-mail: ivmarpetr@gmail.com.

Хорева Лариса Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: Novella2000@mail.ru.

Чевтаев Аркадий Александрович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы Российского государственного гидрометеорологического университета (г. Санкт-Петербург). E-mail: achevtaev@yandex.ru.